

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 1 (148)

Гуманитарные науки

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информа-
ции Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора Д.Л. КОВАЛЕНКО,
канд. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора А.Р. МИРОТИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор
Зам. главн. редактора Г.Г. ГОНЧАРЕНКО,
д-р биол. наук, профессор, чл.-корр. НАН Беларуси

Члены редакционной коллегии:

Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
Н.Н. Мезга, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук, проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus High-
er Attestation Commission list of scientific publications
of the Republic of Belarus, which publish the main re-
sults for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief D.L. KOVALENKO,
PhD, Associate Professor
Deputy editor-in-chief A.R. MIROTIN,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief G.G. GONCHARENKO,
Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB

Members of editorial board:

F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
N.N. Mezga, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

© Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», 2025

© Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State
University», 2025

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2025, № 1 (148) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Артюшко Н.А. Римский нобилитет в эпоху Принципата: от республиканской элиты к корпоративной знати империи.....	5
Бараненко В.В. Православные общины на территории БССР в период церковного раскола (1920–1930-е гг.): проблемы и перспективы изучения.....	11
Веремейчик М.А. Историческая память о революции 1917 г. в Азербайджанской Республике (1991–2024 гг.).....	17
Жилинская И.В. Издания на иностранных языках не справляются со своими задачами»: к вопросу о популяризации советской культуры за рубежом посредством печати (1939–1941 гг.).....	24
Кротаў А.М. Міжваенная Польшча як суб’ект міжнароднай палітыкі і міжнародных адносін: вобраз ва ўспрыманні беларусаў.....	30
Мезга Н.Н. Политика Рапалло в историографии Российской Федерации.....	37
Яшчанка А.Р. Штодзённае жыццё гараджан Беларусі канца XIX – пачатку XX ст. у кантэксце развіцця масавай культуры.....	43

ФИЛОЛОГИЯ

Аляшкевіч Т.А. Паэтыка ранніх апавяданняў В. Карамазава.....	47
Басовец И.М. Средства и типы субъектной референции в ссылочных конструкциях белорусскоязычных газетных текстов.....	52
Буракова М.У., Шведава З.У. Фарміраванне моўнай і прафесійнай кампетэнцый студэнтаў тэхнічных спецыяльнасцей: устойлівыя адзінкі ў мове навукі.....	57
Дединкин А.Л. Экспликация речевого портрета делинквента в жанрах экстремистского дискурса.....	63
Иванов А.Э. Репрезентация категории интенциональности в англо- и русскоязычном разговорном дискурсе.....	68
Иванова Н.В. Жанр поэмы в поэзии Великой Отечественной войны.....	75
Крыцук-Тарасава К.А. Літаратурна-крытычная і публіцыстычная творчасць Максіма Багдановіча як сродак фарміравання яго іміджу.....	79
Михалевич И.А. Проблемы жанра и композиции в романах С.И. Виткевича.....	85
Михалькова Н.В. Семантические связи иероглифических единиц в китайской письменности (на материале детерминативов-обозначений жилищ и их частей).....	91
Михальчук Н.А. Иронические высказывания в русской художественной прозе 1920-х гг.: коммуникативно-прагматический и стилистический аспекты.....	97

Новак В.С., Кастрыца А.А. <i>Традыцыйная духоўная спадчына жыхароў Мазырышчыны.</i>	103
Паплаўная Л.В. <i>Вобразнасць мастацкага слова Віктара Шніпа</i>	109
Сюй На. <i>Повесть «Прощание с Матёрой» В. Распутина в китайской критике</i>	115
Хоменко Е.В., Васильева Т.И. <i>Содержание дискурсивной деятельности автора англоязычной и франкоязычной учебно-научной лекции</i>	119
Шаладонова Ж.С. <i>Вобраз цягніка ў мастацкай канцэпцыі гістарычных твораў Івана Шамякіна</i>	125
ФИЛОСОФИЯ	
Калмыков В.Н. <i>Глобальные проблемы, глобализация и культурное разнообразие</i>	131

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999

Released bimonthly

• 2025, № 1 (148) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

Artiushko N.A. <i>The Roman nobility during the Principate: from republican elite to corporate nobility of the Empire</i>	5
Baranenka V.V. <i>Orthodox communities on the territory of the BSSR in the period of church schism (1920s–1930s): problems and prospects of study</i>	11
Veremeychik M.A. <i>Historical memory of the 1917 Revolution in the Republic of Azerbaijan (1991–2024)</i>	17
Zhilinskaya I.V. <i>«Publications in foreign languages do not cope with their tasks»: on the issue of popularization of Soviet culture abroad through the press (1939–1941)</i>	24
Krotau A.M. <i>Interwar Poland as a subject of international politics and international relations: image in the perception of the Belarusians</i>	30
Mezga N.N. <i>Rapallo politics in the historiography of the Russian Federation</i>	37
Yashchanka A.R. <i>Everyday life of Belarusian citizens of the late 19th – early 20th centuries in the context of the development of mass culture</i>	43

PHILOLOGY

Aliashkevich T.A. <i>The poetics of V. Karamazov's early stories</i>	47
Basovets I.M. <i>Means and types of subject reference in referential structures of Belarusian newspaper texts</i>	52
Burakova M.U., Shvedava Z.U. <i>Formation of linguistic and professional competences of students of technical specialties: fixed units in the language of science</i>	57
Dedinkin A.L. <i>Explication of the speech portrait of a delinquent in the genres of extremist discourse</i>	63
Ivanov A.E. <i>Representation of the category of intentionality in English and Russian conversational discourse</i>	68
Ivanova N.V. <i>The poem genre in the poetry of the Great Patriotic War</i>	75
Krytsuk-Tarasava K.A. <i>Maksim Bogdanovich's literary-critical and journalistic activity as a means of forming his image</i>	79
Mihalevich I.A. <i>Problems of genre and composition in the novels by S.I. Witkiewicz</i>	85
Mihalkova N.V. <i>Semantic connections of hieroglyphic units in Chinese writing (based on determinatives-designations of dwellings and their parts)</i>	91
Mikhanchuk N.A. <i>Ironic statements in Russian fiction of the 1920s: communicative, pragmatic and stylistic aspects</i>	97
Novak V.S., Kastrysya A.A. <i>Traditional spiritual heritage of the inhabitants of the Mozyr region</i> ..	103
Paplaunaya L.V. <i>The imagery of Viktor Shnip's literary works</i>	109
Xu Na. <i>The story «Farewell to Matera» by V. Rasputin in Chinese criticism</i>	115

Homenko E.V., Vasilyeva T.I. <i>The content of the discursive activity of the author of an English-language and French-language educational and scientific lecture</i>	119
Shaladonava Zh.S. <i>The image of the train in the artistic concept of historical works by Ivan Shamyakin</i>	125
PHILOSOPHY	
Kalmykov V.N. <i>Global issues, globalization and cultural diversity</i>	131

История

УДК 94(37)''001/009'':316.35

EDN: DНІКНІ

Римский нобилитет в эпоху Принципата: от республиканской элиты к корпоративной знати империи

Н.А. АРТЮШКО

Статья посвящена анализу римского нобилитета в эпоху Принципата. Исследуется трансформация аристократии от республиканской элиты к корпоративной знати империи, описывается процесс слияния патрициев и плебеев в новый класс – нобилитет. Рассматривается роль традиционных ценностей *mos maiorum* в регулировании поведения римских аристократов и система внутрикорпоративного соперничества. В статье также анализируются сложные отношения между сенатом и императором в эпоху Принципата и роль нобилитета в формировании и развитии Римской империи.

Ключевые слова: Римская империя, Принципат, нобилитет, римская аристократия, сенат, император.

This article focuses on an analysis of the Roman nobility during the Principate. It explores the transformation of the aristocracy from a republican elite to a corporate nobility of the empire, describing the process of the merging of patricians and plebeians into a new class – the nobility. It examines the role of traditional values, *mos maiorum*, in regulating the behavior of Roman aristocrats, and the system of intra-corporate rivalry. The article also analyzes the complex relationship between the Senate and the Emperor during the Principate and the role of the nobility in the formation and development of the Roman Empire.

Keywords: Roman Empire, Principate, nobility, Roman aristocracy, Senate, Emperor.

В античном мире, как и в Европе позднего Средневековья и раннего Нового времени, аристократия формировалась из наиболее воинственной и социально значимой прослойки общества [1, с. 231]. Эта прослойка, наследуя от поколения к поколению военный опыт и социальные функции, постепенно трансформировалась в знать, которая подкрепляла свое реальное превосходство ссылками на славных предков и их заслуги. В этом контексте особенно выразительны самообозначения, принятые как греческими, так и римскими аристократами: у гомеровских греков они именовались «рожденными Зевсом» (*diogeneis*), у афинян – «происходящими от хороших отцов» (*eupatridai*), а у римлян – «славные отцами» (*patricii*) [2, с. 402]. Эти самообозначения не только подчеркивали их высокое социальное положение, но и служили основой для легитимации их власти и привилегий в обществе.

Несмотря на общее сходство в происхождении и статусе, греческая и римская аристократия имели свои отличия, особенно в отношении самоопределения. Греческие аристократы, начиная с гомеровского времени (X–IX вв. до н. э.), усвоили самообозначение «лучшие» (*aristoi, beltistoi, kratistoi*), что дало название режиму, при котором господствует знать, – «аристократия», что в переводе означает «власть лучших» [3, с. 134]. Это понятие не только отражало их социальный статус, но и устанавливало определенные моральные и этические нормы, которые должны были соблюдаться представителями аристократии.

В отличие от греческой, римская аристократия, или нобилитет, всегда ориентировалась на военные занятия, что определяло более простое, чем у греков, определение главного ценного качества – «мужество» (*virtus*, от *vir* – «муж», «мужчина»). В период расцвета Римской республики старинная патрицианская знать смешалась с плебейской верхушкой, что привело к появлению нового понятия «нобили» (*nobiles*), обозначающего тех, кто обладал правом на известность не только благодаря благородному происхождению, но и по другим критериям, включая богатство [4, с. 202]. Это изменение в составе знатного слоя также повлияло на общественную ориентацию римской аристократии. Наряду с военной службой и политикой, значительное внимание стало уделяться юриспруденции и судебному красноре-

чию. Римская знать выдвинула из своих рядов не только прославленных военачальников, таких как Публий Корнелий Сципион Африканский и Гай Юлий Цезарь, но и выдающихся юристов и ораторов, среди которых на первом месте стоит Цицерон.

Аристократия сыграла ключевую роль в формировании и поддержании культурной жизни античного мира. Именно патрицианская знать, возглавляемая Луцием Юнием Брутом и Луцием Тарквинием Коллатином, свергла древнюю царскую власть, которая трансформировалась в тиранию, и положила начало Римской республике [5, с. 139]. В дальнейшем, хотя в сфере внутренних преобразований роль римской аристократии была ограниченной, в области внешней политики, особенно в завоевательных войнах как в Италии, так и за ее пределами, она играла решающую роль. Ярким примером служат представители рода Корнелиев Сципионов, которые сокрушили мощь Карфагена. В эпоху Гражданских войн (конец II–I в. до н. э.) именно аристократы, братья Тиберий и Гай Гракхи, стали инициаторами радикальных демократических реформ. Позже аристократ и консерватор Луций Корнелий Сулла продемонстрировал первый образец новой императорской власти, в то время как другой аристократ, Гай Юлий Цезарь, заложил основы новой государственной системы – империи [6, с. 197]. Даже в эпоху империи, когда авторитарная власть казалась доминирующей, сенат, как оплот римской аристократии, оставался важным участником государственного управления, что придавало Римской империи уникальный характер, отличавший ее от абсолютистских монархий Нового времени.

Когда мы исследуем причины, по которым аристократия оставалась значимым участником общественной жизни на протяжении всей античной истории, необходимо обратить внимание на природу самого античного общества. Даже в условиях наиболее развитого демократического устройства, как, например, в Афинах, сохранялось определенное аристократическое качество [7, с. 423]. Античное гражданское общество представляло собой корпоративное сообщество, в котором сословие полноправных граждан возвышалось над другими группами населения, лишенными прав, такими как переселенцы и рабы [8, с. 273]. В таком обществе родовая или социальная аристократия не воспринималась гражданской массой как нечто враждебное. Напротив, благодаря социальной мобильности, аристократия в греко-римском мире постоянно пополнялась выходцами из других слоев общества, что позволяло ей сохранять свое положение естественного социального верховенства.

Таким образом, непрерывное и плодотворное участие греко-римской аристократии в развитии античной культуры, ставшей образцом для всего европейского мира, объясняется ее ролью как главного носителя, хранителя и передатчика исторического опыта. Среди творцов культурных ценностей в античном мире почетное место занимают представители древней знати. У греков это гениальный поэт Гомер, создатель бессмертных эпических произведений, а также выдающиеся мыслители, такие как Солон, Гераклит и Платон. У римлян – великие реформаторы демократического толка, братья Гракхи, и основатель Империи Гай Юлий Цезарь [9, с. 271].

К этому следует добавить, что среди создателей науки истории, аристократы, такие как Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Полибий, Цезарь и Тацит, внесли значительный вклад в формирование исторической науки. Общий итог наших наблюдений сводится к следующему: античное гражданское общество было структурой, в которой аристократия играла ключевую роль, и именно она стала основным источником культурных достижений, которые продолжают оказывать влияние на современное общество. Таким образом, античная культура в своих лучших проявлениях является плодом творческих усилий верхушки этого общества – его аристократии, что подчеркивает важность изучения ее роли в историческом контексте.

В IV–III вв. до н. э. в Риме произошли значительные изменения в структуре аристократии, когда старая патрицианская знать уступила место новому высшему классу – нобилитету. Этот процесс был результатом длительной и сложной борьбы между патрициями и плебеями, в ходе которой последние добивались все большего политического влияния и прав. Одним из первых значительных шагов в этом направлении стало предоставление плебеям доступа к государственным должностям, что кардинально изменило политический ландшафт Рима. В 367 г. до н. э. плебеи добились принятия законов Лициния-Секстия, которые позволили им занимать одно из консульских мест. В результате этих реформ была ликвидирована должность военных трибунов, что также способствовало укреплению политических позиций

плебеев. В дальнейшем, в течение нескольких десятилетий, плебеем постепенно открывались и другие важные государственные должности, что свидетельствовало о значительном изменении в политической системе Рима [10, с. 132].

Завершением этого процесса стало принятие в 287 г. до н. э. закона Гортензия, который подтвердил положения ранее принятого в 339 г. до н. э. закона Публилия Филона. Эти законы установили, что решения трибунных комиций не требовали утверждения со стороны патрициев (или «отцов», *patres*) и приравнивались к законам, что значительно усилило политическую власть плебеев и способствовало их интеграции в систему управления. В результате этого процесса высший слой плебейского сословия начал сливаться с патрицианской знатью, что привело к образованию нового высшего класса – нобилитета.

На формирование нобилитета оказали влияние три ключевых фактора. Во-первых, это завоевание Римом Италии и его территориальная экспансия, которые стали основой политических и военных успехов, способствующих укреплению величия Рима. Эти успехи не только увеличили территорию Римской Республики, но и обогатили её, что в свою очередь способствовало росту влияния новых элит. Во-вторых, важность *imperium*, как абсолютной власти высших магистратур, и магистратов с империем, а также четкие правила избрания, обеспечивающие устойчивость власти, сыграли значительную роль в формировании нового правящего класса. Эти факторы способствовали созданию особой модели поведения и системы ценностей правящего класса, известной как *mos maiorum*, которая основывалась на традициях и нормах, передаваемых из поколения в поколение.

Третий фактор, способствовавший формированию нобилитета, заключался в роли сената как институционального центра общественно-политического порядка новой аристократической республики. Сенат, обладая значительным влиянием на принятие решений, стал важным элементом в управлении Римом, что способствовало консолидации власти нового правящего класса.

Вероятно, многочисленные военные конфликты, которые пережил Рим в ходе своего активного расширения, стали ключевым моментом в формировании нового правящего класса Республики – нобилитета. С одной стороны, в ходе этих войн неизбежно гибли лучшие представители старой патрицианской аристократии, что ослабляло их позиции. С другой стороны, это обстоятельство открыло возможности для возвышения высшего слоя плебеев, который начал играть все более значимую роль в политической системе Рима. Таким образом, процесс формирования нобилитета стал результатом сложного взаимодействия социальных, политических и военных факторов, что в конечном итоге привело к изменению структуры власти в Римской Республике и созданию нового класса, который стал определять политическую жизнь Рима на протяжении последующих веков.

При рассмотрении конкуренции внутри нобилитета, становится очевидным, что она была повсеместной и неотъемлемой частью жизни римских аристократов. Статус *nobiles* должен был подтверждаться снова и снова, что создавало постоянное напряжение и необходимость в демонстрации своих достоинств. Это соревнование между аристократами продолжалось на протяжении всей жизни благородного римлянина, формируя его социальные и политические амбиции.

В условиях высокой конкуренции существовало общее соглашение, регулирующее соперничество и обеспечивающее стабильность сложной общественно-политической системы Римской республики. Таким образом, можно говорить о наличии своеобразного кодекса, который определял рамки конкуренции в столкновениях внутри правящего класса. Эти правила поведения не были формализованы в письменном виде, а опирались на консенсус, основанный на *exempla* (примерах), четко описывающих правильное или неправильное поведение в определенных ситуациях. Это явление получило название *mos maiorum* (нравы предков), к которому неоднократно апеллировали в спорах между аристократами [11]. Рамки, в которых находилось поведение каждого *nobiles*, были ясны: все они стремились поставить свои действия на службу *res publica* и повысить свою известность. Таким образом, римская аристократия существовала как корпорация, объединенная вокруг государства и государственной службы [10, с. 123].

Напряженность между сложившейся в аристократической среде системой отношений и личными интересами ярко демонстрируется на примере политической карьеры знатного римлянина [12]. Успешный *nobilis* на протяжении своей жизни последовательно проходил ряд магистратур, начиная с квестуры и заканчивая консульством [10, с. 124]. Достигнув высшей магистратуры, нобиль сразу выделялся на фоне остальных аристократов и старался, пользуясь своим положением, добиться как можно большего авторитета и репутации. Однако по истече-

нии года, когда его полномочия заканчивались, он пополнял ряды сенаторов, которые должны были контролировать амбиции молодых аристократов, стремящихся подняться по политической лестнице Республики. Таким образом, в течение своей карьеры нобиль находился на вершине политической власти всего лишь несколько лет, что не позволяло отдельным аристократам значительно возвыситься над остальными и узурпировать власть.

В моменты кризисов такое положение вещей могло нарушаться. Например, Сципиону Африканскому в период войн с Ганибалом удалось занять очень высокое положение, что отражалось в неоднократном получении им *imperium* вне системы выборов. В мирное время достичь такой полноты власти было невозможно. Когда же война наконец закончилась, большая часть нобилитета предприняла все усилия для ограничения власти Сципиона, используя в своих целях, в том числе судебные процессы [13].

Другим средством поддержания однородности в аристократической среде были так называемые *leges sumptuariae* (законы о роскоши). Эти законы использовались для ограничения расходов на различные «статусные траты», такие как пиршества, предметы роскоши и даже организация похорон. Основной мотивацией принятия таких законов якобы являлось следование *mos maiorum*, и, таким образом, сдерживание роскоши считалось противодействием упадку морали и нравственности. Однако исследователи этих процессов отмечают, что за внешним оправданием скрывались гораздо более глубокие причины социально-экономического характера. Например, принятие законов о роскоши (*lex Claudia*, *lex Metilia de fullionibus*, *lex Oppia*) в период Ганибаловой войны объясняется хронической нехваткой материальных ресурсов, ощущавшейся в Риме с самого начала войны [14, с. 118]. Кроме экономических причин, отмечаются и социальные: законы о роскоши должны были предотвратить сильное расслоение внутри аристократии и обеспечить поддержание единства и стабильности коллектива. Особенно остро этот вопрос встал начиная со II века до н. э., когда богатства, проникающие в Рим в ходе успешных завоеваний, могли бы обеспечить отдельным нобилем значительное преимущество перед другими [15, s. 48].

Тем не менее, период с 264 по 133 гг. до н. э. принято считать «золотым веком» Римской державы и Римской республики. После победы в Первой (264–241 гг.) и Второй (218–201 гг.) Пунических войнах следующее пятидесятилетие стало для Рима временем масштабного расширения. Успехи, которых добился Рим в этот период, в немалой степени обеспечивались внутренней стабильностью и сбалансированностью политической системы республики. Однако только с реформ братьев Гракхов (133–121 гг.) начался кризис. Личные интересы отдельных нобилей стали преобладать над общественными, что в конечном итоге привело к упадку *res publica* [10, с. 136]. Однако немецкий исследователь Б. Блэкман в своих последних работах показал, что данная точка зрения нуждается в уточнениях. Проведенный им анализ поведения римских аристократов во время Первой Пунической войны ясно показывает, что в правящем классе уже существовали жесткие конфликты, которые привели к большому числу военных поражений [16].

Несмотря на это, существовала сильная объединяющая связь, которая позволяла социально-политической структуре сохранять стабильность. Служба республике, как отмечалось ранее, была общей целью всего аристократического сообщества и каждого отдельного *nobiles*: только через занятие высших магистратур и служение *res publica* можно было стяжать славу и престиж.

Важное представление о том, каких идеалов придерживались члены римского аристократического социума, мы можем почерпнуть из переданной Плинием Старшим похоронной речи К. Цецилия Метелла, произнесенной в честь своего отца Л. Цецилия Метелла (*Plin. Nat.*, VII, 139) [17, с. 143]. Из текста мы узнаем, какими качествами должен был обладать аристократ, чтобы быть лучшим в самых разных областях, которые приносили пользу государству. Чтобы защищать государство от внешних врагов и завоевывать новые территории, нобиль должен был быть хорошим воином и полководцем. Для того чтобы преуспеть на политическом поприще, необходимо было владеть ораторским мастерством, требуемым для выступления в суде или на *contiones* и т. д. [18, s. 219–256]. Все мероприятия, которые проводил аристократ, находясь на государственных должностях, будь то постройка дорог или принятие законов, были связаны с ним и впоследствии носили его имя. Большое состояние было необходимым условием для участия в политической жизни, так как выборы и политическая борьба требовали немалых средств. Кроме того, магистратуры и работа в сенате не оплачивались; должностное лицо получало средства только на государственные расходы. Таким образом, основные качества, необходимые аристократу для достижения вершины политиче-

ской карьеры и, тем самым, для принесения пользы *res publica*, были четко определены. Однако все эти качества и их внешние проявления, тем не менее, были ценными лишь потому, что в аристократической среде к ним поддерживалось особое отношение [19, с. 6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что соперничество было неотъемлемой частью жизни римского нобилитета и понижало все её уровни. Вся жизнь *nobiles* была связана с постоянным подтверждением своих качеств, внешнее проявление которых непрерывно соотносилось с ожиданиями и представлениями о них со стороны остальных членов римского аристократического социума. Соперничество происходило на фоне общепринятого консенсуса, основанного на неписаном своде правил (*mos maiorum*), который выполнял интегративную функцию и гарантировал устойчивое функционирование всей социально-политической системы римской *civitas*. Это соперничество, в свою очередь, способствовало не только поддержанию внутренней стабильности, но и формированию уникальной политической культуры, которая определяла римскую идентичность и способствовала развитию республиканских институтов.

Отношения между сенаторским сословием и принцепсом в течение I в. н. э. характеризовались сложной и многогранной динамикой, которая, несмотря на формальное согласие между сторонами, была пронизана недоверием и настороженностью. Принципат как форма правления представлял собой дуалистическую систему, в которой монархический элемент проявлялся с самого начала весьма отчетливо. Реальная расстановка сил в этой системе была такова, что сенаторы не имели возможности легально оспаривать власть принцепса, что приводило к тому, что их недовольство чаще всего находило выражение в словесной фронде, кулуарных сплетнях и заговорах. В условиях такой политической среды принцепсы были вынуждены осуществлять постоянный контроль над различными сферами жизни сенаторов, стремясь минимизировать риски, связанные с возможными заговорами.

Формально, как выбранное лицо, император мог быть лишён власти по решению тех, кто его избрал. Однако реальная возможность такого исхода оставалась лишь теоретической. В теоретическом плане, компетенция сената включала в себя возможность решения вопроса о существовании императорской власти в целом. Это означает, что в эпоху империи не существовало устоявшегося правового механизма, позволяющего отстранить неугодного правителя, равно как и не было четко определено, какие действия императора могут привести к подобным последствиям. Тем не менее, само это право предполагалось, что создавало предпосылки для экстралегальных методов устранения императоров, таких как заговоры, мятежи и отравления.

Лишь однажды сенат всерьёз рассматривал возможность смещения не только принцепса в частности, но и отказ от системы принципата в целом. В 41 г. н. э. сразу после убийства Каллигулы консулы Гней Сентий Сатурин и Квинт Помпоний Секунд собрали сенат на Капитолии. Они объявили о смерти Каллигулы и предложили не избирать нового принцепса. Подобное предложение означало ликвидацию всей сложившейся политической системы. В свою очередь, многие сенаторы высказались за отстранение династии и избрание нового принцепса, предлагая своих кандидатов на пост императора. Решающим словом стало слово преторианцев, присягнувшим Клавдию, дяде Каллигулы. Им была невыгодна ликвидация императорской власти, ведь при отсутствии императора ставилась под сомнение необходимость существования преторианской гвардии. В конечном счёте сенат был вынужден подтвердить его императорские полномочия, что подчёркивает сложность и противоречивость политической ситуации того времени.

Самым ярким примером свержения принцепса можно считать свержение Нерона, которое произошло в 68 г. н. э. После нескольких восстаний в провинциях, в том числе восстания Гая Юлия Виндекса, а также перехода преторианцев на сторону Гальбы сенат объявил о низложении Нерона. Официальная процедура лишения власти и объявление Нерона «врагом общества» (*hostis publicus*) означали фактическое вынесение ему смертного приговора.

Процедура осуждения памяти *damnatio memoriae* являлась ещё одним способом противодействия принцепсу. Согласно данной процедуре было необходимо уничтожить всякое упоминание об осуждённом. Так, уничтожались статуи, портреты, изымались из обращения монеты с изображением или именем осуждённого. Известными осуждёнными стали: император Тит Флавий Домициан; император Каллигула; Луций Элий Сеян, государственный и военный деятель, временщик при принцепсе Тиберии; император Нерон и его мать Агриппина Младшая; Авидий Кассий, узурпатор и полководец императора Марка Аврелия; император Коммод. Как можно заметить, процедура *damnatio* применялась не только к императорам, но и к множеству людей, находившихся вне императорской семьи. Как правило, в таких случаях осуждение длилось столько, сколько длилось правление осудившего их императора. Но Коммод, Нерон, Каллигула и Домициан, которым *damnatio memoriae* присудил сенат, являлись осуждёнными «навечно».

Не обладая реальной властью над императором в период его правления, общественное мнение, и особенно мнение сената, оказывало значительное влияние на его память. Так, подобно *damnatio memoriae* существовала процедура обожествления императоров. Во многом обожествление зависело от отношения императора с сенатом. Поведение, резко отличающееся от идеала правителя, принятого в римском обществе, не позволяло обожествлять императора. В свою очередь, показательная приверженность республиканским идеалам находила отклик в senatorской среде.

Таким образом, римский нобилитет прошел длительный процесс трансформации от республиканской элиты к корпоративной знати империи. В эпоху Принципата он сохранил свое влияние, но его роль в политической системе изменилась, отражая новые реалии римского общества. Нобилитет продолжал играть важную роль в системе политического и военного управления государством, однако теперь ориентируется на поддержание своего положение в системе императорской власти. Трансформация нобилитета отражает сложность и динамику римского общества в эпоху Принципата, когда старые идеи и институты сочетались с новыми реалиями императорской власти.

Литература

1. Непот, К. Из книги о римских историках. Т. Помпоний Аттик / К. Непот // О знаменитых римских полководцах ; пер. с лат. и коммент. Н. Н.Трухиной. – М., 1992. – 438 с.
2. Машкин, Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность / Н. А. Машкин. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – 686 с.
3. История Древнего Рима / Под ред. В. И Кузицина. – М. : «Высшая школа», 2000. – 331 с.
4. Игнатенко, А. В. Древний Рим : от военной демократии к военной диктатуре (историко-правовое исследование) / А. В Игнатенко. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1988. – 276 с.
5. Заборовский, Я. Ю. Аппиан и римская *civitas* в последний век существования Республики : к вопросу об источниках и характере «Гражданских войн» Аппиана / Я. Ю. Заборовский // Вестник древней истории. – 1981. – № 4. – С. 138–144.
6. Утченко, С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи / С. Л. Утченко. – М. : «Наука», 1969. – 224 с.
7. Античная литература / Под ред. А. А. Тахо-Годи. – 2-е изд., перераб. – М., 1973. – 523 с.
8. Шифман, И. Ш. Цезарь Август / И. Ш. Шифман. – Л. : «Наука», 1990. – 944 с.
9. Этьен, Р. Цезарь / Р. Этьен. – М. : «Молодая гвардия», 2003. – 315 с.
10. Егоров, А. Б. Римская аристократия, её сущность и историческая роль / А. Б. Егоров // Нобилитет в истории Старой Европы ; под ред. С. Е. Фёдорова, А. Ю. Прокопьева. – СПб., 2010. – С. 120–138.
11. Linke, B. *Mos maiorum*. Untersuchungen zu den Formen der Identitätsstiftung und Stabilisierung in der römischen Republik / B. Linke // hrsg. v. M. Stemmler. – Stuttgart : Verlag Franz Steiner, 2000. – 319 s.
12. Stolle, R. *Ambitus et Invidia*. Römische Politiker im Spannungsfeld zwischen persönlichem Ehrgeiz und Forderungen der Standesloyalität 200–133 v. Chr. / R. Stolle // Europäische Hochschulschriften. Reihe 3, Geschichte und ihre Hilfswissenschaften., Bd. 828. – Frankfurt a/Main : Verlag Peter Lang, 1999. – 235 s.
13. Schwarte, K.-H. Publius Cornelius Scipio Africanus der Ältere – Eroberer zwischen West und Ost / K.-H. Schwarte // Von Romulus zu Augustus : Große Gestalten der römischen Republik / hrsg. v. Karl-Joachim Hölkeskamp und Elke Stein-Hölkeskamp. – München : Beck, 2000. – S. 106–119.
14. Квашнин, В. А. Законы о роскоши в древнем Риме эпохи пунических войн / В. А. Квашнин. – Вологда : «Русь», 2006. – 161 с.
15. Baltrusch, E. *Regimen morum*. Die Reglementierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit / E. Baltrusch // *Vestigia*. Beiträge zur alten Geschichte, Bd. 41. – München : Beck, 1989. – 237 s.
16. Bleckmann, B. Die römische Nobilität im Ersten Punischen Krieg. Untersuchungen zur aristokratischen Konkurrenz in der Republik / B. Bleckmann // *Klio*, Beiträge zur Alten Geschichte, Bd. 5. – Berlin : Akademie Verlag, 2002. – 271 s.
17. Кнабе, Г. С. Категория престижности в жизни древнего Рима / Г. С. Кнабе // Быт и история античности ; отв. ред. Г. С. Кнабе. – М. : Наука, 1988. – С. 143–169.
18. Hölkeskamp, K.-J. *SENATVS POPVLVSQVE ROMANVS*. Die politische Kultur der Republik – Dimensionen und Deutungen / K.-J. Hölkeskamp. – Stuttgart : Verlag Franz Steiner, 2004. – 334 s.
19. Телепень, С. В. К вопросу о корпоративных связях и ценностях римского нобилитета / С. В. Телепень // Современная научная мысль. – 2016. – № 3. – С. 5–11.

Православные общины на территории БССР в период церковного раскола (1920–1930-е гг.): проблемы и перспективы изучения

В.В. БАРАНЕНКО

Статья посвящена изучению общин православной церкви на территории БССР во время раскола в 1920–1930-е гг. и их историческому контексту. В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются исследователи, и методологические подходы, применяемые при анализе религиозных общин и их истории. Подчеркивается важность критического анализа источников, учитывая их идеологическую окрашенность, фрагментарность и ограниченный доступ к архивным материалам. Автор обращает внимание на изменчивость и сложность внутрицерковной жизни в этот период и необходимость сохранения критического подхода в исследованиях религиозных общин. Изучение данных аспектов позволит лучше понять динамику и последствия раскола, его значимость для современной православной церкви.

Ключевые слова: православные общины, Русская православная церковь, БССР, исследовательские проблемы, методологические подходы, церковный раскол, историография.

The article is an investigation into the history of Orthodox Church communities in the BSSR during the schism of the 1920s and 1930s, with a particular focus on the historical context in which they existed. The article addresses the challenges encountered by researchers and the methodological approaches employed in analysing religious communities and their history. The necessity for a critical analysis of sources is underscored, given their ideological bias, fragmentation, and restricted access to archival materials. The author highlights the volatility and intricacy of intra-church dynamics during that period and the imperative for a discerning approach in the study of religious communities. The examination of those elements will facilitate a more profound comprehension of the schism's dynamics and ramifications for the contemporary Orthodox Church.

Keywords: Orthodox communities, Russian Orthodox Church, BSSR, research problems, methodological approaches, church schism, historiography.

Раскол православной церкви в 1920–1930-х гг. представлял собой серьезное испытание для приходской жизни. Политические и социальные изменения, происходившие в то время, оказали значительное влияние на верующих и их общины. Монастыри и общины были лишены своих имущественных и финансовых ресурсов, что создавало серьезные трудности для их существования и развития. Кроме того, раскол привел к разделению верующих на различные группы и вызвал конфликты и разлад внутри общин.

Одним из основных источников информации по изучению православных общин на территории БССР в период церковного раскола 1920–1930-х гг. являются документы, хранящиеся в государственных и церковных архивных учреждениях. Для более полного понимания контекста истории православных общин на белорусских землях в 1920–1930-х гг. необходимо учитывать идеологические взгляды составителей документов – представителей советской власти, приверженцев того или иного церковного течения. Исследователям необходимо проявлять критическое мышление и учитывать возможные искажения, присущие таким источникам, что подчеркивает важность анализа контекста и тщательного изучения фактов, приведенных в источниках.

В результате атеистической политики советского государства *многие церковные документы были уничтожены*, а сохранившиеся материалы часто *подвергались цензуре и искажению* [1], [2]. Часть церковных архивных документов была утрачена в связи с недостаточными мерами по их сохранению со стороны церковных организаций [3]–[5]. В некоторых случаях исследователям может быть ограничен доступ к архивным документам и материалам, связанным с церковным расколом в 1920–1930-х гг. Это создает сложности для исследователей и требует поиска малочисленных сохранившихся источников и информации из доступных мест.

Сложности работы с историческими источниками тесно связаны с методологическими проблемами, стоящими перед исследователями православных общин в 1920–1930-е гг. Одной из таких проблем является *изменчивость и сложность внутрицерковной жизни*. В результате

раскола возникли различные общины и группы, переходящие из одной церковной юрисдикции в другую. Это усложняет определение и классификацию этих общин и требует тщательного изучения их истории и связей. Исследователи должны обратить особое внимание на динамику этих изменений и их влияние на формирование религиозных общин в данный период.

В историографии изучения религиозных общин православной церкви на территории БССР в 1920–1930-х гг. можно условно выделить два периода, которые отражают различные подходы и изменения в исследованиях проблематики: *советский и постсоветский*. Каждый период имел свои особенности, обусловленные условиями времени и средой, в которой происходили исследования.

Методологической основой историографии советского времени стала марксистско-ленинская теория, определившая атеистическую направленность большинства исследований. В публикациях этого периода исследователи сосредотачивались на атеистическом воспитании граждан страны [6], [7].

Изучению внутрицерковных процессов, особенно локального характера, на территории БССР во время церковного раскола не придавалось особого значения, в отличие от других религиозных групп [8]. В связи с чем долгое время данная проблематика не становилась предметом отдельных исследований.

После распада Советского Союза и смягчения государственного контроля идеологические ограничения на исследования были сняты. Вследствие этого произошло открытие доступа к ранее ограниченному архивным материалам, что обусловило новый период исследований.

С появлением новых методологических подходов, связанных с постмодернистскими исследованиями и критическим подходом к историческому анализу, учёные начали рассматривать историю православных общин с нового ракурса, уделяя внимание различным социальным, культурным и политическим аспектам религиозной жизни.

В связи с этим в постсоветский период в исследованиях истории общин Русской православной церкви на территории БССР в 1920–1930-х гг. можно выделить несколько этапов:

1990 – середина 2000-х гг. – характеризуется рассмотрением православных общин в контексте общего исследования православной церкви на территории Беларуси, с акцентом на государственную религиозную политику [9]–[11]. Профессиональные историки не уделяли должного внимания изучению вопроса деятельности отдельных общин в 1920–1930-е гг., данные аспекты рассматривались лишь в работах краеведов [12]–[13].

При этом в работах этого периода православная церковь рассматривалась, как правило, единой организацией, несмотря на то что в действительности была разделена на ряд обособленных церковных групп.

В период **с конца 2000-х – первой половины 2010-х гг.** акцент работ по истории православия в БССР в первые два десятилетия советской власти смещается на региональный уровень. Территориальные рамки работ сужаются до отдельных единиц как гражданского, так и церковного административно-территориального деления. Зачастую работы, написанные в этот период, ставили своей целью изучение отдельных направлений политики государственной власти по отношению к православным обществам, и как правило, ограничивались рассмотрением общего контекста проведения мероприятий в регионе, без акцентирования на то, как это политика отражалась на деятельности той либо иной общины [14]–[19].

Отдельное направление, относящееся к исследованию православных общин, занимают просопографические исследования, которые позволяют раскрыть жизнь и деятельность отдельных представителей определенных сообществ [20]–[21].

С середины 2010 – по начало 2020-х гг. появляются исследования, в которых уделяется внимание определенным аспектам деятельности православных общин, в том числе и с учетом отдельных церковных ориентаций. В этот период произошли существенные изменения в подходах к историческому исследованию, и историки все больше стали обращаться к исследованию конкретных исторических событий, индивидуальных судеб и повседневной жизни как духовенства, так и верующего населения.

Анализ историографии позволяет выделить несколько ключевых направлений исследований в истории православных общин в БССР в указанный период. По-прежнему сохраняется направление по исследованию воздействия советской власти на православные общины.

Основное внимание уделяется как антирелигиозной политике в общем контексте исторических изменений [22] так и отдельным антирелигиозным компаниям, таким как конфискация церковного имущества [17], закрытие храмов [23], [24], репрессии в отношении духовенства [25], [26] и другим подобным мерам.

Второе направление исследований деятельности православных общин в 1920–1930-х гг. посвящено рассмотрению реакции православного населения на проводимую антирелигиозную политику советского государства [27] и выявлению различных форм сопротивления [16], [28], [29].

Отдельной группой исследований являются работы, посвященные изучению религиозности населения, в которых внимание исследователей фокусируется на влиянии политической обстановки на религиозную практику и ритуалы верующих [30]–[33]. В них анализируются изменения в организации богослужений, частота участия верующих в них, а также мотивация и потребности прихожан в связи с ограничениями и преследованиями, связанными с антирелигиозной политикой.

Самостоятельным направлением в изучении православных общин на территории БССР в межвоенный период являются исследования сообществ, которые поддерживали обновленчество [34], [35], а также исследования отношения верующих к новому церковному течению и предложенным обновленцами реформам [36].

В последнее время был защищен ряд диссертаций [37]–[39], которые затрагивали в той или иной мере проблему функционирования православных общин БССР в период церковного раскола, что также может свидетельствовать об актуальности исследования истории православной церкви в один из самых тяжелых периодов её существования.

Рост исследований по различным аспектам деятельности православных общин на территории Беларуси в 1920–1930-е гг. вызван активным применением *микроисторического метода*. Развитие этого подхода, связанного с переориентацией от изучения крупных политических событий и высокопоставленных личностей к анализу повседневной жизни и опыта обычных людей, отражает актуальное направление в историографии. Использование микроисторического метода стало возможным благодаря накопленному опыту предыдущих исследований, выявлению и введению в научный оборот новых комплексов архивных документов.

Развитие информационных технологий и доступность цифровых архивов и ресурсов стали важными факторами, способствующими применению микроисторического метода. Цифровизация исторических источников позволяет историкам анализировать большие объемы документов и материалов, которые содержат информацию о жизни и деятельности отдельных людей.

Следует отметить, что микроисторический метод не полностью вытеснил другие методы исследования, но стал важным дополнением к более традиционным подходам в исторической науке Беларуси. Он позволяет более глубоко и полно раскрыть исторические события и их влияние на жизнь обычных людей в контексте белорусской истории.

Исследования общин православной церкви во время раскола в 1920–1930-х гг. выявили следующие уникальные черты, которые отличали их функционирование в другие исторические периоды:

– *Влияние политических и социальных факторов на деятельность общин.* Раскол в православной церкви в 1920–1930-х гг. был тесно связан с политической и социальной обстановкой того времени. Православные общины были вовлечены в политическую борьбу, а их отношение к государству и власти существенно различалось. Это привело к формированию альтернативных церковных структур и лояльности к разным политическим идеологиям. Многие общины столкнулись с преследованиями и ограничениями со стороны государства. Исследования показали, что некоторые общины активно сопротивлялись или противостояли преследованиям, сохраняя свою веру и идентичность в сложных условиях.

– *Одной из уникальных черт религиозных общин во время раскола была их роль в сохранении веры и культурной идентичности верующих.* Исследования подтвердили, что общины играли важную роль в поддержании религиозной практики, проведении богослужений и обрядов, а также в сохранении культурных традиций и ценностей.

Дальнейшие исследования деятельности православных общин в 1920–1930-х гг. в БССР могут быть осуществлены при помощи различных подходов и методов исследований. В связи с этим можно выделить несколько направлений, которые могут быть перспективными.

Так как православная церковь в исследуемый период не являлась единой организацией, а была разделена на ряд самостоятельных церковных групп, целесообразно провести подробный *анализ общин, относящихся к определенным церковным юрисдикциям*. Это позволит выявить их уникальные характеристики, включая религиозные убеждения, организационную структуру, реакцию на политические и социальные события и взаимодействие с другими общинами. На данный момент сделана попытка рассмотреть только деятельность отдельных обновленческих общин [33], [34] при этом отсутствуют исследования, которые были бы посвящены приходской жизни приверженцев патриаршества либо автокефального движения.

Несмотря на ряд работ, посвященных взаимоотношениям государства и церкви, по-прежнему не в полной мере исследовано *влияние политической и социальной обстановки на деятельность православных общин в 1920–1930-х гг.* Новые исследования могут быть посвящены анализу отдельных аспектов антирелигиозных компаний, таких как конфискация церковного имущества, закрытие храмов, репрессии в отношении духовенства и другие меры через призму реакций общин на эти события. Отсутствуют исследования, посвященные рассмотрению отдельных типов противодействий православного населения на проводимую антирелигиозную политику советского государства, например, таких как петиции и жалобы.

Последующее изучение роли православных общин в сохранении веры и культурных традиций верующих может включать *анализ организации богослужений, проведения ритуалов, поддержки религиозной практики и сохранения культурных ценностей* в условиях ограничений и преследований.

Научный интерес представляет исследование *взаимодействия православных общин с другими религиозными и социальными группами* в период раскола. Данное направление может включать анализ конфликтов, сотрудничества, взаимопонимания или столкновения между различными церковными течениями и социальными силами.

Современные информационные технологии и доступность цифровых архивов и ресурсов открывают новые возможности для исследования. Использование цифровых материалов позволяет историкам анализировать большие объемы документов, содержащих информацию о жизни и деятельности отдельных лиц и общин, а также позволяет проводить *сравнительные исследования на основе электронных баз данных*.

Исследование деятельности православных общин в 1920–1930 гг. может быть обогащено путем включения междисциплинарных подходов, таких как *сетевой анализ* или *географическая информационная система (ГИС)*. Применение информационных технологий может способствовать в анализе социальных и политических факторов, влияющих на православные общины, и раскрыть более широкий контекст их деятельности.

Таким образом, исследование православных общин на территории БССР в период церковного раскола 1920–1930-х гг. является сложным процессом, связанным с рядом вызовов. В первую очередь, источники информации оказываются идеологически окрашенными, что требует критического подхода со стороны исследователей, анализа контекста и учета возможных искажений. Кроме того, фрагментарность источников и ограниченный доступ к архивным материалам создают сложности, требующие поиска альтернативных источников информации. Изменчивость и сложность внутрицерковной жизни в данном периоде также представляют вызов для исследователей, требуя детального изучения истории и связей общин и использования комплексного подхода, включающего анализ религиозных, политических, социальных и культурных аспектов. Это позволит получить глубокое понимание роли и влияния православных общин в данном периоде и их вклада в историю и культуру. Предоставление свободного доступа к архивным материалам, хранящимся как в государственных, так и церковных архивохранилищах, и находящихся в ограниченном доступе, может значительно обогатить исследования в этой области.

В целом, дальнейшие исследования деятельности православных общин в 1920–1930 гг. в БССР представляются перспективными. Они могут помочь более обстоятельно понять роль общин, их взаимодействие с политическими и социальными институтами, а также сохранение веры и культурной идентичности верующих. Использование современных методов и доступных цифровых ресурсов позволит расширить объем исследований и получить новые выводы.

Литература

1. Сафонов, Д. В. Материалы по истории обновленческого раскола в российских архивах / Д. В. Сафонов // XVI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. – М., 2006. – С. 198–205.
2. Косик, О. В. История сбора и распространения церковных документов (1920–1930-е гг.) (к постановке проблемы) / О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. Сер. 2 : История. История Русской Православной Церкви. – 2010. – № 36. – С. 48–66.
3. Попов, А. В. Проблемы сохранения архивных документов Русской православной церкви / А. В. Попов // Новый исторический вестник. – 2005. – № 14. – С. 84–91.
4. Карпекін, К. Р. Архівы і бібліятэкі праваслаўных цэркваў у 1918–1920-я гг. (на прыкладзе Лёзненшчыны) / К. Р. Карпекін // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. / ВГУ им. П. М. Машерова. – Витебск, 2021. – С. 57–60.
5. Вишневский, И. А. Архивы обновленческих учреждений Беларуси (1922–1935 гг.) / И. А. Вишневский // Архіварыус : зб. навук. паведамленняў і арт. – 2011. – Вып. 9. – С. 5–18.
6. Корзун, М. С. Русская православная церковь, 1917–1945 годы : Изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения / М. С. Корзун. – Минск : Беларусь, 1987. – 111 с.
7. Круглов, А. А. Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987 гг.) / А. А. Круглов. – Минск : Беларусь, 1989. – 365 с.
8. Вольфсон, С. Я. Сучасная рэлігійнасць : (паводле матэрыялаў даследавання ў БССР) / С. Я. Вольфсон. – Менск : Выданне БАН, 1930. – 118 с.
9. Янушевич, И. И. Конфессиональная политика советского государства : уроки истории 1917–1928 гг. / И. И. Янушевич. – Минск : БГУ, 2005. – 141 с.
10. Протьюко, Т. С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. С. Протьюко. – Минск : Тесей, 2002. – 686 с.
11. Кривонос, Ф. У Бога мертвых нет : неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 гг.) / Ф. Кривонос. – Минск, 2007. – 239 с.
12. Газін, Д. Вымянянская жамчужына / Д. Газін // Жыццё Прыдзвіння. – 1994. – 30 ліп. – С. 4.
13. Шевченко, Н. Так возник храм / Н. Шевченко // Віцебскі рабочы. – 2001. – 20 сак. – С. 3.
14. Горидовец, В. В. Изъятие ценностей у религиозных общин в Витебской губернии в 1922 году / В. В. Горидовец // Вестник церковной истории. – 2012. – № 3-4. – С. 308–347.
15. Василицина, Л. Изъятие церковных ценностей в православных монастырях Беларуси в 1922 году [Электронный ресурс] / Л. Василицина. – Режим доступа : www.uspenie.by/изъятие-церковных-ценностей-в-правос/. – Дата доступа : 19.05.2024.
16. Грищенко, И. А. Сопrotивление антицерковной политике Советской власти в 1920–1930 годы (на примере Гомельщины) / И. А. Грищенко, С. А. Юрис // Беларусь у XIX–XXI стагоддзях : этнакультурнае і нацыянальна-дзяржаўнае развіццё : зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гом. дзярж. ўн-т імя Ф. Скарыны ; рэдкал.: В. А. Міхедзька [і інш.]. – Гомель, 2015. – С. 135–142.
17. Тригорлова, Л. Б. Изъятие церковных ценностей в Полоцком уезде (1922 г.) в контексте конфессиональной политики Советской власти / Л. Б. Тригорлова // Религия и общество – 10 : сб. материалов науч. трудов X Междунар. науч.-практ. конф. «Религия и общество» / МГУ им. А.А. Кулешова. – Могилев, 2016. – С. 87–90.
18. Горидовец, В. В. Хроника изъятия церковных ценностей в православных храмах Витебска в 1922 г. / В. В. Горидовец // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XVI Региональной науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов / ВГУ им. П.М. Машерова. – Витебск, 2011. – Т. 1. – С. 382–384.
19. Слесарев, А. В. Кампания по изъятию церковных ценностей на территории Гомельского уезда (апрель–август 1922 г.) / А. В. Слесарев // Труды Минской Духовной Академии. – 2011. – Т. 9. – С. 126–139.
20. Маракоў, Л. Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнна- і царкоўнаслужыцелі Беларусі, 1917–1967 : в 2 т. / Л. Маракоў. – Минск : Беларускі Экзархат, 2007. – Т. 2. – 648 с.
21. Витебский мартиролог (1918–1952) : труды комиссии по канонизации Святых Белорусской Православной Церкви / ред. В. Горидовец. – Витебск : Изд. отдел Витебской епархии, 2008. – 75 с.
22. Грищенко, И. Реализация антицерковной политики советской власти в 1920–1930-е годы на Гомельщине / И. Грищенко // Doctrina. Studia Społeczno-Polityczne. – 2019. – № 16. – С. 25–26.
23. Опиок, Т. В. Изъятие храмов у православных религиозных общин БССР в 1920–1930 гг. / Т. В. Опиок // Религия и общество – 10 : сб. материалов науч. трудов X Междунар. науч.-практ. конф. «Религия и общество» / МГУ им. А.А. Кулешова. – Могилев, 2016. – С. 68–71.

24. Янушевич, И. И. Закрытие православных храмов в Советской Белоруссии (1918–1923 гг.) / И. И. Янушевич // Научные труды Республиканского института высшей школы : сб. науч. ст. – Минск, 2019. – Вып. 19, ч. 2 : Истор. и псих.-пед. науки. – С. 152–158.
25. Калинина, А. С. Массовые репрессии 1937–1938 гг. в жизни православного населения БССР / А. С. Калинина // Религия и письменность как факторы формирования славянской культуры : сб. докл. XXIII международных Кирилло-Мефодиевских чтений / ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» БГУ ; ред.-сост.: С. И. Шатравский, священник Святослав Рогальский. – Минск : ООО «Позитив-центр», 2018. – С. 147–151.
26. Тригорлова, Л. Б. Репрессивная политика властей в отношении священнослужителей и верующих на Полотчине в 1919–1939 гг. / Л. Б. Тригорлова // Религия и общество – 14 : сб. науч. ст. ; под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко / МГУ им. А.А. Кулешова. – Могилев, 2020. – С. 178–180.
27. Янушевич, И. И. Борьба с религией и церковью в Беларуси в условиях формирования командно-административной системы (конец 1920-х гг. – 1941 г.) / И. И. Янушевич // Человек в социокультурном измерении. – 2023. – № 1. – С. 39–49.
28. Довгяло, Н. В. Массовые выступления верующих против антирелигиозной политики государства в БССР в 1928–1930 гг. / Н. В. Довгяло // Вестник Полоцкого гос. ун-та. – 2020. – № 1. – С. 51–54.
29. Бараненка, В. В. Кампанія па вяртанні праваслаўных храмаў у 1930 г. (на прыкладзе Віцебскай акругі) / В. В. Бараненка // Книжное наследие А.П. Сапунова : матер. респуб. науч.-практ. конф. к юбилеям издания А.П. Сапуновым книг «Витебская старина» (т. 1, 1883) и «Река Западная Двина» (1893) / Нац. б-ка Беларуси. – Минск, 2014. – С. 214–219.
30. Калинина, А. С. Православная община в БССР : эволюция богослужебной жизни верующих в условиях антирелигиозной политики советского государства в 1929–1939 гг. / А. С. Калинина // Средненские чтения / Свято-Филаретовский православно-христианский институт. – М., 2018. – С. 212–221.
31. Довгяло, Н. В. Структура религиозных общин в БССР в 1921–1939 гг. : методы изучения и сравнительный анализ / Н. В. Довгяло, Е. Н. Борун // Беларускае Падзвінне : вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. IV Міжнар. навук. канф. да 50-годдзя Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта / ПДУ. – Наваполацк, 2018. – С. 627–632.
32. Довгяло, Н. В. Религиозность населения БССР в 1920-х–1930-х годах / Н. В. Довгяло // Беларускае Падзвінне : вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. II Міжн. навук. канф. : у 2 ч. / ПДУ. – Наваполацк, 2014. – Ч. 2. – С. 74–81.
33. Бараненко, В. В. Отношение белорусского православного населения к обновленчеству (в 1920–1930-х гг.) / В. В. Бараненко // Вестник Полоцкого гос. ун-та. – 2016. – № 1. – С. 79–87.
34. Бараненко, В. В. Минская обновленческая группа (1923–1924 гг.) : количественный состав, социальная и половозрастная структура / В. В. Бараненко // Православие в Беларуси XIX–XX вв. : матер. Междунар. науч. конф. – Минск : Изд. Минской духовной академии, 2019. – С. 176–184.
35. Бараненко, В. В. Формирование организационной структуры Минской обновленческой епархии : от религиозной группы до епархиального управления / В. В. Бараненко // Религия и Коммуникация : материалы VI Международной научно-практической конференции, Минск, 18–20 апреля 2019 г. – Минск : Ковчег, 2019. – С. 80–86.
36. Бараненко, В. В. «Много смуты, раздора и разделения» : проведение календарной реформы «обновленцами» на территории Восточной Беларуси в 1923–1925 гг. / В. В. Бараненко // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века : материалы Междунар. науч. конференции, Витебск, 27 февраля – 3 марта 2017 г. / ВГУ им. П.М. Машерова. – Витебск, 2017. – С. 206–209.
37. Довгяло, Н. В. Конфессиональная политика в Белорусской ССР в 1921–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. В. Довгяло. – Могилев, 2015. – 139 с.
38. Бараненка, В. В. Беларуская абнаўленчая царква (1922–1938 гг.) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / В. В. Бараненка. – Минск, 2017. – 270 с.
39. Калинина, А. С. Трансформация церковно-приходской жизни православного населения БССР в 1929–1939 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. С. Калинина. – Минск, 2019. – 184 с.

Историческая память о революции 1917 г. в Азербайджанской Республике (1991–2024 гг.)

М.А. ВЕРЕМЕЙЧИК

В статье рассмотрено влияние революции 1917 г. на формирование суверенного азербайджанского государства, возникшего в результате революции. Ключевое внимание уделено коммеморационным практикам в отношении Азербайджанской Демократической Республики (АДР), сформированной в 1919–1920 гг. Выделены основные этапы развития исторической политики Азербайджанской Республики в 1991–2024 гг. Исследуется генезис национальной исторической памяти через отношение к первой азербайджанской республике. Особое внимание уделено основателю АДР М. Расулзаде.

Ключевые слова: революция 1917 г., историческая память, Азербайджанская Демократическая Республика (АДР), М. Расулзаде, политика памяти, символическое пространство.

The article examines the influence of the 1917 revolution on the formation of the sovereign Azerbaijan state that arose as a result of the revolution. The key attention is paid to commemorative practices in relation to the Azerbaijan Democratic Republic (ADR), formed in 1919–1920. The main stages in the development of the historical policy of the Azerbaijan Republic in 1991–2024 are highlighted. The genesis of national historical memory is explored through the attitude towards the first Azerbaijan republic. Particular attention is paid to the founder of the ADR M. Rasulzade.

Keywords: 1917 Revolution, historical memory, Azerbaijan Democratic Republic (ADR), M. Rasulzade, memory policy, symbolic space.

Введение. Революция 1917 г. стала важной вехой в истории Азербайджана, послужив началом строительства независимого государства. Февральский и Октябрьский этапы революции способствовали консолидации национально-ориентированных сил, стремившихся оформить государственную независимость. Победа Февральского этапа революции предопределила начало политических трансформаций на территории Южного Кавказа. За период с февраля 1917 по май 1918 гг. сменилось несколько форм государственности, однако ни одной из них не удалось создать устойчивую государственную модель и единое правительство. Это обстоятельство в сохранявшихся революционных условиях предопределило курс национально-ориентированных политических деятелей на построение независимого азербайджанского государства.

Целью данной статьи является изучение изменения исторической памяти о революции 1917 г. в Азербайджанской Республике. В статье предпринята попытка изучить историческую память о революции 1917 г. через отношение государства и политических акторов непосредственно к первой азербайджанской республике, ставшей главным результатом революции.

Учитывая специфику понятийного аппарата, следует дать определение таким терминам как «историческая память» и «историческая политика». Понятие «историческая память» используется для изучения репрезентаций прошлого и его конструирования через медиа памяти – церемонии, монументы, топонимика и др. [1, с. 15]. Под исторической политикой подразумевается набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие [2, с. 10].

Историография проблемы сохранения исторической памяти о революции 1917 г. в Азербайджане носит статейный характер и впервые рассматривается в белорусской историографии. Следует выделить статью Д. Гасынлы «Али Мардан бек Топчибашев: жизнь, эпоха, единомышленники (к 150-летию со дня рождения)», в которой дается комплексный анализ деятельности одного из «отцов-основателей» первой республики [3].

Основу источниковедческой базы данного исследования составили правовые акты и материалы интернет-ресурсов и СМИ. Представленные материалы были проанализированы при помощи общенаучных методов исследования (анализа, синтеза, обобщения) и специальных методов исторического исследования (периодизации, историко-генетического).

Основная часть. В современной Азербайджанской Республике существует несколько направлений развития исторической политики. Первый призван обеспечить правопреемственность азербайджанской государственности. В результате этого важное место занимает нарратив об обретении независимости и существовании признанного на международной арене государства – Азербайджанской Демократической Республики. Не менее важная роль отводится «отцам-основателям»¹ АДР. Вторым направлением служит сохранение памяти о третьем Президенте Азербайджана – Г. Алиеве. Третьим направлением следует выделить мероприятия, обеспечивающие сохранение идей тюркизма. Это прослеживается в публичных высказываниях политических акторов, государственной символике и крепких внешнеполитических связях с Турецкой Республикой. Четвертое направление отвечает за историческую политику в отношении Республики Армения и проблемы Нагорного Карабаха.

Азербайджанскую Демократическую Республику, просуществовавшую 23 месяца – до 28 апреля 1920 г., принято считать одним из первых светских тюркских государств. На протяжении существования Советского Союза поддерживался исторический нарратив об ошибочности развития азербайджанских земель в период 1917–1920 гг., а история АДР воспринималась как негативный буржуазный вариант развития страны.

Политическая элита, пришедшая к власти в результате распада Советского Союза, столкнулась с необходимостью легитимизации существования нового независимого государства. В связи с этим Азербайджанская Республика выступала правопреемницей АДР. Данный подход был реализован через документы государственного суверенитета и государственную символику.

23 сентября 1989 г. Верховный Совет Азербайджанской ССР утвердил конституционный закон «О суверенитете Азербайджанской ССР», положив начало оформлению независимого государства. Следующим шагом стало изменение названия государства и его символики. Так, 29 ноября 1990 г. был опубликован Указ Президента АзССР «Об изменении наименования и государственного флага Азербайджанской ССР», ратифицированный 5 февраля 1991 г. Согласно указу Азербайджанская ССР стала именоваться «Азербайджанская Республика». Изображение государственного флага было заменено на сочетание «трех одинаковых по ширине, горизонтально расположенных цветных полос: голубого, красного и зеленого цвета, с изображением в середине красной полосы полумесяца и восьмиконечной звезды белого цвета» [4].

Необходимо отметить, что данный флаг был принят правительством АДР во главе с Ф. Хойским 9 ноября 1918 г. в качестве официальной символики. Спустя месяц, 10 декабря 1918 г. в газете «Азербайджан» вышел материал, в котором давалась трактовка цветам государственного флага: *«являются символами тюркской национальной культуры, современной европейской демократии и исламской цивилизации»* [5]. В современном Азербайджане сохраняется память об истории создания государственного флага. Так, в 2007 г. вышел указ Президента И. Алиева «О создании площади Флага в столице Азербайджана» и создании соответствующего музея. Крупнейшим мемориальным законом, посвященным государственной символике, считается указ «Об учреждении дня Государственного флага Азербайджанской Республики» от 17 ноября 2009 г., согласно которому было учреждено ежегодное празднование Дня государственного флага Азербайджанской Республики – 9 ноября, в день первого принятия флага [6].

Иная ситуация сложилась с государственным гербом и гимном. В 1920 г. профильными министерствами АДР были организованы конкурсы на разработку герба и гимна, однако падение первой республики в апреле 1920 г. не позволило завершить работу. Несмотря на это, современный государственный гимн («Азербайджанский марш») был написан в 1919 г. композитором У. Гаджибейли и поэтом А. Джавадом, однако не был принят в связи с падением АДР [7].

Важным документом как с точки зрения государственного строительства, так и коммеморации является Декларация Верховного Совета Азербайджанской Республики «О восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики» от 30 августа 1991 г. [8]. Маркерами, говорящими о преемственности с АДР, являются название деклара-

¹ «Отцами-основателями» АДР принято считать политических деятелей, входивших в первый кабинет правительства, сформированный Ф. Хойским в день провозглашения независимости – 28 мая 1919 г.

ции, говорящей «о восстановлении государственной независимости», а также основное содержание: «с 1918 по 1920 год Азербайджанская Республика существовала как независимое, признанное со стороны международного сообщества, государство...» [8].

Политика памяти об Азербайджанской Демократической Республике включает в себя три периода. Первый период приходится на годы становления суверенного государства 1989–1993 гг. и характеризуется повышенным интересом как со стороны широкой общественности, так и со стороны правительства в отношении «отцов-основателей» АДР, в первую очередь М. Расулзаде² и Ф. Хойского. Наблюдается активный рост их присутствия в символическом пространстве Азербайджана. Бакинскому государственному университету, ведущему учебному заведению Азербайджана, в 1991 г. было присвоено имя М. Расулзаде [9]. В 1992–1993 гг. памятники и бюсты в честь М. Расулзаде были установлены в родном селе Новханы, городах Гянджа, Загатале, Агджабеди, Сабирабаде и других. Помимо того, решением правительства Президента А. Эльчибея в 1993 г. портрет М. Расулзаде был изображен на банкноте достоинством в 1000 манат. Также в Баку, Гяндже и ряде других крупных городов в честь М. Расулзаде и Ф. Хойского были названы улицы.

Второй период охватывает два президентских срока Г. Алиева, с 1994 по 2003 гг. Для данного периода характерно кардинальное изменение политики памяти в отношении АДР. Устанавливается тенденция, когда заслуги М. Расулзаде отходят на второй план, при этом факт создания и деятельности АДР продолжает играть важную роль в азербайджанской исторической политике. Одной из причин изменения политики принято считать формирование образа сильного политического деятеля, «спасителя Азербайджана» и в дальнейшем придание статуса общенационального лидера Г. Алиеву. В этой связи М. Расулзаде вытеснялся на периферию символического пространства.

Так, из символического пространства Азербайджана демонтируются недавно установленные памятники М. Расулзаде. Ярким примером служит демонтированный в 2000 г. монумент, расположенный напротив здания исполнительной власти в Агдабеджайском районе. Местные власти объяснили это необходимостью проведения реставрационных работ, несмотря на то, что памятник был установлен сравнительно недавно – в 1992 г. [10]. Отправленный на реставрацию памятник так и не был возвращен на место. Ещё в 1993 г. в центре Баку планировалось установить 2-х метровый памятник М. Расулзаде, однако это не было сделано. Впоследствии была убрана даже информационная табличка, сообщающая о намерении установки памятника [11].

В 2000 г. Бакинский государственный университет имени М. Расулзаде был реформирован и получил статус самоуправляемого высшего учебного заведения. Реорганизация затронула и название университета – из его имени исключилось упоминание М. Расулзаде [9].

Стоит отметить, что, при общем характере дистанцирования политической элиты от исторической фигуры М. Расулзаде, власть демонстрирует уважительное отношение. Так, в 1994 г. выходит юбилейная почтовая марка по случаю 110-летия со дня рождения первого лидера АДР. А в 1999 г. в его честь переименован небольшой поселок городского типа в окрестностях Баку (бывший Кировск) [12]. Переименование населенного пункта совпало с инициативой по декоммунизации топонимики в Азербайджане.

Третий период начинается в 2003 г. с избранием Президентом Азербайджана И. Алиева и продолжается по настоящее время. Для данного периода характерно стабильно-нейтральное отношение как к революционным событиям 1917–1920 гг., так и историческим личностям, связанным с нею. Историческая политика данного периода в большей степени сконцентрирована на проблеме Нагорного Карабаха и прославлении деятельности Г. Алиева. Несмотря на это, вопросам памяти первому руководителю АДР продолжает уделяться значительное внимание.

В 2012 г. был убран бюст М. Расулзаде с центральной площади г. Сабирабада. Это произошло после того, как оппозиционно настроенные граждане начали использовать бюст как

² Мамед Эмин Расулзаде – азербайджанский политический деятель, приложивший немало усилий для формирования первой азербайджанской республики. В 1918 г. являлся председателем Национального совета Азербайджана, провозгласившего АДР. Принимал участие в подготовке Декларации о независимости, а также являлся первым лидером АДР.

точку сбора для проведения акций протеста. По заявлениям СМИ пропавший бюст М. Расулзаде был обнаружен спустя год в подвале здания исполнительной власти Сабирабада [10]. За шесть лет до этого, в 2006 г. в Азербайджане была проведена деноминация, в результате которой с банкнот исчезло изображение М. Расулзаде.

В 2013 г. Президентом И. Алиевым было подписано распоряжение о праздновании на государственном уровне 130-летнего юбилея со дня рождения М. Расулзаде в 2014 г. В тексте распоряжения уточняется о «больших заслугах в реализации идеала независимости нашего народа, возрождении национально-государственного устройства на основе исторических традиций государственности Азербайджана» [13].

В 2023 г. Президент И. Алиев вновь подписал распоряжение о праздновании на государственном уровне на этот раз 140-летнего юбилея со дня рождения М. Расулзаде в 2024 г. Текст распоряжения во многом схож с предыдущим: «принадлежат большие заслуги на пути реализации идеала независимости в Азербайджане и возрождения строительства национального государства в кризисных геополитических условиях первых десятилетий XX века» [14]. За разработку и реализацию плана мероприятий в обоих случаях ответственно Министерство культуры и Министерство науки и образования Азербайджанской Республики, а также Национальная Академия наук Азербайджана.

Одним из проектов коммеморации, реализованных в 2024 г., стало создание персонального сайта, посвященного М. Расулзаде. На нем размещены документы и фотографии, посвященные деятельности первого руководителя АДР. Сайт позволяет воспользоваться виртуальной экскурсией по квартире и рабочему кабинету [15].

И если празднование юбилея в 2014 г. прошло в достаточно спокойном формате, то при подготовке к 140-летию юбилею в 2024 г. прозвучали обвинения в адрес правительства Азербайджанской Республики. 22 января 2024 г. Совет Международного российско-армянского «Лазаревского клуба» и Институт стран СНГ опубликовал заявление, в котором решение о праздновании юбилея М. Расулзаде подвергалось резкой критике ввиду его связи с Германией в годы Второй мировой войны. Также было отмечено, что азербайджанское правительство ведет политику двойных стандартов, обвиняя армянского «героя борьбы с геноцидом армян в годы Первой мировой войны» Г. Нжде в пособничестве с Германией в годы Второй мировой войны и популяризуя М. Расулзаде. Также было заявлено, что «поступая таким образом, власти Азербайджана конкурируют с правительством Никола Пашиняна в вытеснении исторической памяти и российского влияния в Закавказье» [16].

Стоит обратить внимание, как характеризуется М. Расулзаде в совместном заявлении «Лазаревского клуба» и Института стран СНГ: «... Азербайджанские пропагандисты воспевают Мамеда Расулзаде – убежденного врага Российской империи и Советского Союза, сотрудничавшего последовательно с Пилсудским, Гитлером и послевоенным проамериканским “Комитетом по освобождению поработанных народов СССР” в Турции, объявляют его “отцом Азербайджана”, множат и поклоняются его памятникам в Азербайджане и второй раз за 10 лет отмечают на государственном уровне его юбилей» [16].

Следует отметить, что память о М. Расулзаде сохраняется не только на территории Азербайджана, но также и на территории Турецкой Республики. Так, в честь М. Расулзаде названы улицы, проспекты во многих городах, кроме того в его честь назван «Анатолийский лицей имени Мамеда Эмина Русалзаде» [17]. В 2022 г. в Анкаре на территории парка Музея истории Турции был установлен памятник М. Расулзаде рядом с другими выдающимися деятелями тюркского мира [18]. Причина, по которой сохраняется память о политическом деятеле соседнего государства, заключается в сильных позициях идей тюркизма и союзнических отношениях двух государств.

Важным этапом исторической политики в отношении революционных событий 1917–1920 гг. стало празднование на государственном уровне 100-летнего юбилея Азербайджанской Демократической Республики в 2018 г. Соответствующее распоряжение было подписано Президентом И. Алиевым в мае 2017 г. Согласно документу на территории Азербайджанской Республики и за ее пределами предусматривалась организация торжественных мероприятий, реализация которых началась сразу с момента подписания.

Так, в мае 2017 г. И. Алиев посетил монумент, установленный в честь АДР, возложив к нему цветы. Примечательно, что в информации, посвященной данному событию и размещенной на интернет-портале Президента Азербайджана, присутствует упоминание Г. Алиева в качестве спасителя современного Азербайджана. При этом отсутствует какая-либо информация об основателях АДР [19].

Среди государственных мероприятий следует выделить особую сессию Мелли Меджлиса (парламент Азербайджанской Республики), посвященную столетию создания парламента, проведение торжественного парада вооруженных сил Азербайджана, а также распоряжение И. Алиева об объявлении 2018 г. «Годом Азербайджанской Демократической Республики» [20]. История становления первой республики в 1919–1920 гг. стала центральным событием во многих сферах азербайджанского общества, в первую очередь – в научной и культурной. Кроме того, столетнему юбилею основания первой республики было посвящено большое количество мероприятий за рубежом, организуемых при непосредственном участии МИД Азербайджанской Республики. В сравнении с 2018 г. празднование 105-летнего юбилея в 2023 г. прошло значительно скромнее.

Таким образом, на сегодняшний день историческая память о становлении АДР в современном Азербайджане в первую очередь концентрируется вокруг личности М. Расулзаде. Память о других «отцах-основателях» АДР сохраняется в гораздо меньшем масштабе и практически не представлена в символическом пространстве.

Первый премьер-министр АДР Ф. Хойский стоял у истоков создания АДР и входил во все четыре кабинета министров на протяжении существования первой республики. Единственный памятник в его честь установлен на месте захоронения в Тбилиси. На доме, расположенном по центральной улице «Истиглалият» (независимость – азерб.), где жил Ф. Хойский, размещен памятный барельеф. Также в его честь названа улица в родном городе Шеки. Х. Мелик-Асланов также неизменно входил во все правительственные кабинеты АДР, возглавлял специальную комиссию по разработке перевода азербайджанского языка на латинскую графику. В его честь названа улица в поселке Баладжары [21] и переулочек в Баку. Еще одной крупной политической фигурой являлся М. Джафаров, занимавший в период АДР посты министра торговли и промышленности, министра иностранных дел. Упоминание об этом политическом деятеле встречается лишь в средствах массовой информации по случаю очередной годовщины его рождения. Например, 14 марта 2022 г. информация о М.Ю. Джафарове была опубликована в интернет-СМИ в честь 137 лет со дня рождения [22].

Не забыть в современной Азербайджане и А. Топчибашев – руководитель дипломатической миссии АДР на Парижской мирной конференции. В Баку в его честь названа улица. В 2013 г. решением Президента И. Алиева на государственном уровне был отмечен 150-летний юбилей А. Топчибашева. В том же году вышла памятная почтовая марка. А в 2014 г. в музыкальной академии имени Игнация Падеревского в Познани был открыт барельеф в честь А. Топчибашева [23].

Заключение. Таким образом, историческая политика Азербайджанской Республики включает в себя четыре направления, одним из которых является память о первой республике 1919–1920 гг. Историческая память об АДР, в свою очередь, делится на три периода, каждый из которых имеет свою характерную особенность. Первому периоду 1989–1993 гг. присуще обозначение исторической преемственности между новым независимым государством Азербайджан и АДР. Это нашло проявление как в законодательстве, так и в использовании государственной символики: герба, гимна и флага. В символическом пространстве значительную роль играл образ М. Расулзаде. Для второго периода 1993–2003 гг. характерно сдержано-нейтральное отношение к фигуре М. Расулзаде при сохранении уважительного тона в отношении АДР. Третий, наиболее длительный период, длится с 2003 г. по настоящее время. Если для первой его половины характерно сохранение сдержано-нейтрального отношения к М. Расулзаде, то начиная с первой половины 2010-х гг. намечена тенденция празднования юбилеев основателя АДР на государственном уровне в 2014 и 2024 гг., а также празднование столетнего юбилея основания АДР в 2018 г. Несмотря на тенденцию усиления использования коммеморационных практик, политические деятели АДР, за исключением М. Расулзаде и А. Топчибашева, в большинстве своем представлены отдельными наименованиями в топонимике.

Литература

1. Сафронова, Ю. С. Историческая память : Введение : учебное пособие / Ю. А. Сафронова. – 2-е изд. испр. и доп. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 224 с.
2. Миллер, А. Россия : власть и история / А. Миллер // Pro et contra. – 2009. – Т. 13, № 3-4. – С. 6–23.
3. Гасанлы, Д. Али Мардан бек Топчибашев : жизнь, эпоха, единомышленники (к 150-летию со дня рождения) [Электронный ресурс] / Д. Гасанлы // Кавказ и глобализация. – 2013. – № 1–2. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/ali-mardan-bek-topchibashev-zhizn-epoha-edinomyshlenniki-k-150-letiyu-so-dnya-rozhdeniya>. – Дата доступа : 15.01.2024.
4. Об изменении наименования и государственного флага Азербайджанской ССР [Электронный ресурс] : Указ Президента Азербайджанской Советской Социалистической Республики, 29 нояб. 1990 г. // Президентская Библиотека, проект «Независимый Азербайджан». – Режим доступа : https://republic.preslib.az/ru_d4-1.html. – Дата доступа : 21.01.2024.
5. Ахмедов, С. Государственный флаг Азербайджанской Республики / С. Ахмедов // IRS Heritage. Геральдика. – 2010. – № 2 (44). – С. 20–26.
6. Об Учреждении Дня Государственного Флага Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : Распоряжение Президента Азербайджанской Респ., 17 нояб. 2009 г. // Азербайджанское Государственное Информационное Агентство. – Режим доступа : https://azertag.az/ru/xeber/rasporyazhenie_prezidenta_azerbaidzhanskoj_respubliki_ob_uchrezhdenii_dnya_gosudarstvennogo_flaga_azerbaidzhanskoj_respubliki-713820. – Дата доступа : 17.02.2024.
7. Государственные символы Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. – Режим доступа : <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/symbols>. – Дата доступа : 16.02.2024.
8. О Декларации о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : постановление Верховного Совета Азербайджанской Республики, 30 авг. 1991 г., № 179-XII // LegalActs. – Режим доступа : <https://www.legalacts.az/ru/document/416/26808>. – Дата доступа : 21.01.2024.
9. Бакинский государственный университет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bsu.edu.az/ru/content/tariximiz>. – Дата доступа : 02.03.2024.
10. Пропавший год назад бюст основателя первой азербайджанской республики М.Э. Расулзаде нашли в подвале [Электронный ресурс] // Еркрасмас. – 2014. – 07 апр. – Режим доступа : <https://yerkramas.org/article/72596/propavshij-god-nazad-byust-osnovatelya-pervoj-azerbajdzhanskoj-respublikim-e--rasulzade-nashli-v-podvale>. – Дата доступа : 15.01.2024.
11. Известный скульптор показал незавершенный памятник основателю АДР [Электронный ресурс] / К. Алиева // SPUTNIK Азербайджан. – 2023. – 27 мая. – Режим доступа : <https://az.sputniknews.ru/20230527/izvestnyy-skulptor-pokazal-nezavershennyu-pamyatnik-osnovatelya-adr--455323310.html>. – Дата доступа : 15.02.2024.
12. Поселок М.Э. Расулзаде [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://binegedi-ih.gov.az/az/page/164.html>. – Дата доступа : 01.02.2024.
13. О проведении 130-летнего юбилея Мамеда Эмина Расулзаде [Электронный ресурс] : Распоряжение Президента Азербайджанской Республики // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. – Режим доступа : <https://president.az/ru/articles/view/10239>. – Дата доступа : 08.02.2024.
14. О проведении 140-летнего юбилея Мамеда Эмина Расулзаде [Электронный ресурс] : Распоряжение Президента Азербайджанской Республики // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. – Режим доступа : <https://president.az/ru/articles/view/62970>. – Дата доступа : 08.02.2024.
15. Музей М.Э. Расулзаде [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.rasulzademuzeyi.org>. – Дата доступа : 03.02.2024.
16. К празднованию в Азербайджане юбилея Мамеда Расулзаде. Совместное заявление Совета Международного «Лазаревского клуба» и Института стран СНГ (Москва) [Электронный ресурс] // Лазаревский клуб. – Режим доступа : <https://lazarevsky.club/novosti/skazhi-mne-kto-tvoy-drug-i-yas-kazhu-kto-t/>. – Дата доступа : 25.01.2024.
17. Asgarli, A. Веха в истории Азербайджана : Мамед Эмин Расулзаде [Электронный ресурс] / A. Asgarli // Агентство Анадолу. – 2023. – 06 марта. – Режим доступа : <https://www.aa.com.tr/ru/мир/веха-в-истории-азербайджана-мамед-эмин-расулзаде/2838004#>. – Дата доступа : 15.02.2024.
18. В Анкаре установлен памятник Расулзаде [Электронный ресурс] // Korrespondent.Az. – 2022. – 15 июля. – Режим доступа : <https://korrespondent.az/news/v-ankare-ustanovlen-pamyatnik--rasulzade/49530>. – Дата доступа : 17.02.2024.

19. Ильхам Алиев посетил памятник, возведенный в честь Азербайджанской Демократической Республики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. – Режим доступа : <https://president.az/ru/articles/view/23934>. – Дата доступа : 12.02.2024.

20. Об объявлении 2018 года в Азербайджанской Республике «Годом Азербайджанской Демократической Республики» [Электронный ресурс] : Распоряжение Президента Азербайджанской Республики // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. – Режим доступа : <https://president.az/ru/articles/view/26711>. – Дата доступа : 09.02.2024.

21. Алиева, Р. Мелик-Асланов Худадат-бек Ага оглы – учёный, министр путей сообщения АДР, репрессирован [Электронный ресурс] / Р. Алиева // Наш Баку. – Режим доступа : https://ourbaku.com/index.php/Мелик-Асланов_Худадат-бек_Ага_оглы_-_учёный,_министр_путей_сообщения_АДР,_репрессирован. – Дата доступа : 10.02.2024.

22. На службе Азербайджану : видный политик и большой патриот Мамед Юсиф Джафаров [Электронный ресурс] // Media.az. – 2022. – 14 марта. – Режим доступа : <https://media.az/read/1067851659/>. – Дата доступа : 10.02.2024.

23. Polşada Əlimərdan bəy Topçubaşovun bərelyefi açılıb [Elektron resurs] // Azərbaycan Dövlət İnformasiya Agentliyi – Giriş rejimi : https://azertag.az/xeber/Polsada_Alimerdan_bey_Topchubasovun_barelyefi_achilib-804930. – Giriş tarixi : 19.02.2024.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 18.03.2024

«Издания на иностранных языках не справляются со своими задачами»: к вопросу о популяризации советской культуры за рубежом посредством печати (1939–1941 гг.)

И.В. ЖИЛИНСКАЯ

В статье на основе архивного материала показана работа организаций СССР по продвижению информации о достижениях советской культуры за рубежом в 1939–1941 гг. через печатные издания. Выделяются основные формы такой работы. Характеризуется позиция руководства страны в отношении продвижения информации о советской культуре за рубеж посредством печати.

Ключевые слова: советская культура, популяризация, печатные издания, книгообмен, периодические издания, пропаганда.

Based on the archival material, the article shows the work of organizations of the USSR to promote information about the achievements of Soviet culture abroad in 1939–1941 through printed publications. The main forms of such work are highlighted. The position of the country's leadership regarding the promotion of information about Soviet culture abroad through the press is characterized.

Keywords: Soviet culture, popularization, printed publications, book exchange, periodicals, propaganda.

На протяжении 1930-х гг. СССР в развитии своих международных культурных связей использовал такие формы, как гастрольная деятельность, приезд иностранцев (из числа интеллигенции) в СССР, выставки, инорадиовещание и другие. Но особое внимание уделялось распространению информации о советской культуре посредством книг и печатных изданий.

В 1939–1941 гг. условия для ведения такой работы значительно ухудшились. Основные трудности были связаны с пересылкой материалов в условиях войны. Так, например, в отчете Отдела печати и пропаганды Исполнительный комитет Коммунистического интернационала (ИККИ) за 1940 г. указывается на «чрезвычайные сложности с транспортом» [1, л. 1]. С другой стороны, ухудшение имиджа СССР в среде интеллигенции, особенно западной, требовало усилить работу по популяризации именно советской культуры. Хорошими возможностями для этого обладали печатные издания.

В рассматриваемый период основной целью подобных изданий являлась советская пропаганда за границей. Довольно значительное место в ней отводилось распространению информации об успешном развитии советской культуры. Связано это было с тем, что вопросы культуры менее политизированы и в условиях идеологического противостояния и осложнения политических отношений с рядом государств продвижение информации о культурных достижениях СССР встречало меньше преград, но при этом способствовало улучшению внешнего имиджа советской страны.

Важнейшим каналом в информировании зарубежной интеллигенции о культурных достижениях СССР стало издание литературы на иностранных языках. С 1938 г. эту функцию выполняло издательство «Иностранная литература», а реализация книжных изданий за рубежом возлагалась на Всесоюзное объединение «Международная книга», которое в своей структуре имела экспортный отдел. Он занимался продажей за границей советской литературы, изданной как на русском, так и на иностранных языках. В основном на рубеже 30–40-х гг. реализовывалась марксистско-ленинская литература, социально-экономическая, детская, художественная, техническая, сельскохозяйственная, учебная и др. [2, л. 43]. При этом наибольшее внимание, согласно отчетным документам ВО «Международная книга», отводилось реализации марксистско-ленинской литературы, переведенной на иностранные языки. Так, например, в 1940 г. были отправлены за границу работы И. Сталина, краткий курс «Истории ВКП(б)» и другие. При этом тираж таких изданий варьировался от 21 до 190 тыс. экземпляров. Согласно докладной записке председателя ВО «Международная книга», «наибольшее продвижение марксистско-ленинской литературы наблюдалось в такие страны, как Англия, Западный Китай и Болгария» [2, л. 43].

Что касается литературы социально-экономического характера, то она отправлялась как на русском, так и на иностранных языках. При этом в 1940 г. особые трудности в реализации этой продукции ВО «Международная книга» встречала в США и Румынии. Так, например, в США было отправлено социально-экономической литературы на иностранных языках в количестве 2418 экз. книг и все были возвращены обратно. В Румынии из 2418 экз. смогли реализовать только 739 [2, л. 44]. Литература на венгерском языке также практически не имела сбыта [2, л. 45].

Несколько лучше обстояло дело с реализацией за рубежом детской и художественной литературы на иностранных языках. Но в этом направлении наибольшее внимание уделялось не продаже, а изданию советской литературы за рубежом. Данным направлением занималось Литературное агентство – структурное подразделение ВО «Международная книга».

Основными задачами «Литературного агентства по выпуску и продвижению советской литературы на международном рынке являлись: 1) делать отбор тех советских произведений, которые желательно было бы продвинуть на заграничный рынок; 2) вести переговоры и, где возможно, заключать договоры с иностранными издателями о публикации таких произведений за границей; 3) следить за качеством перевода и оформления при издании советских произведений за границей; 4) заботиться о получении советскими авторами своих гонораров с заграничных изданий их произведений» [3, л. 1].

За 1940 г. Литературным агентством было послано для перевода и опубликования 32 пьесы в 99 стран. Среди них: «Варвары», «Васса Железнова», «Егор Булычев» М. Горького, «Зыковы», «Человек с ружьем» Н. Погодина, «Любовь яровая» К. Тренева, «Платон Кречет» и «Гибель эскадры» А. Корнейчука и др. [2, лл. 3, 15–17]. Помимо этого, за границу было отослано 6 рукописей книг об СССР, 22 рукописи книг о литературе, кино, театре, 52 рукописи художественных произведений, 26 – детской литературы, 28 – научно и научно-популярной. Всего 124 названия в 321 адрес. Но следует отметить, что из этого количества было издано всего лишь 37 названий в 49 издательствах [2, л. 3]. Среди них такие произведения как «Тихий Дон» М. Шолохова (Англия, США, Дания, Чехия [2, л. 53]), «Человек стал великаном» И. Ильина (США, Швеция, Югославия), произведения М. Горького «Клим Самгин», «Неизвестные рассказы». «История русской литературы», «Петр I» и «Эмигранты» А. Толстого и др.

Среди стран, куда передавались для публикации советские произведения (в основном это такие страны, как Югославия, Болгария, Дания, Англия, США, Италия, Швейцария, Венгрия, Швеция, Румыния, Чехия), наибольшее количество произведений было отослано в Болгарию (13 наименований) и Югославию (8 наименований) [2, лл. 27–28]. Это связано с особым вниманием руководства СССР к расширению там культурного присутствия в противовес распространению немецкого влияния.

С другой стороны, 1940 г. характеризуется практически полным прекращением издания советской литературы в США. Так, в письме председателя ВО «Международная книга» Фомичева послу СССР в США К.А. Уманскому указывалось, что в 1940 г. издательство «Блэк», которое ранее активно работало в направлении издания советской литературы, не разместила ни одной книги, более того, в США ни одна книга опубликована не была [4, л. 14].

Такая ситуация усугублялась и политикой американских властей, направленной на недопущение советской литературы, в том числе и художественной, на американский рынок. Так, согласно справке заведующего отделом США НКВД Г. Зарубина, с 23 декабря 1940 г. почтовые ведомства США начали уничтожать иностранную почту, в которой были отправления из СССР. Уничтожались не только советские книжные издания идеологической направленности, такие как «Вопросы Ленинизма», «История ВКП(б)», «Сборник статей о Сталине», «Антисоветский блок правых троцкистов», но культурного характера: «Московский академический художественный театр», «Советское киноискусство 1919–1939», «Культурный прогресс нерусских национальностей СССР», «Искусство и кино», «Советские фильмы» и другие [4, лл. 5–6].

Ноты протеста со стороны Советского Союза не привели к изменению ситуации. 28 февраля 1941 г. Н.Г. Пальгунов писал С.А. Лозовскому о том, что советские периодические издания, направляемые подписчикам в США, систематически уничтожаются американскими почтовыми учреждениями [4, л. 10].

Официальные американские власти отрицали дискриминационные меры в отношении СССР. В таких условиях заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский 19 июня

1941 г. указывал С.А. Лозовскому на необходимость прекратить отправление советской литературы в США [4, л. 5].

Еще одним каналом распространения советской литературы за рубежом являлся книгообмен. Наибольшее значение в плане книгообмена играло Всесоюзное общество культурной связи с границей (ВОКС), которое в своей структуре имело отдел международного книгообмена.

В конце 1930-х гг. из советского международного книгообмена выпал ряд стран, это, в первую очередь, Чехословакия и Австрия, а с началом Второй мировой войны – Польша, Франция, Бельгия, частично Великобритания и др., которые ранее играли довольно существенную роль. Так, по данным отчета отдела международного книгообмена ВОКС за 1936 г., Польша занимала третье место в советском книгообмене, ее удельный вес составлял 6,8 %, Франция – четвертое место с удельным весом в 6 %, Чехословакия – пятое место (5,2 %), Англия – шестое (4,1 %), Бельгия – седьмое (1,9 %) [5, л. 51]. В виду этого объем обмена изданиями в 1940 г. значительно сократился. Общий оборот в 1940 г. составил всего 95 516 экз. [6, л. 89] против 223 397 экз. в 1936 г. [5, л. 50]. Но важно заметить, что к 1940 г. удалось выровнять существенный перекоп в количестве отправленной и полученной книжной продукции. Если в 1936 г. за рубеж было отправлено советской литературы приблизительно в 2,6 раза меньше, чем получено иностранной, то в 1940 г. баланс отправки и получения был уже сохранен: 47 551 экз. и 47 965 экз. соответственно.

В конце 1940 – начале 1941 г. через книгообмен наиболее активно в СССР продолжали поступать издания из США, несмотря на политику американских властей, направленную на уничтожение советских отправок. Как писал заведующий отделом международного книгообмена ВОКС: «С началом поступлений изданий из США импорт иноизданий резко увеличился. Так, в январе 1941 г. поступило 16 439 экз. иноизданий, что более чем в 4 раза превышает среднемесячное поступление иноизданий в 1940 г.» [6, л. 89].

При этом важно отметить, что на протяжении 1940 г. количество зарубежных корреспондентов, участвующих в книгообменных операциях ВОКС, несколько увеличилось с 2062 до 2335 [6, л. 89], но оставалось почти в 2 раза меньше по сравнению с 1936 г. [5, л. 57].

Кроме ВОКС, книгообменными операциями, в качестве всесоюзного обменного центра, согласно постановлению ЦИК СССР от 27.04.1936 г. занималась Всесоюзная библиотека имени В.И. Ленина [6, л. 176]. Постановлением СНК СССР от 10.11.1939 все издательства РСФСР были обязаны бронировать по 3 экземпляра всех выпускаемых ими изданий и безвозмездно доставлять их Всесоюзной библиотеке для обменного фонда. Во второй половине 1939 г. библиотека создала у себя специальный отдел книгообмена. В качестве основной задачи названный отдел считал получение иностранной литературы путем взаимного обмена книгами с границей без затраты валюты [6, лл. 176–177]. В результате за период с 1937 по 1940 гг. библиотекой было послано за границу 214,5 тыс. экземпляров советских изданий [7, с. 169].

В 1939–1941 гг. в отчетах учреждений, занимающихся книгообменными операциями, все чаще стала упоминаться информация о том, что ряд зарубежных корреспондентов под видом книгообмена стремятся получить «осведомительно-информационные материалы»: «Япония делает всевозможные попытки к получению трудов почти всех сибирских научно-исследовательских институтов. Германия пытается получить периодическую областную и районную печать главным образом приграничных районов» [6, л. 179]. В такой ситуации руководство СССР стремилось вывести из обменных операций всю периодику местного масштаба, особенно приграничных районов.

СССР активно продвигал и свои периодические издания на иностранных языках для зарубежной аудитории. Начало этому было положено в 1930 г., когда вышел первый номер газеты «Moscow News». Первоначально это издание предназначалось исключительно для англоязычных рабочих, прибывших в СССР, и посылка за рубеж издания не предполагалась. Однако к середине 1930-х гг. эта установка поменялась, и газета стала пересылаться за границу, а позже и готовиться специально для зарубежной аудитории.

Освещению вопросов советской культуры в подобных изданиях отводилась довольно существенная роль. Начальник отдела печати НКВД Н.Г. Пальгунов в своей докладной записке «О распространении периодических изданий, выходящих на иностранных языках» от 7 июня 1941 г., адресованной народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову, при

формулировке основной задачи советских иноязычных периодических изданий как максимально яркого и убедительного показа достижений СССР, на первое место выносит сферу советской культуры, а затем уже народное хозяйство, политическую и военную мощь, морально-политическое единство советского народа [8, л. 216]. Информацию о советской культуре за рубежом продвигать было значительно легче, вместе с тем, она в не меньшей степени способствовала укреплению внешнеполитического имиджа СССР.

Согласно указанной выше докладной записке, для зарубежной аудитории издавались газеты «Moscow News» и «Soviet Land» (на английском языке), журналы «Интернациональная литература» (на 3-ех языках: английском, французском, немецком), «СССР на стройке» (на 4-ех языках: английском, французском, немецком, испанском), «Бюллетень ВОКС» (на 3-ех языках: английском, французском, немецком), «Revue de Moscou» (на французском языке), «Uy Hang» (на венгерском языке) [8, лл. 216–217]. Все указанные издания в той или иной степени содержали материал о советской культуре и культурных связях СССР.

Газета «Moscow News» представляла собой общественно-политическое издание, напоминающее соответствующие английские и американские издания, но практически в каждом номере помещала сведения о советской культуре. Такие журналы, как «Soviet Land», «Uy Hang» Н.Г. Пальгунов характеризовал как литературно-политические альманахи, которые редактируются «с большей тщательностью» и «богато иллюстрированы» [8, лл. 218, 222]. В отношении иллюстрированного ежемесячного журнала «Revue de Moscou» была дана характеристика как издания, «живо откликающегося на все явления жизни советской промышленности, культуры, науки, сельского хозяйства и так далее» [8, л. 221].

Основной целью журнала «СССР на стройке» являлся показ советской действительности через фотографию. Издание представляло собой что-то вроде фотоальбома с небольшими текстовками. Номера, вышедшие в первой половине 1930-х гг., посвящались в основном крупным стройкам в СССР, но в конце 1930-х – начале 1940-х гг. все больше внимания стало уделяться вопросам культуры. Так, номера, вышедшие в свет в 1939 – первой половине 1941 г., содержали материал, посвященный советской архитектуре, постановкам советских театров, культуре народов СССР. Номер 7 за 1940 г. был полностью посвящен В. Маяковскому.

Из указанного списка особо выделялись такие издания как «Бюллетень ВОКС» и журнал «Интернациональная литература». Эти издания практически целиком были посвящены пропаганде советской культуры, отражали вопросы международных культурных связей СССР.

«Бюллетень ВОКС» характеризовался Н.Г. Пальгуновым как «совершенно особый тип издания», который рассчитан на «высококвалифицированную интеллигенцию» и содержит «статьи высококвалифицированных специалистов» [8, лл. 222–223]. Бюллетень представлял довольно толстый журнал (90–100 страниц), включал в себя статьи по таким рубрикам, как общие вопросы культуры; наука; искусство и литература. Кроме того, помещалась хроника культурной жизни в СССР, достаточно много информации давалось о работе ВОКС.

Журнал «Интернациональная литература», помимо статей о советской литературе и искусстве, регулярно помещал на своих страницах отрывки из произведений советских и зарубежных писателей. В этом отношении Н.Г. Пальгунов отмечал, что «журнал должен был бы поставить перед собой в качестве своей основной задачи пропаганду успехов советской литературы и советского искусства и лишь формы ради – незначительную часть своих страниц заполнять произведениями иностранной литературы» [8, л. 218].

В 1941 г. содержание журнала было подвергнуто тщательной проверке со стороны комиссии Управления пропаганды и агитации (УПА) ЦК ВКП(б). В результате сам журнал подвергся серьезной критике: указывалось, что отражаемые изданием «события культурной жизни в СССР не обобщаются и не осмысливаются, и сводятся в основном к хронике; имеет место описание отрицательных явлений в советской литературе; недостаточно освещается советская литература и т. д.» [2, л. 79]. Кроме того, подчеркивалось, что «журнал освещает советскую литературу на низком идейном уровне. Он недостаточно заботится о том, чтобы шире и полнее познакомить даже с фактами богатейшей культурной жизни советской страны – о науке, об архитектуре, об обновлении советских городов и т. д... Игнорируются вопросы расцвета национальных культур в СССР» [2, л. 86].

В целом Н.Г. Пальгунов в своей записке также отмечал, что «в значительной части издания на иностранных языках не справляются со своими задачами» [8, л. 216].

Важно отметить, что названные издания отправлялись за границу в небольшом количестве. Так, например, около 50 % тиража газеты «Moscow News» оставался в СССР, а немецкое издание «Интернациональной литературы», тираж которого составлял 5 700 экз., за границу отправлялся в количестве 180 экз. В зарубежные страны попадало не более 5 % тиража французского издания этого журнала [8, л. 217–224].

В целом за границу отправлялось около 23 690 экз. названных выше изданий. При этом наибольшее количество периодических изданий посылалось в США (более 12000 экз.). Здесь наибольший удельный вес здесь имели газета «Moscow News», журналы «Интернациональная литература» и «Бюллетень ВОКС». Но ограничения и уничтожение отправок советской литературы в США, которые коснулись в том числе и советских периодических изданий, практически свело на нет такую работу.

На втором месте находился Центральный Китай. Туда отправлялось более 4 300 экз. советской иноязычной периодики. Наибольшее количество экземпляров приходилось на «Moscow News», журналы «Иностранная литература», «СССР на стройке» и «Soviet Land» на английском языке. На третьем месте была Англия, куда посылалось более 2 800 экз. Далее Румыния (615 экз.), Швеция (410 экз.), Дания (237 экз.). Важно отметить, что довольно большое внимание уделялось и странам Латинской Америки, куда отправлялось до 840 экз. периодических изданий в год. В основном это было испаноязычное издание журнала «СССР на стройке».

Еще одним серьезным изданием для иноязычной аудитории, освещающим вопросы советской культуры, являлся бюллетень «Искусство и культура в Советском Союзе», издаваемый отделом печати ИККИ. Бюллетень выходил 1 раз в месяц на трех языках: немецком, французском, английском. В 1940 г. здесь было помещено 236 статей о советской науке и культуре. Большая часть статей приходилась на такие темы, как театр и советский репертуар (56 статей), кино и новые советские фильмы (53 статьи), общие вопросы культурной политики и искусства (50 статей) [1, л. 15]. Общий объем всех номеров, вышедших в 1940 г., составил 857 страниц [1, л. 14].

Бюллетень рассылался в основном некоммунистическим газетам и журналам, творческим организациям, отдельным лицам. Но тираж его был совсем небольшой – всего 670 экз. [1, л. 14].

Таким образом, несмотря на сложности, связанные с проблемами пересылки материалов в условиях войны, подготовка и отправка советских книг и периодических изданий являлась важным элементом работы по созданию внешнеполитического имиджа СССР. Именно накануне Великой Отечественной войны руководство страны стало уделять этому вопросу особое внимание, чем и объясняется организованная УПА ЦК ВКП(б) проверка материалов, посылаемых за границу. Выводы проверки были неутешительными: отмечался низкий уровень материалов, аполитичность, политические ошибки и даже расшифровка секретных сведений. Но самое главное, практические все члены комиссии УПА обращали внимание на отсутствие единого руководства и идеологических установок в данной сфере. Об этом писал и Н.Г. Пальгунов в своей докладной записке, предлагая сосредоточить руководство всеми рассматриваемыми изданиями в едином центре, сохранив децентрализацию только издательского процесса. Но данные установки будут реализовываться уже в ходе Великой Отечественной войны.

Наибольшее место в посылаемых материалах отводилось именно вопросам культуры и искусства, как наиболее нейтральной теме, способной обходить цензурные запреты зарубежных государств, особенно западных, но вместе с тем позволяющих довольно эффективно решать проблемы выстраивания внешнеполитического имиджа СССР в среде интеллигенции.

Литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 495. Оп. 83. Д. 238.
2. РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 125. Д. 32.
3. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) [Электронный ресурс]. – Ф. 6. Оп. 3. АВТО Д. 76. Папка 8 // СССР и союзники : документы архива МИД России о внешней полити-

ке и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции. – Режим доступа : https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/3-avto/?PAGEN_1=24. – Дата доступа : 12.04.2024.

4. АВП РФ [Электронный ресурс]. – Ф. 129. Оп. 25. Д. 36. Папка 142 // СССР и союзники : документы архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции. – Режим доступа : https://agk.mid.ru/fonds/sovetsko-amerikanskie-otnosheniya/referentura-possa2/25/?PAGEN_1=2. – Дата доступа : 12.04.2024.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 900.

6. РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 125. Д. 31.

7. Дивногорцев, А. Л. Международные связи российских библиотек в контексте внешней и внутренней политики советского государства (октябрь 1917 – май 1945) / А. Л. Дивногорцев. – М. : Пашков дом, 2007. – 264 с.

8. АВП РФ [Электронный ресурс]. – Ф. 6. Оп. 3. АВТО Д. 57. Папка 6 // СССР и союзники : документы архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции. – Режим доступа : https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/3-avto/?PAGEN_1=24. – Дата доступа : 12.04.2024.

Институт истории НАН Беларуси

Поступила в редакцию 03.07.2024

Міжваенная Польшча як суб'ект міжнароднай палітыкі і міжнародных адносін: вобраз ва ўспрыманні беларусаў

А.М. КРОТАЎ

Артыкул прысвечаны фарміраванню ў міжваенны час ва ўспрыманні беларусаў вобраза Польшчы як суб'екта міжнароднай палітыкі і міжнародных адносін. Аўтар робіць выснову, што вобразатворцы з БССР і Заходняй Беларусі хаця і не сумеснымі, але ж аднакіраванымі намаганнямі стварылі вобраз дзяржавы, якая з'яўлялася чыннікам нестабільнасці ў Еўропе. Пераконваючы беларусаў у тым, што вялікадзяржаўныя амбіцыі Польшчы і спробы іх рэалізаваць павінны прывесці да фатальных для яе вынікаў, яны садзейнічалі ўкараненню ў іх грамадскай свядомасці ўпэўненасці ў неабходным уз'яднанні Беларусі і беларускага народа.

Ключавыя словы: Польшча, Савецкая Беларусь, Заходняя Беларусь, міжнародная палітыка, міжнародныя адносіны, беларусы, нацыянальнае ўспрыманне, вобраз Польшчы.

The article is devoted to the formation of the Belarusians' perception of the image of Poland as a subject of international politics and international relations in the interwar period. The author concludes that the image-makers from the BSSR and Western Belarus created the image of the state, which was the cause of instability in Europe, by not joint, but single-minded efforts. Convincing the Belarusians that Poland's great-power ambitions and attempts to realize them must lead to fatal results for it, they contributed to instilling in their public consciousness confidence in the inevitable reunification of Belarus and the Belarusian people.

Keywords: Poland, Soviet Belarus, Western Belarus, international politics, international relations, Belarusians, national perception, image of Poland.

Нараджэнне беларускай дзяржавы і аднаўленне незалежнасці Польшчы адбылося ў адзін і той жа гістарычны момант. І адразу ж апошняя аспрэчыла права беларусаў на ўласную дзяржаўнасць. Рыжскі мірны дагавор 1921 г., які падвёў вынікі польска-савецкай вайны 1919–1920 гг., аформіў уключэнне ў склад Польшчы Заходняй Беларусі, што стала красамоўным сведчаннем яе стаўлення да дзяржаватворчых намаганняў беларусаў, да іх нацыянальных інтарэсаў і правоў. Падзел Беларусі не толькі асвясціў у народнай памяці беларусаў успаміны аб крыўдах, прычыненых ім Польшчай у былыя часы, але і стаў эмацыйна-псіхалагічнай базай для фарміравання ў іх успрыманні вобраза новай, «паўсталай з попелу» Польшчы. У мэтах аб'ектывізацыі ўласных высноў беларускія вобразатворцы вельмі сур'эзна вывучалі стаўленне да Польшчы іншых суб'ектаў міжнароднай палітыкі і міжнародных адносін, улічваючы яго ў сваёй працы па стварэнню вобраза, неабходнага для выкарыстання ў ідэалагічнай рабоце, накіраванай на развіццё грамадскай і палітычнай свядомасці беларусаў.

Як вядома, здабыццё незалежнасці з'яўляецца вызначальнай падзеяй у гісторыі любой краіны, якая знаходзілася пад уладай чужынцаў. Улічваючы ж трапяткое стаўленне палякаў да тэмы іх вызваленчай барацьбы, не павінна выклікаць здзіўлення, што пасля аднаўлення суверэнітэту польскай дзяржавы 11 лістапада 1918 г. іх ахапіла сапраўдная нацыянальная эйфарыя. Палякі былі перакананы, што Польшча атрымала незалежнасць не дзякуючы камусьці, а насуперак усім. Між тым, нельга не заўважыць, што чэхі і славакі, якія ніколі не змагаліся за сваю незалежнасць, атрымалі яе нават раней за іх – 28 кастрычніка 1918 г.

Нягледзячы на тое, што апякаючыя Польшчу дзяржавы Антанты адвялі ёй ролю буфера, які павінен быў стрымліваць распаўсюджванне бальшавізму, палякі мелі куды больш амбіцыйныя мэты, якія адразу ж паспрабавалі ажыццявіць. У выніку польска-савецкай вайны Польшча захапіла беларускія і ўкраінскія землі, што не супярэчыла інтарэсам яе апекуноў. Аднак што тычылася Віленшчыны, тут Пілсудскі выйшаў за межы «ўмоўна дазволенага». З яго негалоснай санкцыі камандзір 1-й Літоўска-беларускай дывізіі Люцыян Жалігоўскі «збунтаваўся» і 9 кастрычніка 1920 г. заняў Вільна і частку Паўднёва-Ўсходняй Літвы. Створаная ім на захопленых тэрыторыях марыянеткавая дзяржава – Рэспубліка Сярэдняй Літвы – праіснавала нядоўга. 24 сакавіка 1922 г. яна ўвайшла ў склад Польшчы.

Дзяржавы Антанты, якія стаялі за праектам польскага нацыянальна-дзяржаўнага адраджэння, разлічвалі на тое, што Польшча будзе паслухмяна і старанна выконваць галоўную сваю задачу – быць дзейнасным буферам паміж Еўропай і камуністычнай Расіяй, аб які будучы разбівацца «бальшавіцкія орды». Аднак яны не ўлічылі асаблівасці менталітэту палякаў, у якім Польшча існавала выключна як «вялікая». Невыпадкова адраджаную польскую дзяржаву ў польскай гістарыяграфіі называюць «Другой Рэччу Паспалітай», падкрэсліваючы яе генетычную сувязь з папярэдняй – Першай Рэччу Паспалітай, якая мела развітыя вялікадзяржаўныя амбіцыі. Дарэчы, у семантычнай сістэме польскай мовы, якая звязана з асаблівасцямі менталітэту палякаў, польская дзяржава існавала і існуе толькі ў выглядзе Рэчы Паспалітай, што аўтаматычна надзяляе яе шэрагам атрыбутаў і якасцей, у тым ліку і існаванне ў дзяржаўных межах, якія былі значна шырэйшымі за этнаграфічныя межы польскага народа. Настойлівае імкненне Польшчы адыгрываць ролю, на якую яна ў выніку сваёй відавочнай слабасці прэтэндаваць не магла, вымушала іншых суб'ектаў міжнароднай палітыкі і, у першую чаргу, яе суседзяў, ставіцца да яе з насцярожанасцю.

Замацаванае ў палітычных праграмах польскіх нацыянальных дэмакратаў (эндэкаў) і пілсудчыкаў патрабаванне далучэння да Польшчы няпольскіх тэрыторый, захопніцкая палітыка, якая актыўна рэалізоўвалася на практыцы, псавалі адносіны Польшчы са сваімі апекунамі. Аднак яе зацятая варожасць да Расіі і камунізма вымушала іх «скрозь пальцы» глядзець на свавольствы польскіх кіраўнікоў.

Між тым, у міжнародных палітычных стасунках адраджаная Польшча паводзіла сябе даволі нахабна і здолела ў вельмі кароткі час парадзіць шмат нядобразычліўцаў з ліку суседзяў, якіх так ці інакш пакрыўдзіла ў час барацьбы за ўстанаўленне сваёй усходняй мяжы. Адною з галоўных ахвяр польскай экспансіі сталі беларусы. Анексія Заходняй Беларусі, ператварэнне Польшчай сваіх беларускіх падданных у грамадзян «другога гатунку», барацьба з беларускімі арганізацыямі, палітыка паланізацыі і многае іншае вынікам сваім мела тое, што характар успрымання Польшчы беларусамі – як усходнімі, так і заходнімі – быў, мякка кажучы, нядобразычлівым. І трэба падкрэсліць асоба – нягледзячы на тое, што ўсходнія беларусы, у адрозненне ад заходніх, знаходзіліся пад магутным уздзеяннем бальшавіцкай ідэалогіі і прапаганды, якая стварала вобраз бела-панскай, класава варожай Польшчы. Эмацыйна-псіхалагічнай асновай успрымання Польшчы заходнімі беларусамі стаў нацыянальны ўціск, пад цяжарам якога яны знаходзіліся.

З часу польска-савецкай вайны савецкая прапаганда актыўна працавала над стварэннем вобраза Польшчы – баявога авангарда дзяржаў Антанты, увесь сэнс існавання якога складаўся ў зацятай барацьбе з Савецкай Расіяй. У гэты вобраз аперацыйна ўносіліся карэктывы ў адпаведнасці з тымі зменамі, якія адбываліся ў самой Польшчы і ў свеце. У рамках антыпольскага выхавання мас шмат увагі ўдзялялася дзеяннем польскіх уладаў на анексаваных беларускіх землях. А.А. Савіч, даследуючы адлюстраванне палітыкі Польшчы ў Заходняй Беларусі ў беларускай гістарыяграфіі 20-х – першай паловы 50-х гг. XX ст., канстатуе: «У сваім антыпольскім запале <...> аўтары вельмі часта дэманстравалі высокую ступень эмацыйнасці на падставе гіпербалізацыі і дэманізацыі фактаў нядобразычлівага стаўлення польскіх урадоўцаў да беларускага насельніцтва; шырока выкарыстоўваліся яркія мастацкія прыёмы і звароты» [1, с. 19]. У свядомасць савецкіх беларусаў, якія шчыра спачувалі сваім заходнім братам, прывіталася ідэя аб будучым краху польскай дзяржавы і аб немінучым уз'яднанні Беларусі і беларускага народа. Асноўная роля ў ідэалагічнай і прапагандысцкай апрацоўцы насельніцтва адводзілася тагачасным друкаваным выданням, разлічаным на масавага чытача. На часопісы і газеты была ўскладзена задача па фарміраванню ва ўспрымання савецкіх беларусаў негатыўнага вобраза Польшчы. Дарэчы, яе знешняя палітыка, характар паводзін на міжнароднай арэне давалі шмат падстаў пазіцыянаваць яе як задзіру, падбукторшчыка новай вайны, у якую капіталістычныя дзяржавы, стаяўшыя, вобразна кажучы, за спіной Польшчы, хацелі ўцягнуць СССР.

Аб'ектыўны погляд на тое, што магло стаць і стала ў рэшце рэшт факталагічнай і эмацыйна-псіхалагічнай базай такога вобраза, дае падставы лічыць, што ў Савецкай Беларусі, якая знаходзілася на перадавой лініі супрацьстаяння паміж СССР і «сусветным імперыялізмам», было правільнае разуменне выконваемай Польшчай ролі. Аднак,

абсалютызуючы антысавецкі кірунак знешняй палітыкі Польшчы і лічачы яго ледзве не сэнсам існавання незалежнай Польшчы, мадэратары працэса фарміравання яе вобразу ў свядомасці савецкіх беларусаў не звярталі ўвагі на ўсе астатнія яе кірункі.

У Заходняй Беларусі беларускія грамадзяне Польшчы таксама не схільны былі разглядаць яе ў вобразе «голуба міру». Аднак заходнебеларускі друк, у адрозненне ад беларускага савецкага, пазбягаў тлумачэння тых ці іншых знешнепалітычных акцый Польшчы з дапамогай формулы аб «антысавецкім фронце імперыялістычных дзяржаў», а падставы для сваіх заключэнняў знаходзіў у польскай гістарычнай традыцыі і нацыянальным характары палякаў.

Цяжка спрачацца з тым фактам, што першыя ж гады існавання «адроджанай з попелу» Польшчы паказалі, што адраділася і былая яе ваяўнічасць. Часопіс нацыянал-дэмакратычнага кірунку «Крывіч» у пачатку 1923 г. канстатаваў: «Польскія адносіны да нас цяпер не толькі не супярэчаць польскай мінуўшчыне, але наадварот, прыродна вынікаюць з яе» [2, с. 41]. Прадстаўнікі беларускага гармадска-палітычнага руху ў Заходняй Беларусі лічылі, што вялікім дзяржавам незалежная і дастаткова моцная Польшча была патрэбна як фактар стрымлівання бальшавізму. Таму ў вырашэнні пытанняў, звязаных з афармленнем сваёй усходняй граніцы, яна заўсёды будзе знаходзіць маральную падтрымку гэтых дзяржаў. У астатнім жа Польшча будзе праводзіць самастойную знешнюю палітыку, абараняючы свае, а не чужыя дзяржаўныя інтарэсы. У адрозненне ад савецкіх вобразатворцаў, іх заходнебеларускія калегі лічылі, што ў аснове знешняй палітыкі адроджанай Польшчы ляжаў прынцып вялікадзяржаўнасці. Ён базаваўся на перакананні, што Польшча адраділася ў выніку гераічнай барацьбы польскага народа за незалежнасць. А паколькі ні адна дзяржава ў пачатку вайны не ставіла сабе ў задачу адраджэнне Польшчы, яна «паўстала з мёртвых» насуперак усім, змагаючыся не толькі з непасрэдным ворагам, але і з палітыкай усіх галоўных саюзных дзяржаў [3, с. 18]. Гэта, як лічылі палякі, давала Польшчы права на незалежную ўнутраную і знешнюю палітыку. Акрамя таго, у адпаведнасці са словам аднаго з найбольш уплывовых прадстаўнікоў польскай грамадска-палітычнай думкі канца XIX–XX ст., лідэра эндэкаў Рамана Дмоўскага, Польшча проста абавязана была стаць вялікай дзяржавай. Ён заяўляў: «Для кожнага, хто хоць як-небудзь разумеў палітычную геаграфію Еўропы, павінна быць ясна, што на той зямлі, дзе канчаецца Заходняя Еўропа <...> месца малой, слабай дзяржаве, размешчанай паміж Германіяй і Расіяй няма» [4, с. 288–289].

Дарэчы, нягледзячы на тое, што Пілсудскі быў палітычным апанентам Дмоўскага, на практыцы ён усё ж вымушаны быў рэалізоўваць палітычную праграму эндэкаў, бо яго ўласныя ідэі былі адарванымі ад жыцця – адрадіць Польшчу як федэратыўную дзяржаву, якой у мінулым была Рэч Паспалітая, было немагчыма. І хаця ваенная сіла была за Пілсудскім, з яго тагачаснай схільнасцю да польска-літоўскага гістарычнага рамантызму, большасць палякаў падзяляла погляды халоднага рэаліста Дмоўскага, якія базаваліся на натуральнай этнічнай логіцы палякаў. Таму Пілсудскаму прыйшлося будаваць новую Польшчу як нацыянальную рэспубліку для палякаў на польскім этнарэлігійным падмурку.

Нацыяналістычная канцэпцыя Дмоўскага грунтавалася, перш за ўсё, на польскіх гістарычных традыцыях, а таксама на прынцыпах «сацыяльнага дарвінізму». «Асновай жыцця» ў грамадстве абвешчалася барацьба, а натуральны адбор (войны, гвалт, знішчэнне) – рухаючай сілай гісторыі. З гэтага рабілася выснова, што нацыі, якія перасталі змагацца, маральна выраджаюцца і распадаюцца [5]. Дмоўскі лічыў, што лепшым каталізатарам працэсу фарміравання польскай нацыі з'яўляюцца ідэі антысемітызму і ксенафобіі. Да таго ж ён разглядаў сацыялізм як рух, створаны яўрэямі з мэтай дасягнення інтарэсаў сваёй нацыі. Такім чынам, антысемітызм і антыбальшавізм у адроджанай Польшчы дапоўнілі складнікі польскасці ў актуальнай для таго часу яе трактоўцы.

Вобразатворцы Заходняй Беларусі, таксама як і іх калегі з БССР, звярталі ўвагу на ваяўнічасць Польшчы. Аднак тлумачылі яе не антысавецкім комплексам, які, нібытам, рухаў палякамі, а комплексам антырасійскім. У аснове іх заключэнняў ляжаў відавочны факт – Польшча, вырашаючы пытанне сваёй усходняй мяжы, уступіла ва ўзброены канфлікт з Літвой і Украінай, якія самі стаялі на шляху адшукання незалежнасці і не неслі адказнасці за Расію. Прычым зрабіла гэта не звяртаючы ўвагі на пазіцыю вялікіх дзяржаў [6, с. 23]. Акрамя таго, палякі мелі намер уступіць ва ўзброены канфлікт нават з «белай» Расіяй, калі б тая перамагла бальшавікоў і паспрабавала аднавіць Расію ў былых яе межах [7].

Беларускі грамадскі часопіс «Покліч», які выдаваўся ў Коўне, у 1926 г. даў базавую характарыстыку Польшчы як суб'екта міжнароднай палітыкі: «Ачнуўшыся ад векавой дрымоты, польскі нацыянальны шавінізм і дзяржаўны імперыялізм <...> Гэты ненасытны спрадвечны вампір паядае польскі працоўны народ і марнуе жыццё суседзяў шляхецкай няўрымслівай Польшчы. Пілсудскі – жывы адбітак векавечных мрыяў польскай мегаламаніі» [8, с. 5]. У сваім нумары ад 1 кастрычніка 1926 г. «Покліч» прадоўжыў сваю вобразатворчую працу: «Уваскросшая Польшча зрабілася “гіблым месцам”, пагражаючым не толькі сабе, а і сваім суседзям. “Знятая з крыжа” Польшча стала катом, турмой сумежных народаў. Польшча жыве настроямі мінуўшчыны – у сваім летаргічным сне яна кіруецца ідэаламі мінулых стагоддзяў. Польшча прызвычалася панаваць над “быдлам”. Але ў сучасным жыцці <...> Польшча хутка заўважыць і адчуе, што панаваць няма над кім» [9, с. 5].

Часопіс «Рунь» канстатаваў, што Польшча мела партнёрскія адносіны стратэгічнага характару толькі з Францыяй. Вялікабрытанія ж і ЗША былі праціўнікамі «вялікай Польшчы», дапускаючы яе толькі ў этнаграфічных, а не ў «гістарычных» межах [10]. Як яшчэ ў 1920 г. заключала газета «Беларусь» (выдавалася ў час акупацыі Мінска польскімі войскамі Часовым беларускім нацыянальным камітэтам – А.К.), палітычная думка Вялікабрытаніі была супраць «вялікай Польшчы», бо такая Польшча не магла быць моцнай [11]. Яе апекуны, як сталыя палітычныя гульцы, не дэманстравалі трапяткога стаўлення да Польшчы і не спышаліся прызнаваць яе ўсходнюю граніцу, бо лічылі часовай – да моманту «адраджэння буржуазнай Расіі». І толькі канчаткова страціўшы веру ў гэтае адраджэнне і пераканаўшыся, што Польшчы наканавана больш доўгае жыццё, чым здавалася раней, дзяржавы Антанты змянілі сваё стаўленне да яе. 13 сакавіка 1923 г. на Канферэнцыі паслоў Вялікабрытаніі, Францыі, Італіі і Японіі дэ-факта была прызнана мяжа Польшчы з Літвой і СССР [12, s. 123]. Газета «Звязда» адзначыла, што гэты дзень заходнееўрапейская прэса абвясціла днём нараджэння «вялікай Польшчы» [13].

Заходнія беларусы, якія сталі яе грамадзянамі, бачылі знутры «палітычную кухню» Польшчы і прыходзілі да высновы, што не толькі ў ёй самой, але і побач з ёю кожнаму непалаку, – будзь то літовец, беларус, яўрэй ці ўкраінец, – жыцця не будзе [14, с. 10].

Вялікадзяржаўныя амбіцыі Польшчы прычынялі непакой не толькі яе ўсходнім суседзям. Яны вельмі сур'ёзна псавалі яе адносіны з Германіяй [15], [16, s. 13–15]. Нягледзячы на падтрымку дзяржаў Антанты, Польшча вымушана была ўступіць ёй землі з большасцю польскага, крыху анямечанага насельніцтва. Тым самым яе наступ на захад захлынуўся і ідэя «вялікай Польшчы» адкацілася, як канстатавала газета «Наш сцяг» (орган Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў – А.К.) у бок найменшага адпору – на ўсход [17]. Аднак у склад Польшчы ўсё ж увайшлі тэрыторыі былой Прусіі з высокай сельскагаспадарчай культурай і развітай прамысловасцю [18]. Прысутнасць тут этнічных немцаў стала для палякаў праблемай, якую яны вырашалі тым жа спосабам, што і на «ўсходніх крэсах» – шляхам іх дыскрымінацыі і прымуовай асіміляцыі. Пазней, у час «мытнай вайны» паміж Польшчай і Германіяй (з чэрвеня 1925 г. па сакавік 1934 г.), частка нямецкага насельніцтва была выселена з Польшчы. Да гэтай вайны, дарэчы, прывялі спробы Польшчы размаўляць з Германіяй «на роўных». Аднак яе кіраўнікі, нягледзячы на пафаснае стаўленне палякаў да сваёй дзяржавы і погляд на яе як на «вялікую», лічылі Польшчу «сезоннай дзяржавай» і свае адносіны з ёй будавалі зыходзячы з гэтага [19, s. 146]. А паколькі пасля заключэння ў красавіку 1922 г. трактату ў Рапала Германія і Расія пачалі збліжацца, гэта ўваскрасала ў памяці палякаў успаміны аб расійска-прускім супрацоўніцтве супраць Рэчы Паспалітай у другой палове XVIII ст., якое прывяло да яе падзелаў.

Напярэдадні канферэнцыі ў Лакарна, якая афіцыйна праводзілася ў мэтах канчатковага «прымірэння Еўропы» пасля Першай сусветнай вайны, Польшча, адчуваючы пагражаючую ёй небяспеку, шукала падтрымку. Аднак дарэмна: Лакарнскія дамовы падзялілі еўрапейскія межы на заходнія, на якія распаўсюджваліся міжнародныя гарантыі, што рабіла іх непарушнымі, і ўсходнія (для Германіі), у стаўленні да якіх ніякіх гарантый не было выдадзена. Усім было відавочна, што гэта парушала бяспеку Польшчы. Выдаваемая ў Вільні ад імя Беларускай сялянска-работніцкай грамады газета «Жыццё беларуса» канстатавала, што ў Лакарна «Польшча была пабіта смяротна», таму як «польска-французская гарантыйная

ўмова, не падпісаная нікім, апрача іх, і не абавязвала ні да чаго» [20, с. 3]. Дэ-факта з заключэннем Лакарнскіх пагадненняў страціў сваю сілу заключаны ў 1921 г. франка-польскі саюз, таму як парушэнне германа-французскай мяжы аўтаматычна вяло да ўмяшання краін-гарантаў (Вялікабрытаніі і Італіі). Усе спробы Польшчы ліквідаваць гэты пралом у сістэме сваёй бяспекі атрымалі рашучы адпор з боку Германіі.

Пасля дзяржаўнага перавароту, які адбыўся ў Польшчы ў мае 1926 г., і ўстанаўлення аўтарытарнага рэжыму санацыі ў беларускіх вобразотворцаў узніклі падставы для атаясамлівання яго з фашысцкім рэжымам, які з кастрычніка 1922 г. існаваў у Італіі. У 1925 г. правадыр італьянскіх фашыстаў Беніта Мусаліні абвясціў сябэ «дучэ» (ад лат. *dux* – «лідэр, правадыр»). Адпаведную ролю ў тагачаснай Польшчы выконваў Юзаф Пілсудскі. У якасці фігуры, якая адыграла ключавую ролю ў адраджэнні Польшчы, і як Кіраўнік дзяржавы (*Naczelnik Państwa*) з 14.11.1918 г. да 14.12.1922 г., Пілсудскі пазіцыянаваўся яго прыхільнікамі як правадыр палякаў. І хаця ў канцы 1922 г. апошні фармальна адыйшоў ад палітычнай дзейнасці, стаяць у баку ад працэсаў, якія праходзілі ў Польшчы, ён не жадаў. Прыняўшы актыўны ўдзел у Майскім перавароце, Пілсудскі фактычна становіцца дыктатарам Польшчы. З гэтага часу актывізаваўся працэс фарміравання культу асобы, у рамках якога Пілсудскі разглядаўся як правадыр (*wodź*) польскай нацыі [21]. А калі і ў Германіі да ўлады прыйшлі нацысты і пачаўся працэс збліжэння паміж ёю і Польшчай, які завяршыўся падпісаннем 26 студзеня 1934 г. пакта «Гітлера–Пілсудскага», вельмі карыснага для Гітлера, падстаў для таго, каб атаясамліваць пілсудчыкаў з фашыстамі ў беларускіх вобразотворцаў з’явілася яшчэ больш. Аб удзячнасці Гітлера Пілсудскаму сведчаць многія факты. У тым ліку і пісьмо яго жонцы, Александры, са спачуваннем у сувязі са смерцю Пілсудскага (12 мая 1935 г.) і абяцаннем назаўжды захаваць вобраз памерлага «ў сваёй удзячнай памяці» [22].

Аб’ектыўна Пілсудскі імкнуўся пазбегнуць чарговага падзелу Польшчы, пагроза якога літаральна «лунала ў паветры». Ён не гарэў жаданнем апынуцца «паміж молатам і кавадлам», а паколькі лічыў, што галоўная пагроза Польшчы зыходзіць з боку СССР (насуперак заключэнню сваіх ваенных саветнікаў), то зрабіў стаўку на Германію, якая пасля прыходу да ўлады Гітлера пачала актыўна рыхтавацца (і тут Пілсудскі не памыляўся) да паходу на ўсход. Пры гэтым Польшча пачала аддаляцца ад сваёй саюзніцы, Францыі: у 1932 г. Польшчу вымушана была пакінуць французская ваенная місія, а ў 1934 г. і ваеннае супрацоўніцтва Польшчы з Францыяй было цалкам спынена [23].

Перамены, якія адбываліся ў знешнепалітычным курсе Польшчы, не заставаліся незаўважанымі ў БССР. Было відавочна, што кожны новы яе «сябар» і партнёр з’яўляўся такім жа яго ворагам СССР, якім была і сама Польшча. Таму прапагандысцкія памкненні беларускай савецкай (як і ўвогуле савецкай) прапаганды былі накіраваны на выкрыццё дыпламатычнай і ваеннай падрыхтоўкі Польшчы да вайны з СССР.

У Заходняй Беларусі ваенныя прыгатаванні Польшчы і пошукі ёю новых партнёраў таксама знаходзілі адпаведную ацэнку. Часопіс «Крывіч», у прыватнасці, пераконваў сваіх чытачоў: «Усходнія межы Польшчы не абапіраюцца ні на гістарычныя, ні на геаграфічныя падставы. Яны з’яўляюцца штучнымі і выпадковымі. Яны заўсёды будуць жывою ранаю на усходзе Еўропы, якую не загояць ніякія лекі» [24, с. 50]. Па гэтай жа прычыне часопіс «Покліч» заяўляў, што Польшча – гэта «гнайнік, марны нашчадак Версалі і Рыгі» [25, с. 3], які пагражаў сваім існаваннем еўрапейскаму міру. Каментуючы майскі пераварот, «Покліч» заклікаў еўрапейскія дзяржавы: «Выявіўся ўзгадаваны імперыялізмам Польшчы гаручы матэрыял, які толькі чакае належнай іскры, каб крывавае зарава запалала па ўсёй Еўропе. Усведамленыя жыццём еўрапейскія палітычныя колы не маюць права і далей “умываць рукі” ад гэтай небяспекі, калі не жадаюць абяскроўлення кантынента. Еўропа павінна вылечыцца. Павінны быць зліквідаваны падставы для нацыянальнага гвалту і надужыцця. Павінна быць зроблена “дэзынфекцыя” ад заразы – заваёўніцкіх, каланізатарскіх тэндэнцый – мегаламані польскай шляхты» [25, с. 3–4].

Заходнебеларускі друк не аднойчы звяртаўся і да тэмы польска-чэхаславацкіх адносін, вельмі складаных з-за прэтэнзій Польшчы на Цешынскую вобласць. Чэхаславакія была падтрымана заходнімі дзяржавамі, прадстаўнікі якіх узялі на сябе вырашэнне польска-чэхаславацкай спрэчкі. 28 ліпеня 1920 г. у Спа (Бельгія) была падпісаная завяршальная дамова

паміж Польшчай і Чэхаславакіяй, па якой заходняя частка спрэчнай вобласці была пакінута за Чэхаславакіяй, тады як Польшча атрымала ўсходнюю яе частку [26]. Аднак такі падзел Польшчы не задаволіў і яна стала чакаць моманту, каб вярнуцца да спрэчкі.

У пачатку гэтага канфлікту і беларускі савецкі, і заходнебеларускі перыядычны друк у адзін голас пераконвалі, што прэтэнзіі Польшчы не абгрунтаваныя нічым рэальна і сцвярджалі, што яе паводзіны з'яўляюцца дэвіянтнымі. Так, напрыклад, часопіс «Беларускі сцяг» заяўляў, што яны «нагадвалі ўчынкі хворага, амаль вар'ята, які сваімі бязглуздымі выкрыкамі ўжо абрыдзеў» [27, с. 28]. «Савецкая Беларусь», у сваю чаргу, перадрукоўвала матэрыялы чэшскай прэсы нават без каментарыяў: «Мы яшчэ ніколі не былі сведкамі такой сляпой і неінтэлігентнай палітыкі <...> Гэта не толькі непрыстойна і недапушчальна, але нават неразумна <...> Нам гэта ўжо абрыдла» [28].

Між тым Варшава ўсё ж свайго дачакалася... Калі Гітлер задумаў адабраць у Чэхаславакіі Судзецкую вобласць, яна адрэагавала вокамгненна, прапанаваўшы таму аказаць падвойнае ўздзеянне як па судзецкім, так і па цешынскім пытаннях. І знайшла поўнае разуменне з боку Берліна. У рэшце рэшт, 30 верасня 1938 г., адразу ж пасля падпісання ў ноч з 29 на 30 верасня Мюнхенскай дамовы паміж Германіяй, Вялікабрытаніяй, Францыяй і Італіяй, Варшава прад'явіла чэхаславацкаму ўраду новы ультыматум, дзе патрабавала неадкладнага задавальнення сваіх патрабаванняў. А ўжо 2 кастрычніка польскія войскі акупавалі Цешынскую вобласць [26].

Такім чынам, аднакіраванымі намаганнямі беларускія савецкія і заходнебеларускія вобразатворцы стварылі негатыўны вобраз Польшчы як суб'екта міжнароднай палітыкі і міжнародных адносін. Гэты вобраз стаў дзейнасным інструментам інфармацыйна-ідэалагічнай і прапандысцкай работы, якая вялася ў БССР, а таксама сярод беларускага насельніцтва анэксаванай Польшчай Заходняй Беларусі. Ён садзейнічаў развіццю этнапалітычнай свядомасці беларусаў, мабілізацыі беларускай грамадскай думкі на карысць будучага ўз'яднання Беларусі і беларускага народа, упэўненасці ў непазбежнасці гэтага аб'яднання і гатоўнасці садзейнічаць яго набліжэнню.

Літаратура

1. Савіч, А. А. Палітыка Польшчы і становішча Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. у адлюстраванні айчынай гістарыяграфіі 1920-х – першай паловы 1950-х гг. / А. А. Савіч // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 2 : Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2018. – № 2. – С. 13–22.
2. Скарыніч, Б. Думкі і разважанні. Дзве праўды / Б. Скарыніч // Крывіч. – 1923. – № 1. – С. 39–42.
3. Lukaszewicz, J. Polska jest mocarstwem / J. Lukaszewicz. – Warszawa : Nakład Gebethnera i Wolffa, 1939. – 63 s.
4. Landau, Z. Polska w Europie i świecie, 1918–1939 / Z. Landau, J. Tomaszewski. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1984. – 316 s.
5. Зелинский, М. В. Роман Дмовский как идеолог и теоретик польского национализма [Электронный ресурс] / М. В. Зелинский. – Режим доступа : <https://zapadrus.su/61-slm/2354-roman-dmovskij-kak-ideolog-i-teoretik-polskogo-natsionalizma.html>. – Дата доступа : 12.06.2024.
6. Kirzien, L. Russia, Poland and the Curzon line / L. Kirzien. – Edinburgh : Caldrea house, 1945. – 67 s.
7. Juzwenko, A. Stosunek «Białej» Rosji do odradzającego się państwa polskiego i jego granic / A. Juzwenko // Kwartalnik Historyczny. – 1973. – № 3. – S. 621–639.
8. Пуцята. Аб арыентацыях / Пуцята // Покліч. – 1926. – б/н. – С. 4–5.
9. Пуцята. Літоўска-савецкі дагавор і яго перспектывы / Пуцята // Покліч. – 1926. – № 6 (8). – С. 3–5.
10. Петрашкевіч, А. Лёс Беларусі / А. Петрашкевіч // Рунь. – 1920. – № 1. – С. 7.
11. Польшча і яе міжнародны стан // Беларусь. – 1920. – 13 мая. – С. 1.
12. Srebrakowski, A. Sejm Wileński 1922 roku. Idea i jej realizacja / A. Srebrakowski. – Wrocław : Wyd-wo Un-tu Wrocławskiego, 1993. – 145 s.
13. Домбаль, Т. Польский империализм / Т. Домбаль // Звезда. – 1923. – 18 мая. – С. 2.
14. Бяроза, А. Расійска-польскі баль і беларускае пахмелле : (куды ідзе беларускі шлях) / А. Бяроза. – Пінск : Гасла, 1921. – 14 с.
15. Rosenfeld, G. Stosunki polityczne polsko-niemieckie po Rapallo i Locarno / G. Rosenfeld // Kwartalnik Historyczny. – 1963. – № 1. – S. 35–51.

16. Wojdyło, W. Wizja miejsca Polski w Europie 1918–1945 w myśli politycznej Stanisława Grabskiego / W. Wojdyło // *Dzieje Najnowsze*. – 1994. – № 1. – S. 13–25.
17. Змагайся! // *Наш сцяг*. – 1923. – 30 чэрвеня. – С. 1–2.
18. «Платон – прыяцель, але праўда яшчэ большы прыяцель» // *Беларусь*. – 1920. – 8 сакавіка. – С. 1.
19. Wroniak, Z. Zbliżenie francusko-niemieckie a problem polskiej granicy zachodniej w latach 1925–1932 / Z. Wroniak // *Problem granic i obszaru odrodzonego państwa polskiego, 1918–1990*. – Poznań : Wyd-wo Naukowe Un-tu im. A. Mickiewicza, 1992. – S. 141–154.
20. Сойм // *Жыццё беларуса*. – 1925. – 28 кастрычніка. – С. 2–3.
21. Ціхаміраў, А. Пилсудскі / А. Ціхаміраў // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т.* – Мінск : БелЭН, 1999. – Т. 5. М–Пуд / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.]. – С. 493.
22. Хавич, О. «Юзефу от друга Адольфа»: за что Пилсудский удостоился панихиды от Гитлера [Электронный ресурс] / О. Хавич. – Режим доступа : <https://ukraina.ru/20230512/1046135966.html?ysclid=1xa27xvj7r602016100/>. – Дата доступа : 11.06.2024.
23. Валентинов, О. Как Пакт Гитлера–Пилсудского открыл путь к войне в Европе [Электронный ресурс] / О. Валентинов. – Режим доступа : <https://nstarikov.ru/kak-pakt-gitlera-pilsudskogo-otkryl-put-k-vojne-v-evrope-117737?ysclid=lwvt45arbd974710950>. – Дата доступа : 01.06.2024.
24. Агляд прэсы // *Крывіч*. – 1923. – № 1. – С. 50–55.
25. Пуцята. Новы сейм і палітычная сітуацыя / Пуцята // *Покліч*. – 1926. – б/н. – С. 1–4.
26. Самсонов, А. Два хищника – Польша и Германия – против Чехословакии [Электронный ресурс] / А. Самсонов. – Режим доступа : <https://topwar.ru/6015-dva-hischnika-polsha-i-germaniya-protiv-chehoslovakii.html?ysclid=1xg9gvilzv879261588>. – Дата доступа : 12.06.2024.
27. Агляд прэсы // *Беларускі сцяг*. – 1922. – № 1. – С. 28–32.
28. Чэхі аб Польшчы // *Савецкая Беларусь*. – 1923. – 29 чэрвеня. – С. 1.

Политика Рапалло в историографии Российской Федерации

Н.Н. МЕЗГА

В статье рассматривается российская историография рапальской политики в постсоветский период. Установлено, что для нее характерно значительное расширение проблемного поля исследований. Российские историки стремятся учесть влияние всего многообразия факторов на развитие советско-германских отношений. Рапалло рассматривается в контексте Версальской системы международных отношений.

Ключевые слова: российская историография, рапальская политика, Россия, Германия, Версальская система.

The article examines the Russian historiography of Rapallo politics in the post-Soviet period. It has been established that it is characterized by a significant expansion of the problem field of research. Russian historians strive to take into account the influence of a wide variety of factors on the development of Soviet-German relations. Rapallo is considered in the context of the Versailles system of international relations.

Keywords: Russian historiography, Rapallo politics, Russia, Germany, the Versailles system.

Политика Рапалло в советско-германских отношениях на современном этапе развития исторической науки продолжает оставаться полем для активных научных дискуссий. Исследователи по-разному трактуют характер, причины советско-германского сотрудничества в 1920-е – начале 1930-х гг. В связи с этим важно обобщить историографический материал по указанной проблеме. Это позволяет определить степень изученности рапальской политики и наметить приоритетные направления ее дальнейшего исследования. Целью данной статьи является выявление важнейших положений современной российской историографии, характеризующей рапальский период в советско-германских отношениях.

Уже с начала 1990-х в российской историографии при изучении рапальской политики обозначились новые подходы, расширилось проблемное поле исследований по сравнению с советской исторической наукой. Абсолютно новым направлением исследований стало изучение военного сотрудничества между Россией и Германией. Ю.З. Кантор считает, что есть основания говорить о налаживании советско-германского военного сотрудничества с лета 1921 г. [1, с. 14–15]. По мнению В.Э. Модянова, 29 июля 1922 г. было подписано первое советско-германское соглашение о военном сотрудничестве [2, с. 109]. В.В. Соколов высказывает мнение, что уровень сотрудничества, в том числе военного, между Россией и Германией, установившийся после Рапалло, позволяет говорить о негласном военно-политическом союзе между ними. В условиях, когда на Германию были наложены Версальские ограничения, Советская Россия, как изгой из мирового сообщества, представлялась для Германии идеальным партнёром [3, с. 109, 110]. Другой точки зрения по вопросу советско-германского союза придерживается В.А. Зубачевский. По его мнению, в 1923 г. существовали благоприятные условия для развития советско-германских отношений, но при этом речь не шла о формировании военно-политического союза [4, с. 311].

Исследователи стали уделять значительное внимание антипольскому аспекту советско-германского сотрудничества в 1920-е гг. Примером такого подхода может служить статья В. Соколова и И. Фитисова [5, с. 141]. С.А. Горлов в качестве инициатора антипольской направленности сотрудничества в рамках Рапалло представляет Москву. По его мнению, советские предложения о выработке «совместного подхода к польскому вопросу» в 1924–1925 гг. наталкивались в Берлине на неприятие. Это связано с тем, что поддержание взрывоопасной ситуации, основанной на слепой вражде к Польше, несло смертельный риск для самого существования Веймарской республики [6, с. 19]. По мнению Ю.З. Кантор, доминирующее положение в отношениях СССР и Германии занимал именно польский фактор. Она считает, что сближение Советской России с Германией было неразрывно связано с ее борь-

бой с Польшей за влияние в Северо-Восточной Европе. Оба эти направления внешней политики являлись для Москвы первостепенными и органично взаимосвязанными во второй половине 1920-х гг. [1, с. 21, 27]. В.А. Зубачевский в качестве примера советско-германского сотрудничества на антипольской основе в период Рапалло указывает на переговоры в феврале 1923 г. в Москве советской и германской военных делегаций, на которых обсуждались вопросы о совместных военных действиях против Польши. При этом он высказывает мнение, что Рапальский договор способствовал и нормализации советско-польских отношений, так как через Польшу осуществлялась советско-германская торговля [4, с. 244, 229]. По мнению В.А. Зубачевского, Москва активно использовала польский фактор, чтобы сохранить рапальскую политику в условиях происходившего в 1924–1925 гг. сближения Германии со странами Запада. В 1925 г. Москва начала с Варшавой переговоры о заключении договора о ненападении. Советско-польские консультации, проходившие одновременно с советско-германскими переговорами, вызвали негативную реакцию министра иностранных дел Германии Г. Штреземана. В результате СССР прекратил диалог с Польшей и 24 апреля 1926 г. подписал Берлинский договор о нейтралитете с Германией [4, с. 315].

Новым для постсоветской российской историографии стало определение влияния внутривнутриполитического фактора на советско-германские отношения, связанное со становлением в СССР тоталитарного режима. С.З. Случ связывает ухудшение советско-германских отношений после подписания Берлинского договора, в том числе, с усилением советского тоталитарного режима [7, с. 101]. С другой стороны, он делает вывод, что 1933 г. стал поворотным в советско-германских отношениях и инициатива этих изменений исходила от Гитлера, т. е. была вызвана чисто внутривнутриполитическими изменениями в Германии [7, с. 107]. Ухудшение советско-германских отношений в конце 1920-х гг. П.В. Макаренко также объясняет в том числе становлением в СССР сталинского тоталитарного режима, равно как и нахождением у власти в Германии в 1928–1930 гг. социал-демократического правительства [8, с. 119]. В.А. Шишкин считает, что рапальский курс подвергался серьезным испытаниям с советской стороны, имея ввиду аресты немцев в связи с шахтинским делом [9, с. 299], т. е. опять же в связи со становлением тоталитарного режима в СССР.

Современная российская историография отмечает негативное влияние на рапальскую политику идеологического фактора. Это влияние признавалось и в советской историографии и рассматривалось как проявление классового противостояния на международной арене. Данное положение фактически сохранилось в исследованиях В.А. Шишкина. По его мнению, классовый подход к Советской России был характерен даже для сторонников восточной ориентации германской внешней политики. Германия при первой же возможности готова была стать на сторону Запада, отказавшись от сближения с СССР [9, с. 293–294]. Новым в определении влияния идеологического фактора на политику Рапалло стало обращение исследователей к проблеме идейно-политической конфронтации большевиков с социал-демократами и к роли концепции мировой революции в советской внешней политике. С.З. Случ отмечает, что в период нахождения у власти в Германии в 1928–1930 гг. правительства во главе с социал-демократом Г. Мюллером отрицательное влияние на советско-германские отношения оказывало именно идеологическое противостояние Коминтерна и социал-демократии в то время [7, с. 102]. И.С. Кремер указывает на деятельность Коминтерна как на фактор, создающий сложности в советско-германских отношениях [10, с. 114]. В работах В.А. Зубачевского показано, что наиболее сильным влияние концепции мировой революции на советско-германские отношения приходится на осень 1923 г. Это было время, когда усилилось недовольство германского правительства советским вмешательством во внутренние дела Германии. Москва считала допустимым временную потерю Восточной Пруссии Германией для обеспечения нейтралитета Польши по отношению к германской революции. Германский посол в Москве потребовал у М. Литвинова объяснений в связи с большевистскими заявлениями о готовности спасти немецкую революцию путем уступок за счет Германии Польше. По мнению В.А. Зубачевского, в 1924 г. нормализацию отношений между СССР и Германией замедляло всё то же советское вмешательство во внутренние дела Германии [4, с. 254, 255, 257–258, 283]. Н.Н. Станков считает, что причастность СССР к событиям в Германии в

1923 г. привела к ухудшению советско-германских отношений [11, с. 28]. Фактором, который заставлял Москву сдерживать крайне радикальный курс Коминтерна и немецких коммунистов, П.В. Макаренко считает экономические интересы СССР [8, с. 120].

При определении значения Рапалльского договора для международного положения России историография Российской Федерации в значительной степени продолжает традиции советской историографии. В.Ю. Катасонов в духе советской историографии пишет о том, что в Генуе Советской России удалось прорвать единый фронт «империалистических держав» путём заключения Рапалльского договора, «договор в Рапалло сорвал попытку Антанты создать единый капиталистический фронт против Советской России» [12, с. 108, 110]. И.А. Хормач видит значение Рапалльского договора в том, что он разрушил единый фронт капиталистических государств, усилил их заинтересованность в сепаратных соглашениях с Россией [13, с. 95]. По-иному значение Рапалльского договора видит В.А. Зубачевский, рассматривая его в контексте политики защиты интересов России на антивоерсальской основе. Он отмечает, что после подписания Рижского мира, начался постепенный переход большевиков к защите интересов Российского государства путем сближения с Германией, что стало крупнейшим провалом версальских миротворцев [4, с. 200]. В.А. Зубачевский указывает на стремление большевиков использовать Рапалльский договор при решении территориальных вопросов. Он отмечает близость в 1924 г. позиций СССР и Германии по Мемельскому, Виленскому и Галицийскому вопросам. В МИД Германии считали, что присоединение Вильно к Литве, а Западной Беларуси к Советской Беларуси соответствует германским интересам [4, с. 280, 281]. Также, по мнению В.А. Зубачевского, благодаря договору в Рапалло Советская Россия вышла из изоляции, создав прецедент в международно-правовой сфере, заложила основы для широкого сотрудничества с Германией [4, с. 228]. В.Э. Модянов, напротив, считает, что Рапалльский договор не открыл эру сотрудничества, «но закрепил уже идущие процессы» в отношениях между Россией и Германией [2, с. 9].

В современной российской историографии определилась тенденция рассматривать политику Рапалло в контексте общего международного порядка, существовавшего в то время в Европе. С.З. Случ еще в 1990-е гг. сделал вывод, что Рапалло являлось частью общего антивоерсальского курса СССР. Заключение советским правительством договоров о ненападении с Польшей и Францией воспринималось в Германии как полное изменение советской внешней политики [7, с. 103], что ослабляло рапалльский курс. В кандидатской диссертации, защищённой в 2001 г., О.В. Артюков отмечает, что с помощью Рапалло Германия стремилась вернуть статус великой державы. Но в Берлине пришли к выводу, что решить эту задачу только с опорой на СССР невозможно. При этом в германские политики не спешили отказаться от «русской карты» в отношениях с Западом [14, с. 15–16, 18]. По сути, тот же тезис звучит в работе Ю.З. Кантор. Она пишет, что Берлин использовал Рапалло как важнейший козырь для давления на Англию и Францию. Опираясь на особые отношения с СССР, Германия последовательно восстанавливала статус великой державы [1, с. 131]. В.А. Шишкин делает вывод, что для Германии Рапалльский договор был вынужденным ходом, «браком по принуждению». При этом Г. Штреземан исходил из преждевременности отказа от хороших отношений с СССР, несмотря на подписание Локарнских соглашений. Этим и объясняется подписание Московского договора в 1925 г. и Берлинского договора в 1926 г. [9, с. 294]. В.В. Соколов считает, что внешнеполитическая изоляция Германии заставила её пойти на подписание Рапалльского договора [3, с. 107]. В дальнейшем угроза снова оказаться в изоляции серьезно тревожила правящие круги Германии. П.В. Макаренко отмечает опасения Берлина относительно сближения между СССР и Англией и Францией после смерти В. Ленина. В германских дипломатических кругах существовало мнение, что переговоры Москвы с Парижем и Лондоном приведут к тому, что «Германия останется с пустыми руками» [8, с. 183, 185]. В.А. Зубачевский в связи с этим указывает, что в условиях признания СССР в 1924 г. в советских политических кругах сложилось мнение, что Германия стремится препятствовать сближению СССР с другими странами [4, с. 281]. С другой стороны, избрание президентом П. Гинденбурга, начало сближения Германии с Англией вызвало беспокойство в Москве. Но в Локарно Г. Штреземану удалось избежать антисоветских обязательств при вступлении в Лигу Наций, и Москва сохраняла на-

дежду на продолжение политики Рапалло [4, с. 298, 291, 292]. В.А. Зубачевский оценивает советско-германские военно-политические отношения в 1920-е гг. как позитивное явление в борьбе против «санитарного кордона», созданного версальскими миротворцами, в частности, для изоляции Германии и Советского Союза. Сочетание рапалльской и локарнской линий в политике Веймарской республики помогало ей готовить мирную ревизию Версальской системы, но это было выгодно в 1920-е гг. и Советскому Союзу [4, с. 320]. По мнению Е.В. Хавалкиной и В.С. Дзюба, несмотря на то, что в своей риторике Берлин неоднократно использовал советский фактор, угрожая Франции и Великобритании превращением экономического сотрудничества с Москвой в полноценный политический альянс, а может быть, и именно поэтому Лондон начал более внимательно относиться к возможности привлечения Берлина к урегулированию вопросов безопасности в Европе [15, с. 173].

В постсоветской историографии в России возросло внимание к роли Берлинского договора в рапалльской политике. И.С. Кремер рассматривает ход советско-германских переговоров о договоре о нейтралитете и считает, что наиболее сложным на них был вопрос о соблюдении нейтралитета лишь в случае неспровоцированного нападения третьей державы на одного из участников договора [10, с. 115]. По мнению В.А. Зубачевского, Берлинский договор способствовал активизации военного сотрудничества между СССР и Германией [4, с. 316]. Иную оценку влиянию Берлинского договора на политику Рапалло дал еще в середине 1990-х гг. С.З. Случ. По его мнению, за все время существования Веймарской республики не было другого такого периода, когда советско-германские отношения имели бы такую устойчивую тенденцию к ухудшению, как в первые четыре года после подписания Берлинского договора [7, с. 101].

В современной российской историографии существуют расхождения относительно определения времени, когда происходит свертывание рапалльской политики. По мнению С.З. Случа, данный процесс начался буквально сразу после подписания Берлинского договора. Он связывает это, с одной стороны, с усилением советского тоталитарного режима. С другой, с изменениями в международной обстановке, в основе которых лежало ослабление Версальской системы, и, соответственно, укрепление позиций Германии на международной арене [7, с. 101]. В.А. Шишкин считает, что к осени 1929 г. в германской политике наметился курс на отход от рапалльской политики [9, с. 310]. В.Э. Модянов делает вывод, что канцлер Брюнинг взял курс на сворачивание сотрудничества с СССР, в том числе в области кредитов и военных заказов [2, с. 123]. В более общем плане относительно свертывания рапалльской политики говорит Ю.З. Кантор. По ее мнению, успехи политики Германии по укреплению ее международных позиций и сближению с Францией во второй половине 1920-х гг. привели к постепенному сужению сферы практического взаимодействия Москвы и Берлина [1, с. 20]. В.А. Зубачевский определяет, что с конца 1920-х гг. Советский Союз и Веймарская республика стали сворачивать военно-политическое сотрудничество. Данный автор связывает это с тем, что, во-первых, изменились международная конъюнктура и внутренняя политика СССР и Германии, особенно после начала в 1929 г. мирового экономического кризиса. Во-вторых, немалую роль сыграл персональный фактор: ушли с политической арены многие активные сторонники рапалльской политики [4, с. 319]. Роль персонального фактора в свертывании рапалльской политики отмечает и В.А. Шишкина. Он указывает, что с 1928 г. очень большой урон советско-германским отношениям наносил субъективный фактор, уход из жизни либо ослабление политических позиций сторонников Рапалло [9, с. 310]. По-иному трактует влияние мирового экономического кризиса на советско-германские отношения П.В. Макаренко. Он отмечает успешность развития советско-германских экономических связей в годы кризиса 1929–1933 гг. [8, с. 120].

В рамках изучения рапалльской политики значительно возрос интерес современных российских исследователей к персоналиям. Историки пытаются определить позицию тех или иных политических деятелей по отношению к Рапалло, их влияние на советско-германские отношения. С.А. Горлов считает, что самыми крупными прогерманскими лоббистами в советском руководстве были И. Сталин и В. Ленин [6, с. 18]. Ю.З. Кантор также указывает на И. Сталина как на наиболее активного сторонника военно-политического сотрудничества с Германией [1, с. 12]. П.В. Макаренко считает, что заключение Берлинского договора 1926 г.

не оправдало надежд И. Сталина и политбюро на удержание Германии в русле советской внешней политики. Сталин рассчитывал решить с помощью Германии проблему кредитов, необходимых для индустриализации. Но при этом он считал возможным взаимопонимание с немцами лишь на определенных условиях и на определенное время. Вред советско-германским отношениям наносило и то, что Сталин не мог отказаться от революционных принципов большевизма. Он критиковал НКВД за недооценку революционной составляющей во внешней политике, был уверен в заинтересованности Германии в сотрудничестве с СССР и полагал, что, несмотря на подрывную деятельность Коминтерна, на разрыв она не пойдет. По мнению П.В. Макаренко, для И. Сталина Германия своим противостоянием державам-победительницам, своими напряженными отношениями с Францией и Польшей представлялась надежным и самым предпочтительным партнером в случае обострения отношений СССР с западными державами [8, с. 118, 121].

В.Л. Чернопёров отмечает наличие расхождений в советском руководстве относительно приоритета отношений с Германией в советской внешней политике. В конце 1924 г. в политбюро обсуждалась стратегия советского внешнеполитического курса. М. Литвинов, которого в целом поддержал и Г. Чичерин, высказался за сближение с Францией вплоть до признания Версальского договора. Взамен они рассчитывали получить Прибалтику и восточную Польшу. Но политбюро отвергло эти предложения и высказалось за сохранение рапальской политики [16, с. 43]. На различия в оценках курса Рапалло в советском руководстве указывает и В.А. Зубачевский. По его мнению, Г. Чичерин отдавал приоритет германскому направлению в советской внешней политике, считая, что Рапальский договор закончил «триумф победителей» в мировой войне, положив начало «появлению новых международных политических сил». М. Литвинов, представляя англо-саксонскую ориентацию, видел в договоре прагматическую цель – дипломатические отношения с Германией. В. Ленин же писал 28 августа своему заместителю Л. Каменеву и И. Сталину: «С Германией теперь надо быть “мудрым аки змий”. Ни слова лишнего. Не “дразнить” зря ни Франции, ни Англии ... ни слова с призывом не исполнять Верс[альского] договора», т. е. проявлял осторожности в плане сотрудничества с Германией [4, с. 230]. На расхождения в советском руководстве относительно курса Рапалло указывает и И.Э. Магадеев. По его мнению, Г. Чичерин на момент начала Рурского кризиса считал возможным политическое сближение с Францией. Поэтому остался недовольным решением политбюро опубликовать воззвание ВЦИК по поводу оккупации Францией Рура. И. Сталин и Л. Троцкий считали планы Г. Чичерина по достижению соглашения с Францией в тех условиях нереалистичными. М. Литвинов в конце 1924 г. высказывал точку зрения, что сохранение дружественных отношений с Германией возможно лишь при одновременном создании опорных пунктов хотя бы в одной из крупных стран Европы: Франции или Англии [17, с. 157–158].

Таким образом, историки Российской Федерации по сравнению с советской историографией расширили проблемное поле исследования Рапалло. Активно изучается военное сотрудничество Германии и России, атипольский аспект рапальской политики. Эта политика рассматривается в контексте международного порядка в Европе в 1920-е – начале 1930-х гг. с учетом влияния на нее разнообразных факторов, в том числе внутривнутриполитических и идеологических. Изучение советско-германских отношений периода Рапалло в целом осуществляется в рамках подходов, сформировавшихся в 1990-е гг. Поэтому сложно говорить о выделении этапов в российской постсоветской историографии рапальской политики. Можно отметить формирование двух направлений в историографии Рапалло в Российской Федерации. Для одного из них характерно заимствование ряда важных положений советской историографии. Его представители объясняют рапальскую политику прежде всего стремлением советского руководства не допустить формирования единого антисоветского фронта, именно в этом видят значение Рапалло для СССР (П.В. Макаренко, В.А. Шишкин, И.А. Хормач). Представители другого направления делают акцент на антиверсальском характере рапальской политики, стремлении Германии и России использовать ее в целях укрепления своего международного положения (Ю.З. Кантор, В.Э. Модянов, И.Э. Магадеев, В.А. Зубачевский).

Литература

1. Кантор, Ю. З. Заключенная дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы / Ю. З. Кантор. – СПб. : Питер, 2009. – 336 с.
2. Модянов, В. Э. Россия и Германия : дух Рапалло (1919–1932) / В. Э. Модянов. – М. : Просвещение, 2009. – 176 с.
3. Соколов, В. В. Деятельность советского посольства в Берлине / В. В. Соколов // Новая и новейшая история. – 2006. – № 2. – С. 102–121.
4. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века) : Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.
5. Соколов, В. Рапалло и довоенная Польша / В. Соколов, И. Фетисов // Международная жизнь. – 1993. – № 3. – С. 135–143.
6. Горлов, С. А. Совершенно секретно : Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия) / С. А. Горлов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 352 с.
7. Случ, С. З. Герmano-советские отношения в 1918–1941 гг. Мотивы и последствия внешнеполитических решений. Ч. 2 / С. З. Случ // Славяноведение. – 1996. – № 3. – С. 101–113.
8. Макаренко, П. В. И. Сталин и дух Рапалло конца 1920-х – начала 1930-х годов / П. В. Макаренко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : История. Политология. Социология. – 2011. – № 2. – С. 117–122.
9. Шишкин, В. А. Становление внешней политики послереволюционной России и капиталистический мир. От революционного «западничества» к «национал-большевизму». Очерк истории / В. А. Шишкин. – СПб., 2002. – 362 с.
10. Кремер, И. С. Новые документы по истории советско-германских отношений (1920–1941 годы) / И. С. Кремер // Новая и новейшая история. – 2012. – № 6. – С. 123–122.
11. Станков, Н. Н. «Германский Октябрь» 1923 г. и Чехословакия / Н. Н. Станков // Славяноведение. – 2018. – № 1. – С. 18–29.
12. Катасонов, В. Ю. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории / В. Ю. Катасонов. – М. : «Кислород», 2015. – 240 с.
13. Хормач, И. А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам / И. А. Хормач // Новая и новейшая история. – 2020. – № 3. – С. 80–106.
14. Артюков, О. В. Советско-германские отношения в 1925–1933 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. В. Артюков. – М., 2001. – 38 с.
15. Хахалкина, Е. В. Локарнские соглашения 1925 г. в контексте трансформации Версальской системы : взгляд из Лондона / Е. В. Хахалкина, В. С. Дзюба // Вестник Московского университета. Сер. 25 : Международные отношения и мировая политика. – 2021. – № 1. – С. 157–195.
16. Чернопёров, В. Л. Дипломат В.Л. Копп и его роль в формировании советской политики в отношении Германии (1919–1924 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.15 / В. Л. Чернопёров. – Нижний Новгород, 2007. – 52 с.
17. Магадеев, И. Э. Г.В. Чичерин в оценках французских дипломатов и публицистов / И. Э. Магадеев // Российская история. – 2022. – № 5. – С. 147–159.

Штодзённае жыццё гараджан Беларусі канца XIX – пачатку XX ст. у кантэксце развіцця масавай культуры

А.Р. ЯШЧАНКА

Артыкул прысвечаны паказу штодзённага жыцця гараджан Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст., якое адбывалася ва ўмовах актыўнага распаўсюджання масавай культуры. Упершыню феномен масавай культуры ў адносінах гарадскога побыту мяжы XIX–XX ст. вывучаны менавіта з пазіцыі гістарычнай навукі. Аўтар характарызуе асобныя формы масавай культуры і стаўленне да іх гарадскіх жыхароў.

Ключавыя словы: штодзённасць, гарады, Беларусь, масавая культура, дасуг, сінематограф, канец XIX – пачатак XX ст.

The article is devoted to showing the everyday life of the citizens of Belarus in the late 19th – early 20th centuries, which developed in the conditions of the active spread of mass culture. For the first time, the phenomenon of mass culture in relation to urban life on the border of the 19th–20th centuries was studied from the perspective of historical science. The author characterizes certain forms of mass culture and the attitude of urban residents towards them.

Keywords: everyday life, cities, Belarus, mass culture, leisure, cinematography, late 19th – early 20th centuries.

Сёння ўяўленні пра гарадскі лад жыцця непарыўна звязаны з масавай культурай. Яе вытокі неабходна шукаць у аддаленым гістарычным мінулым. У канцы XIX – пачатку XX ст. гэты складальнік культурных працэсаў таксама быў уключаны ў гарадскую прастору Беларусі. Паняцце «масавая культура» прынята тлумачыць як культуру індустрыяльнага, у першую чаргу, заходняга грамадства, яе фарміраванне асацыіраваць з урбанізацыяй. Масавая культура па зместу адначасова выступае і сінонімам паняцця «папулярная культура», пры такім разуменні яе часта супрацьпастаўляюць так званай «высокай культуры». Існуе распаўсюджанае меркаванне аб арыентацыі папулярнай культуры на стварэнне прадукцыі для забаў, яе матэрыяльныя здабыткі знаходзяць на гандлёвым рынку шырокі спажывецкі попыт, адпавядаюць масаваму густу і аднаўляюцца на прамысловай падставе метадам механічнага паўтарэння [1, с. 705].

Актуальнасць звароту да характарыстыкі месца масавай культуры ў гарадах Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. вызначаецца тым, што менавіта ў гэты перыяд яе формы пачалі працягвацца больш выразна і сталі імкнуцца да разнастайнасці, ахапілі як матэрыяльны аспект жыццязабеспячэння, так і духоўную сферу. Мэта даследавання – акрэсліць прысутнасць форм масавай культуры ў штодзённасці гараджан беларускіх губерняў Расійскай імперыі ў канцы XIX – пачатку XX ст. з пункту гледжання гістарычнай навукі.

Вывучэнне масавай культуры як феномена, яго эвалюцыі і сучаснага стану выконвалася пераважна спецыялістамі ў галіне філасофіі, культуралогіі (культурны мадэрнізм, Франкфурцкая школа, структуралізм, школа культурных даследаванняў і інш.). У працах сучасных расійскіх даследчыкаў вызначаліся наступныя аспекты: сацыяльна-філасофскі аналіз масавай культуры і масавай свядомасці (С.В. Гаравая), масавая культура як феномен постіндустрыяльнага грамадства, суадносіны і ўзаемадзеянне традыцыйнай, элітарнай і масавай культур у сацыяльнай прасторы сучаснасці (А.У. Косціна), аналітыка масавай культуры (Я.Г. Сакалоў) і г. д.

Сусветна вядомыя спецыялісты выказваліся на карысць розных трактовак сутнасці масавай культуры, спрачаліся адносна пытання аб часе яе ўзнікнення, аднак да сённяшняга дня не выпрацавалі адзіную канцэпцыю, выказваюць адносна яе неаднолькавыя меркаванні, не прытрымліваюцца тэрміналагічнага адзінства. Аргументаваныя выказванні належаць сацыёлагам, якія сканцэнтравалі сваю ўвагу на вывучэнні масавай культуры ў сучасным свеце. Новы этап навуковай цікавасці да масавай культуры ўзнікае з пашырэннем інфармацыйных тэхналогій. У агульнай сукупнасці публікацый выдавочна перавага

навуковых прац, прысвечаных масавай культуры ў гарадах Беларусі і свету ў канцы ХХ ст. або ў апошнія дзесяцігоддзі, і істотна менш апісанняў гэтага феномена арыентаваны на яго генэзіс і раннія перыяды развіцця. Аднак пры дастаткова прыкметнай прыхільнасці даследчыкаў да выказванняў на пазначаную тэму ў цэлым у гістарычнай літаратуры паказ масавай культуры фактычна адсутнічае і пакідае вялізную прастору для аналізу.

Беларускія этнолагі толькі згадвалі гэты сюжэт, спыніліся на ўзроўні канстатацыі наяўнасці яе асобных форм у побыце або апісвалі этнакультурны фон у гарадах Беларусі, які склаўся для ўваходжання масавай культуры ў штодзённыя практыкі і замацавання ў менталітэце гараджаніна. У калектыўнай манаграфіі «Грамадскі побыт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі» да паняцця «масавае культура» аўтары звярталіся толькі ў адзінкавых выпадках [2]. Выданне «Грамадскія традыцыі» пры аналізе этнакультурных традыцый гараджан змяшчае асобныя апісанні праяў масавай культуры [3]. Этнаграфічныя распрацоўкі жаночага і мужчынскага касцюма гарадскога насельніцтва Беларусі прадугледжвалі зварот да моды як яскравага фактару навацый і з'явы масавай культуры [4], [5]. Аўтар дадзенага даследавання закранае гэта пытанне ў манаграфіі «Быт горожан Беларусі во второй половине XIX – начале XXI в.», у тым ліку ў дачыненні да адрэзку часу з канца XIX да пачатку ХХ ст. [6] Мастацтвазнаўцы таксама надалі належную ўвагу паказу ролі масавай культуры ў грамадстве, адным з найбольш тэматычна блізкіх можна вызначыць публікацыю А.В. Красінскага, дзе прадстаўлены працэсы з'яўлення кіно ў гарадской прасторы Беларусі [7].

Крыніцы для азнаямлення з параметрамі масавай культуры ў гарадскім асяроддзі Беларусі – статыстычныя (звесткі аб развіцці прамысловасці і сферы абслугоўвання, транспарту, колькасці наведванняў забаўляльных мерапрыемстваў і інш.); фотадакументы, якія зафіксавалі асобныя імгненні гарадскога жыцця; рэчыўныя, якія захоўваюцца ў музейных калекцыях і дапамагаюць у асвятленні форм масавай культуры перш за ўсё ў матэрыяльным вымярэнні; матэрыялы мясцовага перыядычнага друку, на старонках пераважна газет публікавалася сціслая, але змястоўная інфармацыя аб працэсе распаўсюджвання масавай культуры сярод гарадскіх жыхароў.

Найбольш паказальная прыкмета прысутнасці масавай культуры ў гарадскім побыце – імкненне да моды пры ўпрыгожванні інтэр'ераў жылых памяшканняў, фарміраванні гардэроба – як жаночага, так і мужчынскага, набыццё і нашэнне модных аксесуараў да касцюма. Мода на «кітайскі» або «японскі стыль», на прымяненне моднай парфумернай прадукцыі і касметычных сродкаў, на канкрэтныя фасоны спадніц або шляп, – гэта вабіла да сябе гарадскіх жыхароў, выклікала цікавасць да адсочвання модных мадэляў адзення і абутку, хуткай змены прадметаў гардэроба не ў сувязі з іх старэннем, дрэнным фізічным станам, а з нагоды выпадзення з кола модных, прадпісаных новымі патрабаваннямі сезона. Паступова мяняўся эталон паводзін у грамадскіх мясцах, частка гарадской моладзі розных сааслоўных груп хутка пераадольвала бар'еры кансерватыўнасці і стала дазваляць сябе ў пэўнай ступені выхад за строгія нормы, што выклікала незадавальненне жорсткіх прыхільнікаў старога парадку (напрыклад, паводзіны на вуліцы, на вечарах, выбар і спосабы апранаць адзенне, манера размовы і зварот да прадстаўнікоў іншых полаўзроставак груп).

Новаўводзіны, абумоўленыя навукова-тэхнічным прагрэсам, упісваліся ў звыклы лад жыцця гараджан. Дэманстрацыя тэхнічных новаўводзін збірала вялікія натоўпы глядачоў, стала часткай баўлення вольнага часу, з аднаго боку, і элементам фарміравання новага ўспрымання змяненняў у жыцці, з другога боку. Індывідуальнае аблічча, пашыў рукамі, ручная праца заставаліся асновай многіх хатніх форм побыту ў гарадах, але зручнасць новых прадметаў – машынкi для шыцця (вытворчасці фірм «Neumann», «Zinger»), прыбораў для праслухоўвання музыкі (грамафоны) і інш. вельмі хутка выцяснялі папярэднія традыцыі. Пераход на машыннае шыццё дазваляў сэканаміць час і рабочы рэсурс, ставараць вялізныя партыі адзення па адзінай мадэлі, таму рэчы дакладна паўтаралі адна адну. Значна пашыраўся сектар продажу частак касцюма, іх можна было выпісваць па пошце, заказваць праз магазіны і склады. У гарадскім натоўпе зрэдку ўжо можна было назіраць пешаходаў, апранутых у амаль аднолькавую вопратку. Мода на тыя ці іншыя аксэсуары хатняга начыння, мэблі, посуду, шпалер, гадзіннікаў ператварылася ў абавязковую рысу гарадскога побыту для маёмасна забяспечаных жыхароў. У сістэме паслуг вялікую ролю адыгрывае транспартная сістэма, масавае культура цесна перапляталася з увядзеннем новых сродкаў перамяшчэння ў гарадах. Так, мінчане ацанілі зручнасці конкі, у 1914 г. яна перавозіла ўжо

1863 тысячы чалавек [8, с. 119–120]. Ва ўсіх гарадах, хаця і часта запаволенымі тэмпамі, з'явіліся аўтамабілі. Напрыклад, жыхары Брэст-Літоўска імгненна ацанілі зручнасці правядзення электрычнасці [9, с. 3] і адначасова вызначалі, што ім прыемна ездзіць на аўтамабілях. Разам з тым сучаснікі падкрэслівалі, што веласіпеды сталі звыклай з'явай на гарадскіх вуліцах і нават ужо паспелі надакучыць [10, с. 3]. Новыя віды рухавікоў дазвалялі паказваць стужкі ў сінематографах без мільгацення на экране, а высокія столі ў памяшканнях давалі магчымасць праецыраваць на экран усю карціну цалкам [11, с. 1].

Следствам прапановы пакупнікам вялікай колькасці прадукцыі, як харчовых тавараў, так і прадметаў для дома, гардэроба і інш., было распаўсюджванне рэкламы. Яе размяшчалі на вулічных інфармацыйных тумбах, на старонках газет, у спецыяльных буклетах, на фасадах будынкаў і г. п. Вядома аб занадта вялікім запаўненні гарадскога асяроддзя рэкламнай прадукцыяй. Гараджанам з дапамогай інфармацыйных надпісаў і лічбаў тлумачылі характарыстыкі прадукцыі, часам перабольшваючы рэальныя паказчыкі, дадавалі эфектныя ілюстрацыі, і такімі сродкамі таксама садзейнічалі далучэнню гарадскіх жыхароў да масавай культуры.

Карыстанне паштовымі паслугамі прывяло да ўзнікнення традыцыі святочных віншаванняў з дапамогай паштовак. Іх выпускалі вялікімі серыямі, іх тэматычная разнастайнасць дазваляла звяртацца да такога сродку ўвагі да сваякоў, сяброў, калег не толькі ў дзяржаўныя святы, дні рэлігійных святаў, але і з прыватнай нагоды. Гэта рабіла свет гараджаніна больш індывідуальным, утульным, узмацняла найбольш значныя сяброўскія і прафесійныя сувязі, дадаткова садзейнічала пераходу ў камунікацыі ад прыарытэтных зносін пераважна ў сям'і, характэрных для традыцыйнай культуры, да выхаду за межы сямейнага кола.

Гараджане шырока выкарыстоўвалі прадметны рад, уласцівы для новых павеваў штодзённасці, таксама пераймалі каштоўнасці, народжаныя масавай культурай. Адсутнасць у неабходнасці падрыхтоўкі і спецыяльнага навучання для ўспрымання прадуктаў масавай культуры зрабіла неабмежаванымі магчымасці для далучэння да іх гараджан рознага паходжання і маёмаснага стану. У той жа час у жыхароў гарадоў атрымалі папулярнасць як якасныя рэчы, прыўнесеныя ў іх побыт масавай культурай, так і прадукцыя нізкай сортнасці. Задавальненне попыту гараджан на спажывецкія тавары і запатрабаванняў у сферы займальнай культуры прыводзіла да прыўнясення ў гарадскую прастору большай зручнасці і камфорту, дэмакратызацыю культурна-побытавай сферы. Разам з тым назіралася зніжэнне патрабаванняў да прадукцыі, скасаванне некаторых маральна-этычных бар'ераў у зносінах. Лёгка ў засваенні, дастаткова даступныя нават па кошту, новыя віды забаў – наведванне сеансаў сінематографа, масавыя гулянні ў прыгарадных зонах, новыя грамадска-культурныя цэнтры для правядзення вольнага часу (напрыклад, кафэ-шантаны) вабілі да сябе асабліва маладыя пакаленні гараджан.

Адносіны сучаснікаў да масавай культуры можна ахарактарызаваць як неадназначныя. У большасці сітуацый гараджане давалі станоўчыя водгукі на навацыі, якія ўваходзілі ў іх жыццё з развіццём масавай культуры, аднак разам з тым часам мелі месца крытычныя ацэнкі і гучалі нават катэгарычна негатыўныя фармулёўкі. Гэта падцвярджаецца шэрагам выказванняў пра негатыўны ўплыў тых ці іншых форм баўлення вольнага часу на элітарную культуру грамадства. Да адмоўных бакоў адносілі, як лічылі некаторыя, засіллі сінематографа. Строгія крытыкі сінематографа заклікалі гарадскую грамадскасць да абмежавання прагляду дзецьмі кінастужак, быццам прагляд карцін на экране – бездумны занятак, які не вядзе да глыбокага асэнсавання таго, што прапануецца ў фільмах, і не развівае розум дзіцяці [12, с. 1]. Але самі яны былі вымушаны прызнаць, што публіка аддае перавагу менавіта гэтаму спосабу правядзення вольных гадзін і наведвае сеансы сінематографа сем'ямі, з дзецьмі, прагляд кінмастужак набывае масавы характар. У першыя часы з'ўлення сінематографа многія памылкова прадказвалі, што гэты від забаўляльнай культуры закрэпе высокае мастацтва тэатральнай культуры і зусім знішчыць яе. Уплыў масавай культуры прасочваецца нават у сферы адукацыі. Надзвычай пільныя і кансерватыўныя педагогі і бацькі падлеткаў-навучэнцаў заяўлялі аб дрэнным уздзеянні навінак на працэс навучання, удасканаленне пазнавальных умельстваў вучняў.

Распаўсюджаным пунктам погляду сярод недаверлівых жыхароў гарадоў было вызначэнне наступстваў масавай культуры для традыцыйнай сістэмы выхавання як выключна негатыўных. Новыя масавыя відовішчы і больш дэмакратычныя формы баўлення вольнага часу садзейнічалі разбурэнню існтытута старшынства ў сям'і, устойлівай раней сістэмы падпарадкавання маладых гараджан сваім бацькам і ўвогуле дарослым, выклікалі

сямейныя спрэчкі і непаразуменне. Масавая культура, ва ўяўленні часткі гарадскіх абывацеляў, спрыяла з'яўленню і замацаванню больш вольных форм зносін дзяўчат і хлопцаў у дашлюбны перыяд. Нярэдкамі былі заклікі часткі грамадскасці звярнуць увагу на негатыўны ўплыў горада на культуру паводзін, нораваў, маралі, асабліва для першых пакаленняў перасяленцаў у гарады з вясковага наваколля.

Крытыкі навацый, абумоўленых масавай культурай, шукалі дрэнныя наступствы ад новай тэхнікі – вядома аб недаверу да выкарыстання новай апаратуры, не было выключэннем меркаванне аб небяспецы такіх прадметаў для здароўя чалавека. Некаторыя крытыкавалі тэлефон, якія быццам можа пашкодзіць слых абанентаў. Навацы ў гарадскім асяроддзі, якія былі непарыўна звязаны з распаўсюджваннем тэхнічных дасягненняў і ў той ці іншай меры спрыялі яе пашырэнню, маглі з'явіцца прычынай для незадавальнення. Такі водгук выклікала, напрыклад, у Гродна, усталяванне сталбоў для электрычнасці, якое, як здавалася аматарам прыгажосці гарадской прасторы, псавала вонкавы выгляд вуліц і сквера [13, с. 3].

На мяжы XIX–XX стст. відавочны прыкметы прысутнасці масавай культуры ў гарадах беларускіх губерняў Расійскай імперыі. Большасць з іх імкліва трапіла ў гарадскую штодзённасць, напрыклад, захапленне сінематографам, іншыя атрымалі прыхільнікаў больш запаволенымі тэмпамі (з сацыяльных і іншых прычын). Пэўная адасобленасць канфесійных груп, наяўнасць саслоўных і маёмасных бар'ераў паміж гарадскімі жыхарамі, склаўшыся раней традыцыі сямейнага выхавання і грамадскіх паводзін, правінцыяльная атмасфера ў малых гарадах у некаторай ступені затрымлівалі ўваходжанне ў штодзённасць гарадскіх жыхароў новаўводзін, абумоўленых масавай культурай, аднак тэндэнцыя да яе ўкаранення няспынна ўзмацнялася. Абноўлены лад гарадскога жыцця ў кантэксце масавай культуры прадугледжваў хуткія тэмпы перамен, надзвычай вялікую колькасць рэчаў, створаных для масавага спажывання пры іх аднатыпнасці, навязванне модных тэндэнцый з дапамогай рэкламы, выкарыстанне тэхнікі для шырокага ахопу насельніцтва рознымі паслугамі. Даследаваныя матэрыялы сведчаць аб істотным уплыве шэрагу форм масавай культуры на фарміраванне штодзённага жыцця гараджан Беларусі напярэдадні Першай сусветнай вайны.

Літаратура

1. Шапинская, Е. Н. Массовая культура / Е. Н. Шапинская // Социокультурная антропология : история, теория и методология : энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. – М. : Академический Проект ; Киров : Константа, 2012. – С. 705–719.
2. Грамадскі побыт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / В. К. Бандарчык [і інш.] ; пад рэд. В. К. Бандарчыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 248 с.
3. Беларусы : у 12 т. / рэдкал.: В. М. Бялявіна [і інш.]. – Мінск : Бел. навука, 1996–2009. – Т. 6 : Грамадскія традыцыі / В. М. Бялявіна [і інш.]. – 2002. – 606 с.
4. Бялявіна, В. М. Жаночы касцюм на Беларусі / В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава. – Мінск, 2007. – 351 с.
5. Бялявіна, В. М. Мужчынскі касцюм на Беларусі / В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава. – Мінск, 2007. – 303 с.
6. Яценко, О. Г. Быт горожан Беларуси во второй половине XIX – начале XXI в. / О. Г. Яценко ; Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2022. – 326 с.
7. Красінскі, А. Кіно на Беларусі ў пачатку XX стагоддзя, куміры і прыхільнікі / А. Красінскі // Беларусы : Т. 12 : Экраннае мастацтва / А. В. Красінскі [і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 9–29.
8. Шыбека, З. В. Мінск : Старонкі жыцця дарэвалюцыйнага горада / З. В. Шыбека, С. Ф. Шыбека. – Мінск : Польша, 1994. – 341 с.
9. Наша Заря. – 1912. – 16 авг. – С. 3.
10. Наша Заря. – 1912. – 26 авг. – С. 3.
11. Западный Буг. – 1909. – 1 (14) янв. – С. 1.
12. Западный Буг. – 1909. – 1 (14) янв. – С. 1.
13. Наше Утро. – 1912. – 23 июня. – С. 3.

Паэтыка ранніх апавяданняў В. Карамазава

Т.А. АЛЯШКЕВІЧ

У артыкуле даследуюцца асноўныя рысы, характэрныя раньняму перыяду творчасці В. Карамазава. Творчасць пісьменніка разглядаецца на матэрыяле апавяданняў са зборніка «Падранак» у рэчышчы жанравай праблематыкі, якая напрамую звязана з інтэрпрэтацыяй тэксту, з асаблівым поглядам творцы на свет і чалавека. Жанрава-стылявыя асаблівасці тэкстаў падрыхтоўваюць чытача да ўспрымання іх зместу, разумення аксіялагічнага аспекту мастацкіх твораў пісьменніка, ролі мастацкіх дэталей у створаным аповедзе, сюжэтнай будовы, пазіцыі героя.

Ключавыя словы: апавяданне, аўтабіяграфізм, Карамазаў, герой-апавядальнік, мастацкая дэталі.

The article examines the main features that characterize the early period of V. Karamazov's work. The writer's work is examined on the basis of the stories in the collection «Podranak» in a number of genre problems directly related to the interpretation of the text, with the creator's special view of the world and man. The genre and stylistic features of the text prepare the reader to perceive their content, to understand the axiological aspect of the writer's works of art, the role of artistic details in the created narrative, the structure of the plot, and the position of the hero.

Keywords: story, autobiography, Karamazov, hero-narrator, artistic detail.

Уводзіны. Творчасць В. Карамазава 60–70-х гг. 20 ст. прынята вызначаць як ранні перыяд яго творчасці, які прадстаўлены малой прозай (зборнікі «Падранак» (Мінск, 1968), «Па талым снезе» (Мінск, 1973), «Спіраль» (Мінск, 1974), «Вясёлка сярод зімы» (Мінск, 1978). Даследаванне твораў разглядаемага перыяду ўяўляецца заканамерным пры характарыстыцы творчага шляху пісьменніка. У гэты час закладваліся асновы паэтыкі мастацкага свету аўтара, фарміравалася кола вядучых тэм і матываў, якія атрымаюць развіццё ў пазнейшых творах.

Актуальнасць працы абумоўлена, галоўным чынам, недастатковай вывучанасцю творчай спадчыны пісьменніка. Прадстаўлены асобныя артыкулы, найперш прысвечаныя аналізу раманаў і аповесцей В. Карамазава – «Пушча», «Бежанцы». Разглядаецца творчасць В. Карамазава акрэсленых жанраў і ў кантэксце творчасці іншых пісьменнікаў – В. Казько, А. Жука, І. Пташнікава, А. Кудраўца [1], ва ўзаемадачынненні да вострых праблем сучаснасці, найперш экалагічнай праблематыкі, стасункаў чалавека і прыроды [2]. Калі гаварыць пра апавяданні, то найбольшую цікавасць выклікаюць яго хрэстаматычныя творы, напрыклад, «Дзяльба кабанчыка». Адной з прычын нашай зацікаўленасці творами пісьменніка з'яўляецца і яго ўвага да псіхалогіі чалавека, які не губляе духоўных арыенціраў, адстойвае перад светам і сабой самыя высокія ідэалы.

Мэта дадзенай працы – выявіць і апісаць асноўныя рысы, характэрныя творчасці В. Карамазава акрэсленага перыяду. Заканамерным бачыцца таксама і вырашэнне пытання аб адзінстве яго апавядальнай манеры, што будзе прасочвацца ў пазнейшых яго раманах, аповесцях, навелах, апавяданнях, публіцыстыцы. Пастаўленая мэта можа быць дасягнута праз аналіз паэтыкі мастацкіх тэкстаў, найперш праз выяўленне асаблівасцей іх жанравага афармлення.

Матэрыялам дадзенага артыкула паслужыў зборнік «Падранак» (1968 г.), у якім выразна і паслядоўна прасочваецца апавядальна-эсэістычны пачатак, што захавецца на працягу ўсяго творчага шляху пісьменніка. У зборніку «Падранак» уключаны самыя першыя апавяданні пісьменніка («Нязгаснае», «Каштаны», «Апошні брыз», «Жыве легенда», «Падранак» і іншыя) і невялікі лірычны дзённік «Ліменскі шпытак». Сюжэтаўтваральную ролю ў гэтых апавяданнях

адыгрывае малая радзіма пісьменніка – Чэрыкаў і вёска Лімень, што дазваляе разглядаць іх як праяўленне літаратурнага архетыпу малой радзімы. Пра гэта сведчаць як назвы твораў («Ліменскі сшытак»), так і арганізацыя прасторы твораў (лес, Сож, Рэкта, пушча), і асобныя мастацкія дэталі, а таксама так званыя «нястатусныя» героі – леснікі, рыбакі, працоўныя, самыя простыя людзі, якія часам аказваюцца ў няпростых жыццёвых абставінах.

Асноўная частка. Істотным параметрам паэтыкі мастацкага тэксту з’яўляецца яго жанравая аформленасць. З пункту гледжання М.М. Бахціна, жанр як «устойлівы тып выказвання» характарызуецца трыма непарыўна звязанымі адзін з адным складнікамі: «тэматычным зместам», «стылем» і «кампазіцыйнай пабудовай» [3, с. 428].

Апавяданні В. Карамазава разнастайныя па тэматыцы і праблематыцы, нясуць пэўную сістэму каштоўнасцей і разлічаны на актыўны дыялог з чытачом. І менавіта паэтыка тэксту дазваляе чытачу глыбей зразумець мастацкі твор.

Жанрава-стылявыя асаблівасці тэксту падрыхтоўваюць чытача да ўспрымання зместу, заключанага ў ім, а «змест літаратурна-мастацкага твора, асаблівасці яго сюжэту, індывідуальнага стылю аўтара шмат у чым вызначаюць выбар маўленчых жанраў і іх камбінаторыку ва ўмовах літаратурна-мастацкай кампазіцыі» [3, с. 87].

Звернемся да апавядання «Нязгаснае», якім распачынаецца першая кніга пісьменніка. В. Карамазаў скарыстаў у ім даволі цікавы прыём рамачнага аповеду, што бярэ пачатак яшчэ ў творах літаратуры 19 ст. (напрыклад, «Тарас на Парнасе»), які актыўна замацаваўся надалей у літаратуры. Твор пачынаецца ад імя апавядальніка (аўтара) і ён жа яго завяршае. Аднак у медыяльнай частцы аўтар-апавядальнік прысутнічае ў ролі аднаго з герояў, на якога апавядальнік (дарослы аўтар) глядзіць як бы збоку: «*Мы садзімся за стол*» [4, с. 7]; «*У маіх расчуленых вачах плямка расце, распаўзаецца пад пругкім няўрымслівым смычком і растварае ў сваёй паводцы струны*» [4, с. 5]. Апавяданне вядзецца ад імя аўтара-апавядальніка, удзельніка апісваемых падзей, і прадстаўлена рэтраспектыўна – гэта настальгічны экскурс у далёкае дзяцінства. У аўтарскім апаведзе дамінуе інфарматыўны моўны жанр у двух яго разнавіднасцях: маўленчы жанр апавядання (паведамлення) і апісанні. Ужо ў пачатку апавядання вызначаецца яго сэнсавая дамінанта, якая адсылае чытача да загалова і ўяўляе сабой паведамленне: «*Каторы раз, цяпер у адных толькі думках, з далёкай стараны вяртаюся ў родную бацькаву хату*» [4, с. 5]. І тут жа падаюцца дэталі хаты, што даюць магчымасць уявіць яе больш канкрэтна і ўяўна, а таксама згадваюцца бацька і маці героя. «*І бачу – бацьку... Пасярэдзіне хаты, шырока паставіўшы ногі, у даўно знаёмай мне паласатай камізэльцы і коратка абрэзаных валёнках, пад капою сонечнай, як сакавіцкі снег за вокнамі, сівізны, хударлявы, ён трымае на запалых грудзях трафейную скрыпку <... > Раптам скрыпка замаўкае. Бацька апускае на вочы белыя веі, нейкае імгненне стаіць нерухома. Глыбока ўздыхнуўшы расплюшчвае вочы. Яны шчасліва смяюцца мне і ў кутках іх бачу сонечныя кропелькі. Чыстыя, нібы слёзы Сольвейг*» [4, с. 5]. Герой-апавядальнік, за якім непасрэдна бачыцца постаць самога аўтара, не столькі імкнецца да дакладнасці ў адлюстраванні, што характэрна для аўтабіяграфічнай прозы ў цэлым, колькі імкнецца да ацэнкі падзей і выражэння ўласных эмоцый. Знешняе апісанне родных яму людзей ёсць апісанне іх унутранага свету – светлага, шчаслівага, такога, якім іх бачыў аўтар у сваім дзяцінстве. Праз успаміны героя апавядання аўтар пашырае не толькі прасторавае вымярэнне твора, але і праблемна-тэматычнае: «*у маміных думках ажывае вясна 1942 года, а там Волга і на беразе яе акружанае лазовымі плятнямі сяло Тургенева, дзе амаль кожная хата прыгрэла эвакуіраваных*» [4, с. 6]. Адзначым, што апавяданні В. Карамазава пра вечнае, таму чытаюцца павольна, удумліва. Творы пісьменніка не адрозніваюцца выразным сюжэтам. Жыццё ў іх працякае няспешна, як бы засяроджваючыся і прыглядаючыся да дробязей акаляючага свету: «*Прачнуўся і крыкнуў за возерам драч. // Ціха*» [4, с. 151]; «*Нізка і сумна, без аніводнага голасу, кружаць над плытамі ластаўкі-беражанкі, ніколі не скідаючы з сябе чорнай жалобнай накідкі*» [4, с. 148]; «*Мае метровыя ногі заплятаюцца ў метлюгу, званцы і дзікім гарошку*» [4, с. 154]. Яны бачныя толькі сапраўднаму мастаку, чалавеку з абвостраным адчуваннем прыгожага, сапраўднага.

Ёсць шэраг апавяданняў, што нагадваюць абразкі – «Рыбацкае шчасце», «Калі ён побач», «Цяжкая дружба». У названых творах пераважае лірычны пачатак, а сюжэт аслаблены. Калі і прысутнічаюць у творы пэўныя падзеі, то яны падаюцца з пункту гледжання героя-апавядальніка, які са сваёй уласнай пазіцыі – пазіцыі і суб'екта маўлення, і суб'екта свядомасці малюе пэўную карціну і дае ёй прамую ацэнку.

Так, аб'ектам аўтарскай увагі стала адна звычайная замалёўка пра тое, як герой-апавядальнік разам са старым Лукічом паспрабавалі сваё «рыбацкае шчасце». Апавядальнік падчас няспешнага апавядання дэталёва абмалёўвае ўсё тое, што адбываецца тут, у гэты момант. Пры гэтым яўна прасочваецца аўтарская прыхільнасць да героя. Ён назірае за кожным яго жэстам, рухам, як той, «зробішышы цыбатымі нагамі крок-другі, згорбіўся...зноўку падымаецца на доўгіх, бы ў бусла, нагах...зноўку сігае за конікам, наганяе яго і ... цап» [4, с. 153]. Яму ўдаецца перадаць апантанасць старога Лукіча сваёй справай. Немалады ўжо чалавек як бы патанае ў сваёй заўзятасці, «з па-дзіцячаму найўным імпэтам, забыўшыся на сваю старасць» [4, с. 153], ён выцягвае метровага шчупака. Бо заўсёды верыць «у сваю залатую рыбіну» [4, с. 154]. Аўтар па-добраму зайздросціць Лукічу, даючы яму прамую ацэнку, «часам ён назірае на сваю здабычу, потым на мяне і пасміхваецца, зараза...» [4, с. 154]. Гэтым самым дакладна фіксуецца прасторава-часавая пазіцыя апавядальніка, заснаваная на актуалізацыі аўтарскай сістэмы каштоўнасцей. Названае апавяданне не толькі дэманструе такую асаблівасць карамазаўскага стылю як камернасць. Пісьменнік нацэльваецца на тое, каб адлюстравіць мікракосм чалавека, яго жыцця, супрацьпаставіць яго ўсім перыпетыям вялікага, знешняга свету. Героі ранніх апавяданняў прагнуць свайго шчасця, якое знаходзяць тут, побач з сабой.

У кожным апавяданні В. Карамазаў аддае перавагу ўласнаму досведу, яго творах уласцівы аўтабіяграфізм. У апавяданнях пісьменніка ён праяўляецца як літаратурны прыём, згодна якому ў якасці мастацкай асновы твораў абіраюцца сітуацыі, факты, духоўныя матывы, якія так ці інакш звязаныя з асобай аўтара [5]. Герой-апавядальнік В. Карамазава не проста надзяляецца нейкай аўтарскай рысай. Можна гаварыць пра поўнае іх духоўнае яднанне, цэласнае духоўнае «ўцялесненне» свайго «асабістага “я”» ў героя. Гэта праяўляецца, па-першае, у апаведзе ад першай асобы, што дае магчымасць максімальнага набліжэння героя-апавядальніка да аўтара; па-другое, аўтабіяграфічны пачатак праяўляецца ў выкарыстанні аўтарам унутранага пункту погляду, і, безумоўна, прасторава-часавыя каардынаты вызначаюць прыкметы аўтабіяграфічнага апавядання. Так, з апавядальнікам заўсёды людзі, з якімі пазнаёміўся В. Карамазаў падчас працы ў Чэрыкаўскай раённай газеце, а пасля прыжыўся ў бліжэйшай вёсцы ў канторы лясніцтва і завёў добрыя стасункі. Гэта сяброўства засталася ў душы В. Карамазава на ўсё жыццё, а тэмай яго твораў стала прырода і леснікі, паляванне і Сож.

Эстэтычнае і этычнае крэда пісьменніка – сцвярджэнне духоўнасці і чалавечнасці – не схавана недзе глыбока ў падтэксце твораў, а выяўляецца на ўсіх узроўнях, і найбольш выразна – у выбары героя, трывалага і надзейнага. Такім героем з'яўляецца, напрыклад, маленькі хлопчык Уладзік, з блакітнымі вачамі «хваравіта худы і бледны» [4, с. 163], які прынёс з лесу раненую птушку. Вялікая душа маленькага хлопчыка прагнула дапамагчы ёй, «можна пакорміць? Вунь злядашчала, аж ногі не трымаюць. Цяжка ёй карміцца...» безумоўна, птушка была напалохана, і «рванулася ад хлопчыка», «А, яна ляціць, глядзіце...». Яна змагла падняцца ў неба, аднак гэта быў яе апошні палёт. «Праз двор, дарогу, ручай мы стрымгалоў кінулiся туды, дзе птушка назаўжды вярнулася да зямлі»; «Зірнуўшы на Уладзіка, я ўбачыў, як пад вейкамі ў яго набягала буйная, з гарошыну, слязіна» [4, с. 165]. Маленькае апавяданне аб вялікай чалавечай душы, аб дзіцячай чысціні, заклапочанасці ў вялікім свеце.

У паэтыцы некаторых апавяданняў В. Карамазава істотны дзве катэгорыі – характар і выпадак. Яны ўзаемаабумоўлены: у «выпадковых» абставінах раскрываецца характар героя апавядання «Па слончыну песню». Падчас палявання герою-апавядальніку так і не ўдалося падстрэліць слонку. То яго нехта апярэдзіў, то ўжо «ноч спяшалася». Але на самой справе герою гэтага не хацелася, як ён даводзіць сам, «я проста не мог такое зрабіць, нейкае незвычайнае, нязнае раней пачуццё найшло на мяне. Нават думкі такой раптам не стала, каб стрэліць» [4, с. 109]. «Ну, гэта ўжо была яўна мая. Яна цяпер сядзела на беразе, добра

бачная на фоне вады, на самай мушцы маёй стрэльбы. Варта было толькі націснуць на сабачку... Я ўтрапнёна глядзеў на сваю ахвяру, поўны незвычайнай радасці. Забыў нават, што ў руках стрэльба, якой прызначана страляць...» [4, с. 109]. На кантрасце намаляваны вобраз другога героя, лесніка Кротава, у якога «капроновая сетка была на завязку набіта слонкамі» [4, с. 110]. Даючы яму ацэнку, герой-апавядальнік найперш раскрывае сябе і сваё бачанне свету, законаў светабудовы. Суб'ект маўлення і суб'ект свядомасці аказваюцца злітымі: «цяпер ён ужо здаўся нават зусім непрыймальным для такога чужога вечара чалавекам» [4, с. 110]. Пункт гледжання героя-апавядальніка супадае з аўтарскім. Такое стаўленне да жывой прыроды, клопат пра яе будучыню заўсёды будзе праходзіць чырвонай стужкай праз усю творчасць пісьменніка (раман «Пушча», аповесць-эсэ «Глядзіце ў вочы лемуру» і іншыя).

Раннія апавяданні засведчылі, што В. Карамазаў – майстар мастацкай дэталі. Найперш пейзажнай. Элементы апісання прыроды, што сустракаюцца ў творах, не толькі з асаблівай сілаю абуджаюць уяўленне чытача, робяць вобраз пластычным, аб'ёмным, аднак і сведчаць пра Карамазава-жывапісца. Узгадаем некалькі прыкладаў: «Я падняў іх з зямлі – вялікае махавае пярэ, дымчата-шэрае, з ружовымі, нібы падпаленымі, плямкамі. Другое, меншае, увабрала ў сябе больш светлую палітру і было ўсяж парэзана рыжымі вогненымі палосамі» [4, с. 110]; «Нячутна плыве лодка. Плыве насустрач скрываўленаму сонцу, якое не паспела схваць у вадзе сваю макаўку і яшчэ даволі дбайна сцэле перад носам лодкі чырвоным золатам вышываны ручнік» [4, с. 62]; «Злева адкрыўся ціхі вадзастой, накрыты зелянінаю абабітага рыбацкімі вёсламі лісіа гарлачыкаў і вострым травяным пер'ем» [4, с. 102]. Пейзажная дэталі – не заўсёды самамэта: яна служыць для расстаноўкі сэнсавых акцэнтаў у творы, раскрыцця характараў герояў, выражэння ўнутранага пункту гледжання героя-апавядальніка, як, напрыклад, у апавяданні «Зялёныя тоні». Герой-апавядальнік малое звычайную прыроду, вельмі тонка адчуваючы яе, прыкмятаючы ў яе паўсядзённасці нейкую ўрачыстасць, нават казачнасць. Створаны вобраз-пейзаж аказваецца эмацыянальным цэнтрам апавяду, які адцяняе асноўную падзею ў творы, акцэнтуючы ўвагу на кульмінацыі шляхам кантрасу. «Ціха раніцою ў дрымотнай прыродзе. Яшчэ і жаўрук дасыпае, зганяючы з сябе ўчарашнюю стому, і плісца няскора паплыве ў наветры. А човен Бамбалаў паспеў выкупацца ля чыстых плёсаў, удосталь напіўся гаркавай духмянасці рачнога травастою і твані...А наўкола ціха-ціха...» [4, с. 111]. Стары Бамбала, былы рыбац, які даўно ўжо не выходзіў на Сож, а толькі «дзіўся на свет праз мутную шыбу сваёй хаты», вырашыў успомніць рыбацкую працу. Больш за тое, яго кранулі сказаныя Ціханам словы, «падзівіцца на працу людскую прыйшоў?» [4, с. 100]. Бамбала даказаў, што ён яшчэ не забыўся на такую справу, яго фізічнай і маральнай сілы хопіць. І ён перамог. Дужа спакойная прырода і няўрымслівы човен, які надзяляецца рысамі жывой істоты, за якой, канешне ж, стаіць вобраз самога старога Бамбалы – «човен **выскачыў** за апошні рачны выган»; «А човен Бамбалаў паспеў **выкупацца**...Здаецца, нават, што **памыўшыся**, лягчэй стаў плысці, навесялеў на дробнай хвалі. **Бяжыць** пад сценкаю прыбярэжнага сітніку» [4, с. 102]; «І нікому **не ўгнацца** за Бамбалавым чойнам» [4, с. 102]. У першых апавяданнях пісьменніка пейзаж прадстаўлены ў асобных дэталях. Аднак спарадычнае яго ўвядзенне паступова перарасце ў неад'ёмную частку мастацкага свету яго твораў, а жывая прырода так ці інакш будзе прысутнічаць у аповесцях, раманах, што прысвечаны роднай прыродзе, адносінам людзей да яе, але не толькі («Пушча», «Краем белага шляху»).

Заклучэнне. На аснове аналізу самых першых апавяданняў В. Карамазава 1960–1970-х гг. можна вылучыць наступныя іх рысы, што характарызуюць пачатковы перыяд яго творчасці.

Ранняя проза В. Карамазава характарызуецца адзінствам апавядальнай манеры, што будзе прасочвацца і ў пазнейшых яго раманах, аповесцях, навелах, апавяданнях. Творам В. Карамазава ўласцівы спакойны, няспешлівы апавед з ненапружаным дзеяннем, які тлумачыцца перавагай апісанняў, роздумаў героя, перавагай маналогаў над дыялогамі. Часам яны набліжаюцца да абразкоў, што сведчыць пра лірычнасць, камернасць, павышаную эмацыянальнасць, выяўленчасць, вобразнасць карамазаўскага стылю.

Раннія апавяданні В. Карамазава напісаны ад першай асобы,носяць аўтабіяграфічны характар, у іх зафіксаваны аўтарскі погляд на рэчы і аўтарскае светаўспрыманне; яны характарызуюцца адзінствам мастацкай падзеі і адзінствам персанажнага цэнтру.

Дамінантай праблематыкай твораў пісьменніка выступаюць узаемадачынненні паміж людзьмі, паміж людзьмі і прыродай: героі жывуць, часам пакутуюць ад адзіноты, адчуваюць прыроду як жывую цялеснасць, знаходзяць у ёй свой прытулак. Аўтар звяртаецца да аналізу ўнутранага свету «нястатуснага» героя, простага чалавека, яго інтымных перажыванняў. Прырода (пейзажныя дэталі, анімалістычныя вобразы, вобразы прыроды) выступае неад'емнай часткай чалавечага існавання.

У паэтыцы аповяданняў В. Карамазава ўдзельная вага належыць мастацкім дэталю, найперш пейзажным, што сведчыць пра праяўленне яго мастакоўскага бачання рэчаў і, адпаведна, гаворыць аб высокім патэнцыяле малога эпічнага жанру пісьменніка.

Падчас аналізу ранніх аповяданняў пісьменніка ў рэчышчы асаблівасцей іх паэтыкі, што напрамую звязана з інтэрпрэтацыяй іх зместу, з выяўленнем асобнага погляду аўтара на свет і чалавека, раскрываецца і аксіялагічны аспект мастацкай карціны свету творцы, арыентацыя аўтара на анталагічныя каштоўнасці такія, як высокая мараль і духоўнасць.

Літаратура

1. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1986. – 543 с.
2. Карамазаў, В. Падранак. Аповяданні / В. Карамазаў. – Мінск : «Беларусь», 1968. – 168 с.
3. Медарич, М. Автобиография / автобиографизм / М. Медарич // Автоинтерпретация ; под ред. А. Б. Муратова, Л. А. Иезуитовой. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998. – С. 5–32.
4. Наваградская, Н. У. Проза А. Кудраўца, В. Карамазава і В. Казько : праблема творчай індывідуальнасці : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.01 / Н. У. Наваградская ; АН Рэсп. Беларусь, Ін-т літ. ім. Я. Купалы. – Мінск, 1996. – 20 с.
5. Дудзінская, Д. І.-Т. Філасофія народнага побыту і прыроды ў творчасці В. Карамазава : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.01 / Д. І.-Т. Дудзінская ; Нац. акад. навук Рэсп. Беларусь, Ін-т літ. ім. Я. Купалы. – Мінск, 2000. – 19 с.

Средства и типы субъектной референции в ссылочных конструкциях белорусскоязычных газетных текстов

И.М. БАСОВЕЦ

В газетных текстах на белорусском языке субъекты ссылочных конструкций определенного типа кодируются именами собственными и нарицательными, выполняющими функцию обозначения с актуализаторами-детерминативами; обобщенного типа представлены существительными в родовом значении, местоимениями или местоименными выражениями со значением всеобщности или собирательности и третьеличными нулями с локативными детерминантами; неопределенного типа выражены неопределенными местоимениями в автономном или совместном с существительными употреблении и третьеличными нулями без уточнителей. Все три типа субъектной референции могут быть эксплицированы дейктическими элементами и номинативными рядами с контекстным референтным тождеством. В информационно-аналитических статьях белорусских газетных текстов доминируют референтные субъекты, а в художественно-публицистических текстах и интервью преобладают нереперентные субъекты, причем обобщенные субъекты оказываются наименее представленными во всех жанрах.

Ключевые слова: субъектная референция, (не)референтный субъект, локативный детерминант, третьеличный нуль, дейктический элемент, референтное тождество.

In Belarusian newspaper texts subjects of referential structures of the definite type are coded by proper and common nouns that perform the function of designation with actualizers-determinatives; those of the generalized type are represented by nouns in the generic meaning, pronouns or pronominal expressions with the meaning of universality or collectiveness and third-person zeros with locative determiners; those of the indefinite type are expressed by indefinite pronouns in autonomous or joint use with nouns and third-person zeros without specifiers. All three types of subject reference can be explicated by deictic elements and nominative set with contextual referential identity. In Belarusian news and opinion newspaper texts, referential subjects dominate, whereas in essays and interviews non-referential subjects prevail with generalized subjects being the least represented in all genres.

Keywords: subject reference, (non)referential subject, locative determiner, third-person zero, deictic element, referential equivalence.

Обращение к исследованию субъектной референции в отечественном медиапространстве представляется актуальным, поскольку затрагивает не только центральную проблему субъектности в языке и тексте, но и касается общественно значимых проблем надежности источников информации в газетных текстах. Проблема фиксации авторства сообщаемого, когда в высказывании или тексте содержатся языковые единицы, указывающие на то, что информация исходит от имени другого субъекта, отличного от журналиста-автора текста, была и остается в центре внимания специалистов гуманитарных дисциплин, поскольку непосредственно влияет на достоверность и точность сообщаемых сведений.

В современных исследованиях по субъектной референции, которая передает отношения актуализованного имени или именного выражения к объектам действительности, внимание уделяется в том числе средствам выражения референтных, нереперентных и кореперентных субъектов в целом тексте с учетом дискурсивной специфики. Целью статьи является определение языковых средств субъектной референции в ссылочных конструкциях газетных текстов на белорусском языке, а также выявление референциальных типов субъектов с установлением их количественной представленности в медиатекстах разной жанровой принадлежности.

Субъектная референция имеет два способа референциального маркирования в тексте: а) *полный*, который осуществляется с помощью имен собственных и нарицательных; б) *редуцированный*, реализуемый с помощью «свободных» и «связанных» референциальных показателей, которые могут быть взаимодополняемыми [1, с. 14–16]. В языкознании набор *основных* языковых средств для субъектной референции ограничен и включает: а) для пол-

ной субъектной референции: 1) полные именные группы, выполняющие номинативную функцию и обладающие свойством единичного или коллективного обозначения; б) для редуцированной субъектной референции: 2) дейктические местоимения, соотносимые с antecedентами; 3) третьеличные нули, или нулевые выражения (подразумеваемый субъект, или значимое отсутствие в поверхностной структуре предложения субъектной номинации) [2, с. 7]. *Дополнительными* средствами субъектной референции, или актуализаторами-детерминативами, выступают указательные и притяжательные местоимения, грамматические и семантические «уточнители», артикли (в артиклевых языках) [3, с. 10–11], категория рода (в тех языках где она наличествует, в частности в белорусском), которая позволяет различить два одновременно активированных референта, одному из которых соответствует местоимение «он», а другому «она». В осуществлении субъектной референции участвует не только фонд автономных единиц и их актуализаторы, но и контекст, в частности анафорические связи, устанавливающие *коререферентность* имён (референциальное тождество, их отнесенность к одному и тому же объекту [4, с. 243]), что важно для целого текста. В связном тексте могут использоваться разные средства маркирования субъектной референции (полные и редуцированные) с привлечением номинативных рядов, т. е. совокупности средств номинации одного и того же референта-лица в конкретном тексте в целях стилистического варьирования, которое неизбежно при текстовом именовании референта в процессе рассказа о нем. Номинативный ряд объединен тождеством референта и включает языковые единицы разных функциональных типов: имена собственные (имена индивидов, «индивидуализаторы»), имена нарицательные (имена классов, «типизаторы»), местоименные средства [5, с. 34–35].

В английском и белорусском языках из доступных средств маркирования субъектной референции в распоряжении автора есть полные и редуцированные референциальные выражения в референтном или нереферентном употреблении. Материалом данной работы послужили газетные тексты на белорусском языке информационно-аналитического (60 статей) и художественно-публицистического (20 текстов) жанров, а также текстов интервью (20 единиц). Анализ газетных текстов на белорусском языке показал, что референтное употребление в обеих медиакультурах реализуется в *определённой* референции, которая демонстрирует соотношение с определенным(и) субъектом(ами) и гарантирует возможность идентификации субъекта(ов) сведений. Языковыми средствами реализации определенной субъектной референции в белорусскоязычном медиаполе являются:

а) имена собственные, выполняющие номинативную функцию и обладающие свойством единичной (сингулярной) референции независимо от условий коммуникации: *«Будзем спадзявацца, што да саміту ў кастрычніку ён будзе працаваны», – заявіў Максім Рыжанкоў* (Звязда, 13.09.2024);

б) имена нарицательные, выполняющие функцию обозначения с актуализаторами-детерминативами (т. е. обязательными показателями при существительном, выражающими грамматическое значение определенности [6, с. 90], к числу которых относятся грамматические и семантические «уточнители», которые способны сузить область их референции с класса до конкретного объекта и преобразовывают имя нарицательное в сингулярный терм в контексте [3, с. 10–11]: *Беларусь разлічвае ў першай дзясятцы атрымаць статус партнёра на супрацоўніцтве ў БРІКС. Аб гэтым раней заявіў міністр замежных спраў Беларусі* (Звязда, 13.09.2024);

в) дейктические элементы (указательные и притяжательные местоимения), ориентированные на конкретного(ых) референта(ов) и выполняющие указательную функцию, выбор которых зависит от речевой ситуации [7, с. 32]: *«Нам неабходна аб'яднаць нашы намаганні супраць фрагментацыі шматбаковай гандлёвай сістэмы, узмацнення пратэкцыянізму і ўвядзення незаконных санкцый», – перакананы першы намеснік міністра замежных спраў. Паводле яго слоў, наша краіна можа садзейнічаць рэалізацыі такіх маштабных міжнародных праектаў, як транспартны калідор Поўнач – Поўдзень і ініцыятыва «Адзін пояс, адзін шлях»* (Звязда, 13.09.2024);

г) совокупность средств номинации одного и того же конкретного референта-лица в тексте в рамках номинативного ряда, в основе которого лежит тождество референта [5, с. 34–35]: *Пра гэта паведаміў прэзідэнт Расіі Уладзімір Пуцін на сустрэчы высокіх прадстаўнікоў*

дзяржаў аб'яднання, якія курыруюць пытанні бяспекі (удзел у ёй узяў Дзяржаўны сакратар Савета бяспекі Беларусі Аляксандр Вальфовіч), што прайшла ў Канстанцінаўскім палацы ў Санкт-Пецярбургу, наведаная ТАСС. «Менавіта вось у гэтых залах і быў пакладзены пачатак стварэння БРІКС», – нагадаў **расійскі лідар**. Ён раскажаў, што тады сустрэліся кіраўнікі Расіі, Індыі і Кітая, якія дамовіліся арганізоўваць рэгулярныя сустрэчы на вышэйшым узроўні, а таксама на некаторых іншых кірунках (Звязда, 13.09.2024).

Нереферентное употребление может быть двух разновидностей. Одной из них является *обобщенная* (или *генерализованная*) субъектная референция, которая имеет место тогда, когда отсутствует связь с конкретным(и) референтом(ами), имеется соотношение с классом предметов и отсутствует «референт в индивидуальном смысле» [8, с. 30]. При обобщенной референции в белорусскоязычных медиатекстах субъект выражается:

а) существительным во множественном числе: **Палякі** разумеюць, што за тры месяцы немагчыма перабудаваць працу дзяржавы (Звязда, 10.04.2024);

б) существительным в родовом значении в единственном числе: **Наёмны ж працаўнік** дакладна ведае, колькі ён заробіць у канцы месяца, у наступным (Полесский курьер, 15.03.2019);

в) местоимениями или местоименными выражениями со значением всеобщности или собирательности: **Многія** чулі, што напрыканцы мінулага года з ракі Віхры пад Мсціславам былі паднятыя даспехі і шлем рыцара (Звязда, 9.04.2015).

Неопределенность субъекта представляет собой «примерное название» [9, р. 101] и осуществляется посредством языковых средств категории неопределенности. Неопределенный нереферентный субъект является не идентифицируемым адресатом и соотносится с языковым выражением, обозначающим неопределенное лицо или круг лиц. В качестве средств номинации нереферентного субъекта данного типа в белорусскоязычных медиатекстах используются:

а) неопределенные местоимения, употребленные автономно или в сочетании с нарицательными существительными: **Некаторыя** сцвярджаюць, што чалавецтва хутка развучыцца пісаць ад рукі... (Звязда, 18.03.2022); **Адзін з пратэстоўцаў** заявіў, што акцыя стала «народным вета» і «сялянскім паўстаннем» (Звязда, 8.02.2023);

б) третьеличные нули, т. е. подразумеваемые неопределенные субъекты, которые синтаксически в высказывании не выражены: **Ø Лічыцца**, што першыя дыпфэйкі з'явіліся яшчэ ў 2017 годзе (Звязда, 16.02.2024).

Третьеличный нуль, как правило, сигнализирует о неопределенной субъектной референции, а в ряде случаев может обозначать и обобщенность [10, с. 22]. Обобщенность реализуется в результате социальной или территориальной детерминации неопределенного субъекта, которая сужает круг потенциальных референтов и снижает степень его неизвестности. В частности, для ограничения неопределенно мыслимого круга лиц могут употребляться лексические единицы, которые в высказывании выполняют роль локативного детерминанта, т.е. особого вида распространителей предложения (второстепенных членов), которые поясняют не конкретные словоформы, а основу предложения [6, с. 90]: **У мясцовых СМІ ... агучваецца** тое, што падзеі, якія адбываюцца, з'яўляюцца нічым іншым, як «нідэрландскім паўстаннем фермераў» (Звязда, 31.07.2022); **Бо ў нас у грамадстве існуе стэрэатып:** мужык павінен есці шмат (Звязда, 6.11.2023).

В количественном отношении представленность разнореферентальных субъектных компонентов ссылочных конструкций с учетом жанровой специфики показана при помощи диаграммы 1, в которой отражены данные по референтным и нереферентным субъектам, и диаграммы 2, которая представляет собой более подробную репрезентацию долей трех референтальных типов субъектов с разделением нереферентного субъекта на обобщенный и неопределенный. В диаграммах используются следующие символичные обозначения: S_{нн} – нереферентный неопределенный субъект, S_{но} – нереферентный обобщенный субъект, S_{нр} – нереферентный субъект, S_р – референтный субъект.

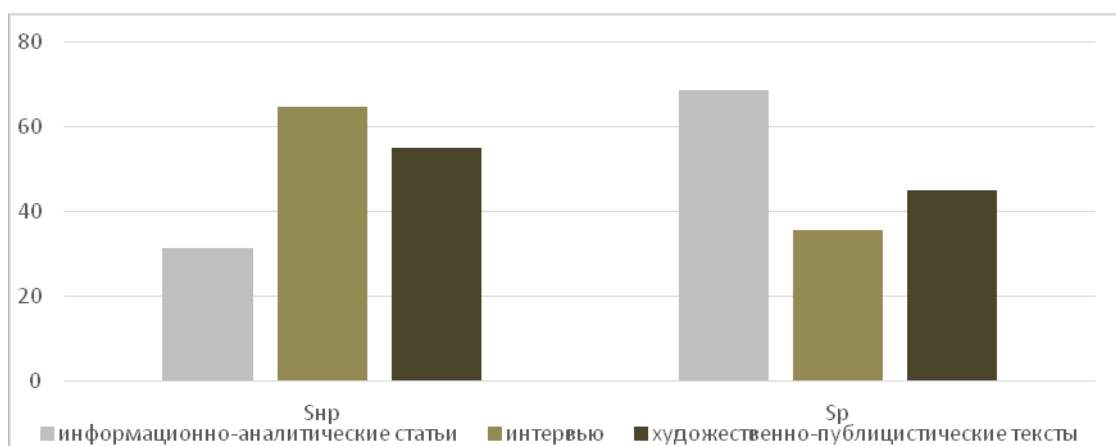

Диаграмма 1 – Представленность референтных и нереферентных субъектов в ссылочных конструкциях белорусскоязычных медиатекстов, %

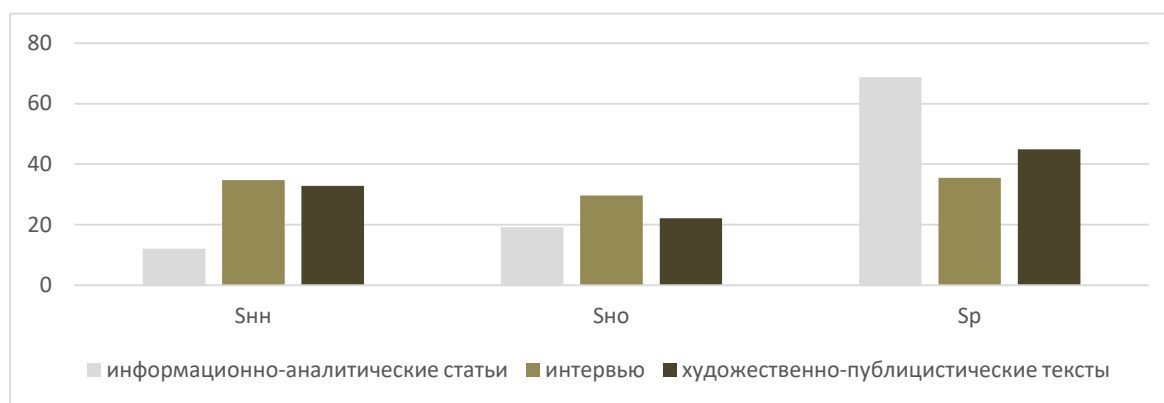

Диаграмма 2 – Представленность референциальных типов субъектов в ссылочных конструкциях белорусскоязычных медиатекстов, %

Количественный анализ практического материала позволяет констатировать, что преобладание референтных субъектов как источников сведений демонстрируют белорусскоязычные информационно-аналитические статьи, в остальных медиажанрах доминируют нереферентные субъекты. Особенно выделяются высокими показателями референтных субъектов белорусскоязычные информационно-аналитические статьи, что объясняется лингвокультурными и экстралингвистическими факторами: белорусскоязычные информационно-аналитические статьи демонстрируют широкий диапазон ссылок на субъекты с определенной референцией в статьях по внутренним проблемам ввиду отсутствия необходимости скрывать источники сведений, а в текстах по внешнеполитическим вопросам в связи с отсутствием широкой сети собственных источников информации по всему миру, что отражается в частых ссылках на разные информационные агентства и периодические издания. При более пристальном рассмотрении заметно, что в белорусскоязычных художественно-публицистических текстах и интервью наименее представленным является нереферентный обобщенный субъект, что может быть детерминировано жанровой спецификой, когда в текстах этих жанров повествуется о конкретном субъекте(ах) или событии(ях), поэтому активированные типы референции тяготеют либо к определенной, либо неопределенной (например, гипотетической) субъектной референции.

Итак, для маркирования субъектной референции в белорусском языке используются два основных способа: 1) полный, реализуемый посредством именных групп; 2) редуцированный, осуществляемый местоимениями и нулевыми знаками, подразумевающими наличие субъекта. В качестве дополнительных средств субъектного маркирования могут применяться указательные и притяжательные местоимения, грамматические и семантические контекстные уточнители. В белорусскоязычной медиакulturе для кодирования субъектов ссылочных конструкций используются: а) при определенной субъектной референции: имена собственные; имена нари-

цательные, выполняющие функцию обозначения с актуализаторами-детерминативами; дейктические элементы, ориентированные на конкретного(ых) референта(ов); номинативные ряды, основанные на тождестве референта в тексте; б) при обобщенной (генерализованной) референции: существительные в единственном или множественном числе в родовом значении; местоимения или местоименные выражения со значением всеобщности или собирательности; третьеличные нули с локативными детерминантами; в) при неопределенной референции: неопределенные местоимения, употребленные автономно или в сочетании с нарицательными существительными; третьеличные нули без уточнителей.

Литература

1. Будённая, Е. В. Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. В. Будённая. – М., 2018. – 221 л.
2. Юрченко, А. Н. Восприятие референциально неоднозначных выражений русского языка : данные связанных с событиями потенциалов мозга : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Н. Юрченко. – М., 2017. – 142 л.
3. Власенко, С. В. Текст как объект референции / С. В. Власенко // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 1 (11). – С. 115–132.
4. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
5. Гусева, С. С. Номинативная парадигма единиц, обозначающих лица, и ее функционирование в тексте (на примере текстов А.П. Чехова) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. С. Гусева. – М., 2017. – 174 л.
6. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
7. Рахматуллина, Д. Э. Референциальные особенности именных средств в выражении темпорального значения следования (на материале английского и русского языков) : монография / Д. Э. Рахматуллина. – Казань : Казан. гос. энерг. ун-т, 2019. – 172 с.
8. Богданов, В. В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В. В. Богданов. – СПб. : Фил. фак. СПбГУ, 2007. – 280 с.
9. McCarthy, T. Radical interpretation and indeterminacy / T. McCarthy. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 253 p.
10. Ким, И. Е. Теория референции : учеб. пособ. / И. Е. Ким. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2019. – 120 с.

Фарміраванне моўнай і прафесійнай кампетэнцый студэнтаў тэхнічных спецыяльнасцей: устойлівыя адзінкі ў мове навукі

М.У. БУРАКОВА¹, З.У. ШВЕДАВА²

Артыкул прысвечаны вывучэнню і аналізу некалькіх пластоў устойлівых адзінак у навуковай тэхнічнай літаратуры – тэхнічная тэрміналогія, ці тэрміналагізмы, фразеалагізмы, у тым ліку і тыя, што ўзніклі на базе тэрмінаў, і ўстойлівыя адзінкі мовы навукі, ці тэкстаўтваральныя ўстойлівыя адзінкі, якія ўласна фразеалагічнымі адзінкамі беларускай мовы не з’яўляюцца, але без якіх немагчыма аформіць навуковы тэкст.

Ключавыя словы: тэрмін, фразеалагізм, тэрміналагізм, устойлівы выраз, тэкст, беларуская мова.

The article is devoted to the study and analysis of several layers of fixed units in the scientific technical literature – technical terminology, or terminologisms, phraseological units, including those that arose on the basis of terms, and fixed units of the language of science, or text-forming fixed units, which are not actually phraseological units of the Belarusian language, but without which it is impossible to make up a scientific text.

Keywords: term, phraseology, terminologism, set expression, text, Belarusian language.

Авалодванне беларускай мовай студэнтамі тэхнічных спецыяльнасцей ВНУ – гэта не толькі разуменне мовы, але і сродак фарміравання іх мыслення, ментальнасці, развіцця моўнай асобы, якая не толькі можа карыстацца мовай, але і ўсведамляе пазнавальную сілу і моц моўных фактаў і з’яў. А яшчэ гэта скіраванне моладзі да каштоўнасных арыенціраў з апорай на культурныя і этнічныя традыцыі беларускага народа. І ў гэтым выключную ролю адыгрывае асвятленне і давадзенне да ведама студэнтаў пытанняў пра асаблівасці мовы навуковых тэкстаў і вызначэнне тыпаў, месца і ролі ў іх устойлівых адзінак мовы з асаблівай увагай да фразеалагізмаў, веданне якіх і тым больш іх выкарыстанне ў мове выпускнікоў школ, а адпаведна і студэнтаў жадае быць лепшым. Стала зразумелым, што веды лексічнага мінімуму ўвогуле і тэрміналагічнай лексікі ў прыватнасці, граматычных норм мовы з’яўляюцца неабходнымі, але недастатковымі. Важна ўсведамленне сутнасці і зместу не толькі і нават не столькі тэрміналагічных адзінак як гранічна дакладных абазначэнняў спецыяльных паняццяў або прадметаў той ці іншай тэрміналагічнай сістэмы, але і фразеалагічных адзінак рознага тыпу, якія знаходзяць сваё месца ў тэкстах навуковага стылю, да таго ж маюць шмат агульнага з тэрміналагічнымі адзінкамі, і тых устойлівых адзінак мовы, што служаць сродкамі логікі выкладу і пабудовы навуковых тэкстаў, ці тэкстаўтваральных устойлівых адзінак.

Мэта артыкула – засяродзіць увагу на адным з аспектаў навучання на занятках па беларускай мове (прафесійная лексіка), які датычыць месца і ролі ўстойлівых адзінак беларускай мовы ў маўленчай дзейнасці чалавека ўвогуле і ў тэкстах навуковага стылю ў прыватнасці для павышэння функцыянальнай граматычнай будучых спецыялістаў. Пад функцыянальнай граматычнасцю разумеецца «ўзровень ведаў, уменняў і навыкаў, што забяспечваюць нармальнае функцыянаванне асобы ў сістэме сацыяльных зносін, які лічыцца мінімальна неабходным для ажыццяўлення жыццядзейнасці асобы ў пэўным культурным асяроддзі» [1, с. 348].

Навуковы стыль, як вядома, рэалізуецца часцей у пісьмовай форме, а з развіццём сродкаў масавай інфармацыі, павелічэннем ролі навукі ў грамадстве, пашырэннем навуковых кантактаў узмацняецца роля і вуснай формы. Найбольш істотнымі экстралінгвістычнымі прыметамі навуковых тэкстаў і ўвогуле навуковага стылю з’яўляюцца сэнсавая дакладнасць, аб’ектыўнасць, абстрактнасць, абагуленасць і падкрэсленая лагічнасць выкладу, якія ў сваю чаргу вызначаюць другасныя стылёвыя рысы, спецыфіку маўленчай сістэмнасці навуковага стылю, значэнні і стылёвыя афарбоўкі ўжывальных тут моўных адзінак і нават іх частотнасць.

Дакладнасць мовы навукі вызначаецца найперш выкарыстаннем спецыяльнай, тэрміналагічнай, лексікі, у складзе якой адным з прадуктыўных спосабаў утварэння тэрмінаў ва ўсіх галінах навукі і тэхнікі лічыцца сінтаксічны – рознага тыпу спалучэнні слоў [2, с. 65],

напрыклад: *голы провад, дадатковая хібнасць, інвертарны рэжым, тэмпературная інерцыйнасць, трохфазная лінія, пружкая дэфармацыя, электраакустычны пераўтваральнік, электраправадная вадкасць, асінхронная работа, астатычная сістэма, пяючая дуга* і інш.

Тэрміны, як вядома, вызначаюцца адметнасцю сваёй семантыкі, паколькі ім прыпісваецца пэўнае паняцце, ці тэрмін – гэта «пэўная назва строга вызначанага паняцця», яны выяўляюць абмежаванае выкарыстанне ў пэўнай галіне навукі і тэхнікі, з’яўляюцца, як правіла, незразумелымі для ўспрымання не спецыялістамі [3, с. 594]. Вось чаму кожнаму спецыялісту пэўнай галіны навукі і тэхнікі найперш патрэбны веды пра шляхі і спосабы ўтварэння тэрмінаў, іх асаблівасці і неабходна засваенне тэрмінаў сваёй галіны навукі ці тэхнікі, што і з’яўляецца аб’ектам вывучэння на занятках па прафесійнай лексіцы. Але пры гэтым у ходзе заняткаў варта звярнуцца да другога тыпу адзінак мовы – фразеалагічных, якія складаюцца мінімум з двух слоў і значэнне якіх не выцякае са значэння іх слоў-кампанентаў, што ў пэўнай ступені набліжае іх да тэрміналагічных адзінак (ТА) сінтаксічнага спосабу ўтварэння. Да таго ж фразеалагічныя адзінкі (ФА) у многіх выпадках маюць непасрэдную сувязь з ТА.

Так, паасобныя тэрміны сінтаксічнага спосабу ўтварэння з прычыны, з аднаго боку, сваіх адметнасцей, што збліжаюцца паводле пэўных паказчыкаў з ФА, з другога боку, пашыранасці ўжывання, набываюць новых сфер выкарыстання выяўляюць тэндэнцыю да пераходу ў разрад апошніх, якія ўвогуле з’яўляюцца адзінкамі мовы другаснага ўтварэння. Так, адной з крыніц утварэння ФА з’яўляюцца састаўныя тэрміналагічныя адзінкі: ТА са сферы свайго абмежаванага выкарыстання ў пэўнай тэрмінасістэме пераходзяць у агульнае выкарыстанне, набываючы новае значэнне. Утварэнне многіх ФА на базе былых ТА праходзіць два-тры важнейшыя этапы: пачатак утварэння ФА як другаснай адзінкі на базе тэрміна звязаны з дэтэрміналагізацыяй тэрміна, які выкарыстоўваецца ў пэўнай прафесійнай сферы, і яго пачатковае значэнне пачынае разыходзіцца з яго новым значэннем; затым устойлівае спалучэнне страчвае агульнамоўную матываванасць, ці адбываецца яго дээтымалагізацыя, і былы тэрмін набывае пераасэнсаванае метафарычнае значэнне і ўваходзіць у фразеалагічны склад мовы як новая адзінка другаснага ўтварэння фразеалагічнага яруса адзінак мовы. Параўн., напрыклад, тэрміны *цэнтр цяжару* ‘пункт прыкладання раўнадзейнай усіх сіл цяжару, што дзейнічаюць на асобныя часткі сістэмы’, *узводзіць у квадрат* ‘матэматычная аперацыя, якая заключаецца ў множанні ліку на само сябе’, *лакмусавая паперка* ‘індыкатарныя папяровыя палоскі прасякнутыя адмысловым рэчывам (лакмусам), якія змяняюць свой колер у залежнасці ад кіслотнасці (рН) раствора’, *пробны камень* ‘спецыяльны камень для вызначэння якасці каштоўных металаў ці сплаваў з такімі металамі’, *удзельная вага* ‘адносіны вагі цела пры тэмпературы 0°C да вагі роўнага аб’ёму вады пры тэмпературы 4°C’ і ФА *цэнтр цяжару* ‘самае асноўнае, галоўнае, сутнасць чаго-н.’; *узводзіць у квадрат* ‘значна перабольшваць’, *лакмусавая паперка* ‘сродак выяўлення, праверкі адносін паміж кім-н.’, *пробны камень* ‘тое, што дазваляе выявіць асноўныя ўласцівасці, якасці каго-н., чаго-н.’, *удзельная вага* чыя, чаго ў чым ‘пэўная роля, значэнне, месца чаго-н. у чым-н.’, што абавязаны сваім паходжаннем ТА.

Вызначэнне, складанне рээстра такіх адзінак для кожнай спецыяльнасці, іх засваенне дапаможа не толькі ўзбагаціць фразеалагічныя запасы студэнтаў, але паслужыць матывацыяй для самастойнага авалодвання ФА, спазнання іх сутнасці і зместу, месца і ролі і выкарыстання ў пэўнай сітуацыі і з пэўнымі мэтамі ў маўленчай дзейнасці будучага спецыяліста. І што асабліва важна, студэнты ўясняюць галоўнае назначэнне ФА, якія служаць адлюстраванню, фіксацыі і трансляцыі ў часе і прасторы практычнага і гістарычнага вопыту народа, выпрацаваных правіл і норм паводзін, арганізацыі жыцця, светаўспрымання, ці той культурнай інфармацыі, якая найбольш важная для народа-стваральніка і носьбіта гэтых адзінак мовы і якую захоўваюць і даносяць ФА. Немалаважна і тое, што ФА аказваюць уплыў на носьбітаў мовы і служаць фарміраванню светапогляду, заснаванага на этнічнай культуры.

Шматлікія ФА такога паходжання становяцца сродкам пазнання закадзіраванай у іх інфармацыі пра чалавека, яго працу, умовы жыцця ў мінулым, што сёння ўжо невядома, як, напрыклад: *адпускаць лейцы* ‘змяншаць кантроль, паслабляць увагу, пільнасць, патрабаванні да каго-н.’, *збоку прылёку* 1) ‘зусім недарэчы, недарэчна (быць, аказацца, знаходзіцца дзе-н. і інш.)’, 2) ‘зусім непатрэбны, лішні, чужы’, *на свой капыл* ‘па-свойму, на свой узор, лад (рабіць, зрабіць што-н.)’, *нізкай пробы* ‘дрэннай вартасці, якасці, дасканаласці, кваліфікацыі’, *цягнуць каніцель* ‘займацца чым-н. нудным, аднастайным’ і інш.

Што датычыць фразеалагізмаў, якія ўтвораны ў выніку пераасэнсавання свабодных выразаў, то тут увага скіроўваецца найперш да функцыянальна не замацаваных за пэўным стылем і кніжных ФА. Так, напрыклад, празрыстая паводле матывацыі і функцыянальна не замацаваная ва ўжыванні ФА *будаваць на пяску* 'засноўваць на ненадзейных дадзеных. Пра планы, разлікі, сцверджанні і пад.' перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра беспадстаўнасць рабіць вывады, нерэальнасць складаць планы, ненадзейнасць ажыццяўлення ўвогуле любых спраў чалавека без асноў, пэўнай базы і службыць своеасаблівым антыправілам, як не трэба рабіць, планаваць і пад. Абраная ФА абавязана выбару вобраза з лексемай-кампанентам *пясок*, паколькі ва ўяўленні чалавека лексема *пясок* надзяляецца дадатковым сэнсам, што далучаецца да вядомага значэння 'горная парода, якая складаецца з асобных вельмі дробных часцінак кварцу або іншых цвёрдых мінералаў' [4, с. 539] і выяўляе новыя прыкметы і ўласцівасці, якія прыпісваюцца чалавекам гэтай адзінцы і якія могуць прыпадабняцца і набываць новыя культурна значныя сэнсы. І гэтыя дадатковыя прыкметы і ўласцівасці становяцца ключавымі ў складзе вобраза ФА, што службыць для адмоўнай ацэнкі самых розных з'яў і паняццяў. У аснове вобраза ФА ляжыць метафара, якая заснаванне чаго-небудзь, планаванне, свярджэнне, вывад аб чым-небудзь на ненадзейных асновах, беспадстаўна, без фактаў, без правяраных матэрыялаў прыпадабняе да будавання на пяску. І тады становіцца відавочным, што прыродная ўласцівасць пяску (рассыпчатасць) дапоўнена новай прыкметай, якая мае ўжо ролю знака культуры, – гэта 'ненадзейнасць, беспадстаўнасць' як новае метафарычнае значэнне.

І такіх функцыянальна не замацаваных за пэўным стылем ФА толькі ў «Слоўніку фразеалагізмаў беларускай мовы» І.Я. Лепешава намі выяўлена амаль 900 адзінак [5].

А вось у ФА *краевугольны камень* 'аснова, сутнасць, найважнейшая частка чаго-н.' і *камень спатыкнення* 'значная перашкода, з якой сутыкаецца хто-н. у якой-н. справе', што адносяцца да кніжных фразеалагізмаў, вызначаюцца выкарыстаннем пераважна ў тэкстах публіцыстычнага і навуковага стыляў, і такіх ва ўжо адзначанай крыніцы фразеалагізмаў беларускай мовы мы налічылі больш за 150 ФА, апорны кампанент *камень* абраны не толькі таму, што камень выдзяляўся сваёй цвёрдасцю, а яшчэ і таму, што чалавек, выкарыстоўваючы свае веды аб уласцівасцях каменя, пераасэнсоўвае іх у духоўныя, маральныя катэгорыі і надае такія культурныя сэнсы, як 'цвёрдасць', 'непарушнасць', 'аснова', 'перашкода', 'абарона', 'зброя', 'грэх' і інш. [6, с. 169–174]. І гэта знайшло адлюстраванне ў вобразах і семантыцы названых біблейскіх паводле паходжання ФА, дзе метафарычна адлюстравана, як у першай ФА, уласцівая якасць каменя як будаўнічага матэрыялу ў выніку пераасэнсавання выраза і з улікам выканання словам *камень* ролі наймення сімвала, культурнага сэнсу 'аснова' (каменны фундамент, аснова будынка). У выніку ФА *краевугольны камень* выступае ў ролі сімвала чаго-небудзь асноўнага, самага важнага ў якой-небудзь дзейнасці чалавека. А ў ФА *камень спатыкнення* – гэта ўяўленне аб яўнай перашкодзе-камені, аб які спатыкаюцца, і дзе, паводле легенды, *камень спатыкнення* – *преткновения* – камень, які быў пакладзены Богам у Сіёне і аб які *претыкаліся* тыя, хто не верыў, не прытрымліваўся законаў [7, с. 320]. У ФА назіраецца метафарычнае прыпадабненне любой перашкоды да каменя, які мяшае, перашкаджае ці аб які спатыкаецца чалавек, як у тэксце Бібліі для выяўлення нявернікаў. У выніку вобразна, дакладна называецца і характарызуецца невыяўная ці яўная перашкода на шляху ажыццяўлення чаго-небудзь, непераадольная цяжкасць, якая мяшае ажыццяўленню намераў, вырашэнню праблемы, выкананню пэўнага дзеяння ці справы. І ФА *камень спатыкнення* выступае ў ролі стэрэатыпу складанай, цяжкавырашальнай праблемы.

Асэнсаванне значэння, вобразаў ФА дазваляе пашырыць межы разумення сваёй мовы, глыбей пазнаць культуру, гісторыю народа, яго светапогляд. Разам з тым трэба памятаць, што выкарыстанне ФА ў якасці экспрэсіўна-эмацыянальных сродкаў выразнасці ў навуковым тэксце ўсё ж па-ранейшаму не прымаецца, хоць, як адзначае даследчык беларускай фразеалогіі В.А. Ляшчынская, у навукова-вучэбнай і асабліва ў навукова-папулярнай літаратуры, а тым больш у вуснай форме і нават у навуковых артыкулах, манаграфіях усё часцей і часцей адзначаецца ўжыванне фразеалагізмаў з мэтай данесці навуковую інфармацыю даходліва, цікава, даступна, бо «фразеалагізмы дапамагаюць падкрэсліць і адцягнуць думку даследчыка, выразана выявіць яму сваю пазіцыю адносна ўзнятага пытання, прыцягнуць увагу чытача, ажывіць строгі і сухі выклад» [8, с. 284]. Праўда, даследчык заўважае, што для гэтага «выкарыстоўваюцца адзінкі, у якіх пераважае выкарыстанне інтэлектуальна-эмацыянальнага, а

эмацыянальна-ацэначная афарбоўка выступае дадатковай да інтэлектуальна-ацэначнай», і прыводзіць паасобныя фразеалагізмы такога тыпу (*ніжэй усякай крытыкі, трапіць на ўрадлівую глебу, пакідае жадаць лепшага ...*) [Тамсама].

Аналіз навуковых тэкстаў і неабходнасць выпрацоўкі навыкаў і ўменняў будаваць уласныя тэксты ў пісьмовай і вуснай формах скіроўвае да выяўлення яшчэ адной групы ўстойлівых адзінак, якія, паводле меркавання Л.В. Адзінцовай, названы тэкстаўтваральнымі сродкамі [9] і якія да фразеалагізмаў (у вузкім значэнні дэфініцыі гэтага тэрміна) не маюць ніякіх адносін, але, паводле шырокага разумення фразеалогіі, уключаюцца ў яе склад, пра што сведчыць і фіксацыя многіх такіх устойлівых выразаў у названым ужо слоўніку фразеалагізмаў беларускай мовы як крыніцы выяўленых функцыянальна не замацаваных за пэўным стылем і кніжных ФА і як патэнцыяльна магчымых у навуковых тэкстах.

Гэта ўстойлівыя выразы, якія служаць сродкамі афармлення звязанасці частак тэксту, лагічнага выкладу, афармлення структуры навуковага тэксту. Яны дапамагаюць успрыманню, паказваюць паступовасць, дакладнасць і логіку выкладу, з'яўляюцца неад'емнымі адзінкамі тэкстаў з навуковай інфармацыяй і складаюць спецыфіку афармлення зместу.

Так, выкарыстоўваюцца ўстойлівыя выразы, досыць часта пабочныя словы, якія ўказваюць на парадак размяшчэння доказаў, аргументаў навуковага палажэння тыпу *па-першае, па-другое, па-трэцяе, па-чацвёртае; на першы погляд*. Напрыклад:

У такіх датчыках выкарыстоўваюцца два метады. Імпульсны метада заключаецца ў вымярэнні часу запазнення прынятага імпульсу адносна выпраменьвання імпульсу.

Па-першае, імпульс, выпраменьваны, павінен быць досыць кароткім, каб скончыцца раней, чым у антэну паступіць адлюстраваны імпульс, гэта значыць мець працягласць адну нанасекунду і менш, што рэалізаваць не так проста. **Па-другое**, радыёімпульс, выпраменьваны, павінен мець досыць вялікую магутнасць, каб забяспечыць неабходнае суадносіны сігнал-шум у прынятым сігнале, а гэта накладвае сур'ёзныя патрабаванні да элемента, выпраменьвальны імпульс, асабліва пры вялікіх дыяпазонах вымярэння ўзроўню і нізкіх адбійных здольнасцях рэчыва, ад якога адлюстроўваецца сігнал. **Па-трэцяе**, задача высокадакладнага вымярэння нанасекундных часовых інтэрвалаў паміж выпраменьваемым і прынятым імпульсам сама па сабе тэхнічна складаная ў вырашэнні задача [10, с. 18].

У якасці пабочных слоў устойлівыя адзінкі ўказваюць на крыніцу інфармацыі, асабліва пры вызначэнні палажэнняў рознага тыпу, выказванні згоды ці нязгоды з думкай, меркаваннем ці палажэннем каго-небудзь з іншых даследчыкаў тыпу *па словах, са слоў, пункт гледжання, паводле думкі / меркавання / выказвання / слоў, у адпаведнасці з пазіцыяй / з пунктам гледжання, як мяркуе*. Напрыклад:

З пункту гледжання рэалізацыі мэтай праекта «THEOREMS-Dnipro», найбольш значныя для мясцовага насельніцтва вымяральныя параметры – гэта якасць вады і яе ўзровень у рацэ Дняпро. Варта адзначыць, што ў выпадку выкіду ў раку шкодных рэчываў, пры адсутнасці своечасовага рэагавання, колькасць пацярпелага насельніцтва можа быць прыкметна большай [10, с. 15].

У сілу пералічаных фактараў, імпульсныя метады не знайшлі шырокага распаўсюджвання пры вырашэнні задач па высокадакладнаму вымярэнню ўзроўню і ўжываюцца толькі там, дзе адлюстравальная здольнасць вадкасці параўнальна высокая і не патрабуецца высокая дакладнасць [10, с. 18].

У сувязі з тым, што сённяшні стан гідралагічных пастоў не адпавядае сучасным патрабаванням як па фарміраванні і перадачы інфармацыйных гідралагічных і метэаралагічных параметраў, так і па абагульненні вымяральнай інфармацыі, у рамках праекта «THEOREMS-Dnipro» будзе праведзена мадэрнізацыя гідралагічных пастоў у Лоеве і Любечы, а ў перспектыве і ўсёй сістэмы паводкавага маніторынгу ў напрамку павышэння ступені дакладнасці вымярэнняў і ўзроўню аўтаматызацыі. Гэта дасць магчымасць у рэжыме рэальнага часу адсочваць узровень вады ў вадаёмах, іх забруджванне і параметры паветра, што дасць магчымасць своечасова прымаць меры па зніжэнні або прадухіленні пашкоджванняў [10, с. 45].

У адпаведнасці з прызначэннем станцыі, яе узбудытая структура ўключае ў сябе два вузлы:

– метэаралагічны вузел, які знаходзіцца на беразе;

– гідралагічны вузел, які знаходзіцца на плывучай платформе (буі) [10, с. 47].

Да ўстойлівых адзінак такога тыпу адносяцца пабочныя звароты, якія служаць для супастаўлення розных дадзеных ці аргументаў (з аднаго боку, з другога боку, у адрозненне ад, разам з тым, побач з гэтым), для ўказання на адносіны да спосабу перадачы думкі (карацей кажучы, інакш кажучы, іншымі словамі...), для тлумачэння іншым спосабам (калі можна так выразіцца, дакладней кажучы, маецца на ўвазе, справа ў тым, што...), для супастаўлення розных даных ці аргументаў (з аднаго боку, з другога боку, у адрозненне ад, разам з тым, побач з гэтым...), для выдзялення і засяроджвання ўвагі на пэўнай інфармацыі (перш за ўсё, у прыватнасці, у асаблівасці...), для падкрэслівання неабходнасці ці адсутнасці пэўнага дзеяння (мае сэнс, не мае сэнсу, ёсць усе падставы / асновы, няма падстаў / ніякіх асноў, вынікае неабходнасць, паўстае пытанне...), для ўказання на часавую суаднесенасць частак выкладу ці палажэнняў, дзеяння (перш за ўсё, у першую чаргу, побач з, як было адзначана, у далейшым, у той жа час...), якія знаходзяць сваё месца амаль у кожнай навуковай рабоце.

Няма ніводнай навуковай работы, у якой не было б выкарыстання ўстойлівых спалучэнняў як пабочных слоў для заключэння і фармулёўкі лагічнага вываду тыпу *такім чынам, як відаць, з разгледжанага вынікае, як бачым*.

Да названых сродкаў звязанасці навуковага маўлення далучаюцца ўстойлівыя выразы для перадачы прычынна-выніковых і ўмоўна-выніковых адносін паміж часткамі навуковага тэксту (у сувязі з гэтым, пры такой умове, у такім выпадку).

Выпрацоўка і функцыянаванне менавіта ў навуковым стылі пералічаных тэкстаўтваральных сродкаў абумоўлена неабходнасцю даказваць, аргументаваць вынесеныя для абмеркавання навуковыя палажэнні, гіпотэзы, выяўляць іх прычыны і вынікі. Такія ўстойлівыя канструкцыі складаюць адметнасць выкладу навуковых тэкстаў у вуснай і пісьмовай формах і складаюць адну са спецыфічных норм сінтаксісу навуковага стылю ўвогуле. Іх засваенне і выкарыстанне дапаможа студэнтам тэхнічных спецыяльнасцей правільна і дакладна выказаць свае думкі, меркаванні на пэўную навуковую тэму.

Такім чынам, сістэматычная ўвага да ўстойлівых адзінак рознага тыпу ўтварэння, стылёвай прыналежнасці, структуры, семантыкі на занятках па беларускай мове (прафесійная лексіка) дазволіць, з аднаго боку, асэнсавана падыходзіць да выбару моўных сродкаў навуковых тэкстаў і вызначаць месца і ролю, прызначэнне фразеалагічных адзінак у мове ўвогуле і ў тэкстах навуковага стылю ў прыватнасці. З другога боку, з улікам новых дасягненняў у галіне фразеалогіі, прызнаннем за імі ролі не толькі адзінак мовы, але і адзінак культуры народа, пры гэтым улічваючы нізкі ўзровень запаса фразеалагічных адзінак пры амаль поўнай адсутнасці разумення зместу, культурнай інфармацыі гэтых адзінак у выпускнікоў школы і адпаведна студэнтаў, навучыць раскрываць і спазнаваць значэнне, культурны змест гэтых адзінак, тым самым засвойваючы яго, і фарміраваць светапогляд з пазіцыі культуры беларускага народа. Фразеалагічны складнік развіцця моўнай кампетэнцыі студэнтаў тэхнічных спецыяльнасцей на занятках не абмяжоўваецца ўзроўнем ведаў, а скіроўвае да ўзроўню валодання, практычнага выкарыстання ўстойлівых адзінак як развіцця і фарміравання прафесійнай кампетэнцыі, што і з'яўляецца асноўнай мэтай і вынікам навучання і выхавання студэнцкай моладзі.

Літаратура

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов. – М. : Икар, 2009. – 408 с.
2. Буракова, М. У. Анамастыка, тэрміналогія і фразеалогія: вучэб.-метадыч. дапам. / М. У. Буракова, В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2011. – 166 с.
3. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1975. – 720 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. / рэд. тома Г. Ф. Вештарт, Г. М. Прышчэпчык. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энциклапедыі, 1980. – Т. 4 : П–Р. – 768 с.
5. Ляшчынская, В. А. Культурная інфармацыя «каменных» фразеалагізмаў беларускай і рускай моў: агульнае і адметнае / В. А. Ляшчынская // Духовно-нравственные концепты русской словесности в современной языковой, культурной и образовательной практике Российско-Белорусско-Украинского пограничья : матер. Междунар. научн. конф., Новозыбков, 25–26 окт. 2016 г. ; под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Новозыбков : ООО «Новозыбковская типография», 2016. – 565 с.

6. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1 : А–Л. – 672 с. – Т. 2 : М–Я. – 704 с.
7. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – М. : АСТ-ПРЕСС книга, 2009. – 784 с.
8. Ляшчынская, В. А. Навуковыя тэксты і фразеалагізмы / В. А. Ляшчынская // *Bialorutenistyka Bialostocka*. – 2014. – Т. № 6. – S. 281–295.
9. Одинцова, Л. В. Текстформирующие языковые средства научной речи / Л. В. Одинцова // *Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России*. – 1998. – Вып. 1. Тайбей. – С. 106–108.
10. Рамнёў, У. А. Сістэма збору, апрацоўкі і распаўсюджвання гідраметэаралагічнай і экалагічнай інфармацыі для праекта theorems-dnipro : дыс. ... маг. тэхніч. навук : 1-53 80 01 / У. А. Рамнёў. – Гомель, 2019. – 66 с.

¹Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого

²Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 07.02.2024

Экспликация речевого портрета делинквента в жанрах экстремистского дискурса

А.Л. Дединкин

В статье показано, что моделирование речевого портрета делинквента возможно на основе текстов различных жанров. Указывается, что в рамках юрислингвистической парадигмы исследование жанрового репертуара экстремистского дискурса осуществляется с учётом тематики речевого произведения, референтной ситуации, прагмалингвистического и номинативного аспектов, специфических языковых средств и экспрессивности. На материале экспертной практики дана характеристика таких жанров, как интернет-комментарий, кричалка и интернет-мем.

Ключевые слова: юрислингвистика, речевой портрет, экстремистский дискурс, жанры речи.

The article shows that modeling the speech portrait of a delinquent is possible based on texts of various genres. It is indicated that within the framework of the legal linguistic paradigm, the study of the genre repertoire of extremist discourse is carried out taking into account the subject of the speech work, the reference situation, the pragmalinguistic and nominative aspects, specific linguistic means and expressivity. Based on the material of expert practice, the characteristics of such genres as Internet commentary, chant and Internet meme are given.

Keywords: legal linguistics, speech portrait, extremist discourse, genres of speech.

Понятие «речевой портрет» было введено в научный оборот советским языковедом М. Пановым [1]. Автором были исследованы фонетические особенности речи отдельных писателей и политиков, а также сделан вывод о том, что принадлежность субъекта к той или иной социальной группе формирует типичные черты его речевого поведения. Идея речевого портрета, предложенная М. Пановым, получила своё дальнейшее развитие в трудах отечественных и зарубежных лингвистов.

Отметим, что сегодня, кроме понятия «речевой портрет», в научной литературе используются такие терминологические единицы, как «лингвокультурный типаж», «коммуникативный портрет», «речевая характеристика», «речевой имидж», «идиостиль», «амплуа» и др. Обилие терминов и их дефиниций приводит, на наш взгляд, к некоторому терминологическому дисбалансу. В результате (зачастую необоснованно) одним понятием подменяется другое, являющееся его полным аналогом. В рамках юрислингвистики предлагаем использовать уже устоявшуюся в языкознании единицу «речевой портрет». Это связано, в том числе, и с тем, что в терминосистеме права достаточно давно закрепилось понятие «портрет преступника».

Речевой портрет делинквента (в нашем случае – экстремиста) представляет собой характеристику соответствующей языковой личности. Это своеобразный «фотоснимок», сделанный в конкретный момент и отражающий её коммуникативные особенности. Речевой портрет моделируется лингвистами, которые на основе анализа целого ряда конфликтогенных текстов разных жанров определяют речевые паттерны, отличительные языковые средства, а также коммуникативные намерения и стратегии экстремиста.

Исследование экстремистского дискурса в обязательном порядке предполагает идентификацию его жанров. Само понятие «речевой жанр» в научный оборот ввёл М. Бахтин. Под речевыми жанрами автор понимал «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [2, с. 242]. Вслед за М. Бахтиным исследованием жанров занимался целый ряд лингвистов. В современном языкознании достаточно устоявшимися являются следующие подходы к данной проблеме: общелингвистические, коммуникативно-деятельностный, лингвокультурологический, прагмалингвистический, когнитивный, психолингвистический и др.

Значительная часть работ в области жанроведения выполнена в рамках общелингвистической парадигмы. *Лексический* подход предполагает толкование семантики наименований жанров. Точного представления о жанрах дискурса эта парадигма не даёт, так как «...одним

именем могут обозначаться несколько жанров или их разновидностей и, напротив, один жанр может иметь ряд наименований» [3, с. 90]. *Стилистический* подход предполагает исследование композиционной структуры жанров, характера содержащейся информации и её эмоциональной окраски. В рамках данной парадигмы осуществляется соотношение речевых жанров с тем или иным функциональным стилем. Вместе с тем, уже доподлинно установлено, что на практике жанры способны менять стилевую принадлежность, а также отражать черты одновременно нескольких стилей. В рамках общелингвистических подходов жанр рассматривается как устойчивая структура, что не даёт возможности проследить эволюцию жанровых форм.

Когнитивный (модельный) подход в полной мере соответствует идеям М. Бахтина, который утверждал, что «мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам... Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [2, с. 257]. Таким образом, жанр дискурса – это особая модель высказывания, присутствующая в сознании языковой личности в виде фреймов, своеобразный «речевой стандарт», исходная форма существования речи. В свою очередь Т. ван Дейк писал: «Если люди формируют модели ситуаций, в которых они участвуют или о которых они читают, представляется вполне очевидным, что они строят и модели коммуникативных ситуаций, участниками которых они являются, порождая или воспринимая речь» [4, с. 70]. По мнению В. Дементьева [5], именно концепт жанровой модели соотносится с важнейшим аспектом дискурса – его цельностью. В рамках указанной парадигмы исследуется структура жанровых моделей, а также способы их воплощения в процессе коммуникации.

Сторонники *коммуникативно-деятельностного* подхода утверждают, что организация дискурса строится на основе единства коммуникативной и некоммуникативной деятельности людей. В итоге термин «жанр» используется для обозначения типа события, которое может проявляться как в речевой, так и в неречевой формах. Так, по мнению Д. Хаймса [6], такими событиями могут быть беседа, лекция, рассказ, шутка, приветствие и др. Коммуникативное событие включает в себя единую цель, одних и тех же участников, общие тему и правила взаимодействия. В. Гольдин [7] разграничивал коммуникативные события по структуре на простые (одножанровые) и сложные (включающие определённый жанровый набор). Автор полагал, что ключевой характеристикой коммуникативного события является его регулярность. С точки зрения О. Дубровской [8], можно говорить о коммуникативных событиях политической, экономической, правовой, религиозной, научной и иных сфер.

В рамках *прагмалингвистического* подхода жанры дискурса рассматриваются как вербальное средство организации социального взаимодействия. По мнению К. Долинина [9], понятие «жанра» нужно связывать не с коммуникативными событиями, которые могут быть реализованы в рамках одного высказывания (например, приветствия), а с дискурсом, для которого характерны тематическое единство и прагматическая завершенность. Указанная парадигма не противоречит когнитивному (модельному) подходу к понятию жанра. В соответствии с канонами того или иного жанра адресант выстраивает стандартную коммуникативную ситуацию, выполняя предсказуемую для слушающего или читающего роль. В результате адресат принимает заданные автором правила, соотносит своё поведение с предлагаемой моделью. Жанры дискурса, таким образом, являются стереотипами речевого поведения коммуникантов, образцами говорения и письма.

С точки зрения *психолингвистики* рассмотрение жанра осуществляется сквозь призму факторов адресанта и адресата. Так, К. Седов [10] полагал, что выбор жанровых стратегий определяется типом языковой личности адресата или индивидуальным стилем адресанта. Черты дискурсивного мышления коммуниканта определяют не только стратегию её речевого поведения, но и тактические приёмы, используемые в рамках коммуникации. К примеру, конфликтный тип языковой личности представлен двумя подтипами: агрессивным и манипуляторским.

Особого внимания заслуживает *лингвокультурологический* подход. К примеру, А. Вежбицкой [11] были исследованы жанры сквозь призму разработанной ею «теории семантических примитивов». Автором были предложены модели жанров как последовательности простых предложений, где отражены интенции и мотивы адресанта. Так, доминирующей иллокутивной целью в речевом жанре приказа является следующая: «Хочу, чтобы ты это сделал», а речевой жанр вопроса на языке примитивов выглядит следующим образом: «Хочу, чтоб ты представил себе, что я не знаю того, что знаешь ты, и что ты хочешь мне это сказать».

Говорю это, потому что хочу, чтобы ты мне это сказал». По мнению исследователя, нужно выделять жанры поддерживаемые данной культурой и не поддерживаемые ею. Указанное суждение исходит из того, что разным культурам свойственны разные коммуникативные модели.

Одним из самых дискуссионных в лингвистике является вопрос классификации жанров дискурса. Это связано, во-первых, с многообразием жанровых форм, а во-вторых, с нечёткостью их границ. По словам В. Дементьева, «до сих пор не существует общепринятой типологии ... в лучшем случае это списки речевых жанров, по возможности подробные» [12, с. 155].

Существует целый ряд классификаций речевых жанров, имеющих в своей основе различные критерии. Назовём наиболее значимые из них.

По *формам речи*, в пределах которых происходит их реализация, выделяются жанры устной и письменной коммуникации. С учётом *источника возникновения и сферы функционирования* выделяют первичные и вторичные жанры. Так, к первичным относятся естественно возникшие жанры, которые функционируют в практике бытового общения. Ко вторичным жанрам относят те, что возникли в условиях высокоорганизованной коммуникации и функционируют во всех сферах общения (медицинской, правовой, научной и т. д.). По *соотнесённости с функциональными стилями* выделяются жанры разговорного, официально-делового, художественного, публицистического, научного общения. По *степени структурной сложности* выделяют простые (одноактные, элементарные) и сложные (многоактные, комплексные) жанры. В соответствии с *целеустановкой* выделяют информативные (предоставление информации); императивные (призыв к действию); этикетные (извинения, благодарности и др.) и оценочные (выражение отношения автора к фактам действительности) жанры.

Рассмотренные подходы с точки зрения современной генристики не противоречат друг другу. Большинство позиций являются актуальными для оценки жанрового своеобразия любого типа дискурса.

В рамках *юрислингвистической парадигмы* исследование жанрового репертуара осуществляется с учётом *целого ряда значимых критериев*. Рассмотрим их на примере экстремистского дискурса:

- тематика (религиозная интолерантность, шовинизм, расизм, нацизм, социальная вражда, дискредитация государства и др.);
- референтная ситуация (значимые для автора события, являющиеся триггерными для экстремистских проявлений);
- прагмалингвистический аспект (использование императивных и манипулятивных стратегий коммуникативного воздействия);
- номинативный аспект (использование особых форм обращения к аудитории с целью привлечения единомышленников и сочувствующих);
- специфические языковые средства (инвективная лексика, отрицательная тональность речи, императивы, негативно-оценочные метафоры и др.);
- экспрессивность (эмоциональное напряжение, высокий уровень проявления деструктивной риторики).

Экстремистский дискурс находит выражение в самых разнообразных жанровых формах. Охарактеризуем наиболее значимые из них (интернет-комментарий и кричалка).

Посредством интернет-комментария на различного рода площадках выражается отношение пользователей к обсуждаемым событиям, формулируется их личное мнение, критикуются недостатки или высказывается поддержка сложившейся системы общественных отношений.

В рамках экстремистского дискурса интернет-комментарий имеет отрицательную модальную направленность и выполняет следующие функции:

- анализ представленного в посте материала (поддержка позиции автора либо её критика);
- оценка событий и их участников (выражение личного мнения по обсуждаемому вопросу);
- определение причин комментируемого события (выявление факторов, приведших к текущему состоянию дел);
- моделирование дальнейшего хода развития событий.

Интернет-комментарий экстремистского толка содержит семантику, в которой объединены денотат и коннотат, включающий эмоциональный и оценочный компоненты. Каждый коннотат в обязательном порядке имеет негативный эмоциональный «заряд». К примеру,

«...не мы, а пособники режима (денотат) во всём виноваты, они нас провоцировали, плюнули нам в лицо (коннотат)». При этом отрицательная оценочность может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно.

Исходя из экспертной практики, рассмотрим типы когнитивных моделей текстопорождения на примере интернет-комментария:

Вариант 1. Вербальный код текста-стимула дешифруется адресатом и выражается в комментарии посредством рефлексивов. При этом комментированию может подвергаться и отдельная позиция исходного текста, и отдельный его фрагмент, и текст в полном объёме.

Вариант 2. Вербальный код текста-стимула имеет в комментарии дискретные проявления в виде заимствованных единиц. В ходе комментирования происходит приращение смысла, его смещение или вовсе экспликация мнения комментатора.

Вариант 3. Вербальный код текста-стимула актуализирует имплицитные связи с полученным ранее семиотическим опытом реципиента. В результате происходит переработка сообщения, считывание внутренней формы текста, поиск аналогичных символически зафиксированных ситуаций.

Вариант 4. Невербальный код текста-стимула (например, карикатуры) в комментарии оценивается через вербальный код. В ходе комментирования даётся авторская интерпретация визуального фрагмента.

В экстремистском дискурсе используется такая разновидность мема, как демотиватор. В этом случае поликодовый материал размещается в чёрной рамке. Демотиваторы используются как агитационно-пропагандистское средство в целях распространения экстремистских идей, создаются с целью провокации адресата к обсуждению «злостных» тем, способствуют формированию негативных стереотипов о различных социальных группах, обеспечивают распространение фэйковой информации с целью манипуляции общественным мнением.

Назовём характерные черты демотиватора как жанра экстремистского дискурса:

- распространение в интернет-пространстве с огромной скоростью, массовое тиражирование среди пользователей;
- обладание простой и запоминающейся визуальной формой, способствующей эффективному восприятию информации;
- модификация отдельных компонентов в ходе адаптации базовых единиц под идеологические установки отдельных авторов;
- образование группы «родственных» единиц, объединённых общей интенцией и схожим оформлением;
- апеллирование к негативным чувствам людей, содействие разжиганию вражды или розни по тому или иному признаку;
- создание доступного для понимания продукта, ориентация на среднестатистического пользователя;
- снижение уровня «серьёзности» посредством юмористической подачи материала;
- использование полимодальной коммуникативной стратегии, позволяющей транслировать информацию посредством нескольких каналов;
- возникновение в качестве реакции на актуальные события общественной жизни, тренды, обусловленность конкретным социально-историческим контекстом.

Кричалка относится к аллогенным («порождённым извне») жанрам экстремистского дискурса. Этот жанр возник в рамках спортивной коммуникации (в первую очередь – в среде футбольных болельщиков), является одноактным по степени сложности и императивным по целеустановке. Экспертная практика позволяет выделить националистическую (к примеру, «Вера! Нация! Держава!») и нацистскую (к примеру, «Зига! Ой! Зага! Ой! Зигазага! Ой-Ой-Ой!») кричалки как наиболее частотные виды жанра.

Кричалка как жанр экстремистского дискурса выполняет три основные функции:

1. Консолидирующая. Кричалки исполняются коллективно, что содействует сплочению участников, укреплению их групповой идентичности (к примеру, «Единство нации – конец оккупации!»). Исключительно остро единение с группой ощущается перед лицом «врага». По мнению Д. Громова, «хорошо организованный и вооружённый большим репертуаром коллектив скандирующих может действовать в уличных условиях слажено и эффективно» [13, с. 26].

2. Деморализующая. Кричалки исполняются с целью запугать «врага» («Смерть хачам! Вперёд, Россия!»). Это делается в ходе массовых мероприятий и преимущественно в присутствии оппонентов. Противнику посредством кричалок доносится мысль о том, что «сопротивление бессмысленно», «падение неизбежно», «необходимо подчиниться».

3. Агональная. Эта функция напрямую связана со стратегией агрессии. Она проявляется в таких формах, как угроза и компрометация. Тактика угрозы заключается в обещании причинить оппоненту вред, а тактика компрометации выражает негативное отношение к «врагу» с целью его разоблачения.

Таким образом, кричалка как жанр экстремистского дискурса – это мощный инструмент, который может влиять на общественное мнение и поведение, особенно в условиях социальной нестабильности. Распространение кричалок способствует радикализации общественных настроений, особенно в молодёжной среде. Это связано с тем, что используются эмоционально «заряженные», простые и запоминающиеся фразы. Также сильное суггестивное воздействие на аудиторию имеют кричалки, где вербальный текст частично или полностью заменяется ритуальными действиями (звукоподражаниями, хлопками и т. д.). Кроме этого, кричалки имеют чёткую идеологическую направленность, отражающую групповые ценности и интересы.

В лингвистике интернет-мем определяется как речевой жанр, представляющий собой феномен массовой коммуникации. Для него характерны такие черты, как узнаваемость, коллективное авторство, возможность наполнения одной и той же формы новыми смыслами. Визуально мем выглядит следующим образом: рисунок и пояснительная надпись в квадратной рамке.

Материалы экстремистского содержания в любой жанровой форме, как правило, распространяются на различного рода медийных площадках, которыми выступают социальные сети, мессенджеры, специализированные блог-платформы и иные «новые медиа». Успешность воздействия на адресата определяется числом подписчиков и посещаемостью ресурса. Формат интернет-коммуникации, безусловно, усиливает воздействие на реципиента, создаёт эффект тесного взаимодействия с аудиторией.

Исследование подготовлено при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Судебная лингвистическая экспертиза поликодовых текстов в аспекте оценки их деструктивного информационного воздействия» (№ Г24-008).

Литература

1. Панов, М. В. Русская фонетика / М. В. Панов. – М. : Просвещение, 1967. – 440 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
3. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 88–99.
4. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 308 с.
5. Дементьев, В. В. Изучение речевых жанров : обзор работ в современной русистике / В. В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 109–121.
6. Hymes, D. Sociolinguistics and the Ethnography of Speaking / D. Hymes // Social Anthropology and Language. – L., 1971. – P. 47–93.
7. Гольдин, В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи / В. Е. Гольдин // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 23–33.
8. Дубровская, О. Н. Сложные речевые события и речевые жанры / О. Н. Дубровская // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 97–102.
9. Долинин, К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К. А. Долинин // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 7–13.
10. Седов, К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К. Ф. Седов // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 35–73.
11. Вежбицка, А. Речевые жанры / А. Вежбицка // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 99–111.
12. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.
13. Громов, Д. В. Уличный театр молодёжной политики : оппозиционные движения / Д. В. Громов // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 1. – С. 19–30.

Репрезентация категории интенциональности в англо- и русскоязычном разговорном дискурсе

А.Э. ИВАНОВ

В статье рассматриваются средства вербализации категории интенциональности в англо- и русскоязычном разговорном дискурсе на примере стратегии солидаризации. Выявляются тактики, манифестирующие данную стратегию, определяется их типичное языковое воплощение, устанавливается связь коммуникативных целей и задач в кооперативном общении.

Ключевые слова: дискурсивная категория, интенциональность, кооперация, коммуникативные стратегии и тактики, солидаризация.

The article discusses verbal manifestation of intentionality, exemplified by the strategy of solidarization in English and Russian conversational discourse. The tactics associated with this strategy have been identified, the means of their verbalization have been revealed, the connection between communicative goals and tasks in cooperative interaction has been determined.

Keywords: discursive category, intentionality, cooperation, communicative strategies and tactics, solidarization.

В современной научной парадигме интенциональность текстовой и речевой деятельности находится в центре внимания различных гуманитарных дисциплин и их направлений. Интерес лингвистической науки к определению значения и места интенциональности в системе категорий дискурса объясняется актуальностью установления причинно-следственных связей между умственной и речевой деятельностью человека, указывающих на особое отношение между человеческим сознанием, языком и окружающим миром. В этой связи зачастую возникает ряд затруднений категориального характера, обусловленных сложившейся философской традицией, с одной стороны, и терминологией, принятой в лингвистике, с другой [1].

Традиционно в работах, посвященных лингвистическому изучению целеполагания речевой деятельности, интенциональность рассматривалась в рамках теории речевых актов. Дж. Серль ввел понятия внутренней и производной интенциональности, где первая разновидность представляет собой имманентное свойство реальных состояний сознания, а вторая непосредственно относится к высказываниям. Он также утверждал, что «каждое интенциональное состояние содержит некоторое репрезентативное содержание в определенном психологическом модусе» [2, с. 157]. И.П. Сусов в своих исследованиях рассматривает интенциональность как детерминанту содержательно-смыслового построения текста [3]. Н.Д. Павлова представляет интенциональность в качестве многоуровневой структуры, которая, в свою очередь, определяет смысловую неоднородность текста, т. е. интенциональность является системой интенций, состоящей из «предметных направленностей субъекта, образующих основу и глубинное психологическое содержание его речи, которое непосредственно связано с целями деятельности и видением мира субъектом, его желаниями, нуждами и установками» [4, с. 143].

При анализе разговорной речи мы придерживаемся определения интенциональности как основополагающей коммуникативной цели того или иного дискурсивного жанра, которое обуславливает семантическую структуру дискурса, выбор коммуникативной стратегии и языковых средств ее реализации, а также стилистически организует глобальное намерение субъекта коммуникации [5].

В качестве материала для анализа категории интенциональности в разговорном дискурсе был выбран разговорный диалог, поскольку на сегодняшний момент данная форма взаимодействия является наименее изученной с точки зрения целеполагания. Под разговорным диалогом мы понимаем «устное диалогическое спонтанное личностно ориентированное непосредственно коммуникативное взаимодействие в сфере неофициального бытового общения» [6, с. 46]. Замысел, определяемый в качестве «довербальной структуры, мотивирующей

тип разговорного диалога и структурно-содержательные особенности текста, порождаемого в коммуникации» [6, с. 131], регулируется двумя ведущими типами намеренности, или мотивированности, речевой деятельности в разговорном дискурсе – нефатическим и фатическим.

Нефатическая макроинтенция направлена на решение некоммуникативной задачи, т. е. практической, интеллектуальной или познавательной задачи, осуществляемой средствами коммуникативного взаимодействия участников диалога. Фатическая макроинтенция, в свою очередь, определяется «типом стратегической цели, характеризующей общение ради поддержания контакта, общение ради удовольствия от общения, взаимодействие, ориентированное на общение, общение, цель которого в нем самом» [7, с. 54]. В данном случае основной целью участников диалога является поддержание межличностных отношений на определенном уровне, который бы удовлетворял обоих коммуникантов.

Следует принимать во внимание, что исследуемый материал является примером реализации фатической функции языка. В узком понимании фатическая коммуникация представляет собой не процесс общения в целом, а лишь этикетные стандартизированные реплики, которые обеспечивают успешность диалогического взаимодействия [7]. Однако для данной работы более релевантно широкое понимание фатической коммуникации «как разновидности речи, способствующей созданию дружеских, гармоничных отношений, единения согласия между общающимися» [7, с. 56]. Другими словами, отобранные образцы разговорных диалогов, демонстрирующие актуализацию кооперативных стратегий, представляют собой отдельный тип межличностного взаимодействия, объединяющий фатическое и информативное общение и направленный на поддержание гармоничных отношений в широком смысле.

Как уже было отмечено выше, интенциональность определяет выбор той или иной стратегии как некоторой «совокупности запланированных действий, ориентированных на достижение общей коммуникативной цели» [8, с. 109], и тактики как определенного «этапа манифестации стратегии, который направлен на решение той или иной коммуникативной задачи, соответствующей стадии общения» [9, с. 5]. Важным представляется и тот факт, что замыслы участников диалога могут совпадать или не совпадать, а следовательно, речевые поступки коммуникантов могут быть согласованными, или кооперативными, т. е. направленными на достижение коммуникативной цели взаимоприемлемыми средствами, или несогласованными, что может привести к конфликту или конфронтации [6]. Тем самым цель настоящей статьи – установить языковые средства и способы реализации категории интенциональности в англо- и русскоязычных разговорных диалогах, демонстрирующих кооперативный способ речевого взаимодействия.

В результате анализа материала, состоящего из 200 диалогов на английском языке и 200 диалогов на русском, отобранных из художественных фильмов британского и белорусского производства, были выделены следующие стратегии: солидаризация, формирование доверительных отношений, создание образа и разрешение конфликта. В рамках данной работы в качестве примера актуализации категории интенциональности в разговорном дискурсе рассмотрим наиболее частотную стратегию – солидаризацию.

Стратегия солидаризации раскрывает суть выстраивания взаимоотношений между коммуникантами в кооперативном общении, а именно установку на адресата, отсутствие оппозиции «своего» и «чужого». В качестве основной коммуникативной цели при реализации данной стратегии выступает демонстрация единодушия и согласия с собеседником путем создания единого коммуникативного пространства. Стратегия солидаризации отражает основную составляющую кооперации – направленность на гармоничное речевое взаимодействие оптимальными средствами без нарушения интересов коммуникативных партнеров.

Приведем пример диалога на английском языке, демонстрирующего реализацию стратегии солидаризации.

Следующий разговор происходит на природе между двумя близкими подругами – Барбарой (коммуникант А) и Шебой (коммуникант Б), – обсуждающими некоторые моменты из прошлого друг друга.

A: *I tried to help, but she rather unraveled. She became alarmingly deluded.* ‘Я старалась помочь, но без толку. Она стала совершенно нелюдимою’.

Б: *Did she go to hospital?* ‘Она была у врача?’

А: *No. No, she got a job in Stoke.* ‘Нет. Нет, она нашла новую работу в Стоке’.

Б: *When was this?* ‘Когда это произошло?’

А: *Last summer. Though I feel I should have done more.* ‘Прошлым летом. Хотя мне кажется, что я сделала недостаточно’.

Б: *I'm sure she knows you did your best.* ‘Я уверена, что ты сделала все, что могла’.

А: *Such a sensitive person. One conceals it, of course. People languish for years with partners who are clearly from another planet.* ‘Такая чувствительная. Все это, конечно, скрывают. Люди годами чахнут с людьми, которые им не подходят’.

Б: *Mmm.* ‘Ммм’.

А: *We want so much to believe that we've found our other. <...> I dreamt I'd be someone to be reckoned with, you know, in the world. But one learns one's scale. I've such a dread of ending my days alone.* ‘Мы так хотим верить, что мы нашли вторую половину. <...> Я мечтала, чтобы со мной считались. Но каждый познают свою меру. Я так боюсь умереть в одиночестве’.

Б: *Yes. We all do.* ‘Да. Мы все боимся’.

А: *But recently I've allowed myself to think that I may not be. Am I wrong?* ‘Но недавно я стала думать, что этого не произойдет. Я ошибаюсь?’

Б: *No-no-no* [Диалог из х/ф «Notes on a Scandal»].

В данном диалоге тесно переплетаются две кооперативные стратегии – солидаризации и искренности. При этом каждая из них имеет свое тактическое и языковое выражение. Так, один из коммуникантов использует **тактику выражения обеспокоенности** (*I've such a dread of ending my days alone*), в то время как другой использует **тактики выражения согласия и создания мы-общности** (*Yes. We all do*). Стратегия солидаризации также реализуется тактикой **обещания-уверения** (*No-no-no*).

Рассмотрим пример диалога на русском языке.

Следующий разговор происходит между двумя друзьями – коммуниканты А и Б. Одному из них нездоровится, другой проявляет заботу и поддержку.

А: *Полечка, она хорошая, просто одинокий ребенок. Вот у тебя поясницу заломит, ты сходи к ней. Она поможет. Рукой проведет, и сразу полегчало.*

Б: *Ну, ладно, верю, попробую потом. Может, она и будущее видит?*

А: *Может, и видит. А ты простыл что ли?*

Б: *А черт его знает...*

А: *Пойдем, я тебе настойку свою дам. Пойдем со мной.*

Б: *Пойдем, авось поможет. Только аллергия у меня. На тебя!*

А: *Да не бурчи уж* [Диалог из х/ф «Белые Росы. Возвращение»].

В данном диалоге коммуникативные цели участников общения совпадают: поддержать друг друга и укрепить межличностные отношения. Стратегия солидаризации репрезентирована следующими тактиками: **совет** (*ты сходи к ней*), **интимизация** (*Полечка*), **выражение согласия** (*ладно, попробую потом*), **призыв к совместному действию** (*пойдем*), **обещание-уверение** (*она поможет*).

Тактика выражения согласия является центральной в реализации стратегий кооперации как в русском языке, так и в английском. В целом тактику согласия зачастую рассматривают как вариант языковой манифестации позитивной реакции адресата на мнение или изъявление воли адресанта [10]. Данная кооперативная тактика может также использоваться для контроля за процессом восприятия. Основными средствами актуализации данной тактики в англо- и русскоязычном дискурсе выступают лексемы и словосочетания с различными модальными значениями (*of course, exactly, surely, absolutely, shall will, конечно, безусловно, без всяких сомнений*), наречия и прилагательные с положительной семантикой (*excellent, perfect, здорово, классно*), некоторые устойчивые конструкции и идиомы, краткие ответы и их разговорные варианты, полный или частичный повтор реплики партнера. Также коммуникантам-носителям английского языка свойственно комбинирование средств, выражающих согласие, с глаголами речемыслительной деятельности, например, *suppose* ‘предполагать’, *know*

‘знать’, *think* ‘считать’. Следует отметить, что по своему функциональному потенциалу данная тактика неоднородна и может формировать несколько сценариев в сочетании с другими репликами. Так, основными сценариями являются: согласие выполнить некоторое действие, присоединение к мнению коммуникативного партнера, подтверждение информации, излагаемой в предыдущей реплике, а также одобрение слов собеседника. Реплике, выражающей согласие совершить действие, как правило, предшествует реплика, содержащая директивный речевой акт: (А) «*All I want now is for you to just come to the party tomorrow*». ‘Я просто хочу, чтобы ты завтра пришел на вечеринку’. – (Б) «*Of course, I will*». ‘Конечно, я приду’ [Диалог из х/ф «45 Years»]. Если один из коммуникантов присоединяется к мнению своего собеседника, то высказывание, содержащее согласие, следует за репликой, соответствующей речевому акту репрезентатива: (А) «*Ну, это уже ни в какие рамки. Кем он себя возомнил?!*» – (Б) «*Да, вот-вот, согласен. Ну, что поделаешь?*» [Диалог из х/ф «Любовь и партнерство»]. Тактика согласия является центральной для солидаризации, поскольку в ее основе лежит интенция продемонстрировать единодушие с собеседником, подтвердить правильность его мнения, готовность выполнить просьбу для создания общего коммуникативного пространства.

Еще одной частотной тактикой как в корпусе диалогов на русском языке, так и в корпусе диалогов на английском языке стала **тактика утешения**, основной задачей которой является стремление ослабить или устранить эмоциональное состояние, в котором находится адресат, принести партнеру облегчение и успокоение, наладить сотрудничество с формированием более близких отношений внутри коммуникативного круга. По своей структуре тактика утешения может быть признана комплексной, поскольку зачастую состоит из двух компонентов: косвенного или явного убеждения и аргументированного сообщения, которое некоторыми исследователями расценивается как экспликация тактики аргументации. Тем не менее утешение, дополненное аргументацией, служит не только логическим завершением данной речевой тактики, но и выполняет функцию ее необходимого конституента. Первый компонент тактики утешения, как правило, выражается формами побудительного наклонения глаголов со значением «перестать проявлять отрицательные эмоции или чувства». В английском языке побуждение также может быть выражено некоторыми модальными глаголами. Это означает, что можно также выделить следующие сценарии реализации комплексной тактики утешения: утешение + уверение в стабилизации или улучшении ситуации («*Don't fuss about it. The situation will clear itself out. The only thing is to wait*». ‘Не суетись. Все разрешится само собой. Единственное, что остается, это подождать’ [Диалог из х/ф «The Iron Lady»]), утешение + призыв к действию («*Ладно, успокойся, не надо, не надо... Давай пойдём, выпьем чаю, мы можем вместе даже в магазин сходить*» [Диалог из х/ф «Любовь и партнерство»]), утешение + ссылка на авторитетность («*Oh, stop it, please. Don't cry. Doctors said that it's not really serious. Everything will be fine*». ‘Пожалуйста, не надо. Не плачь. Врачи сказали, что ситуация не очень серьезная. Все будет хорошо’ [Диалог из х/ф «Notes on a Scandal»]), утешение + ссылка на незначительность проблемы («*Не отчаивайся. Ничего страшного не случилось. А этот Миша даже не заслуживает твоего внимания*» [Диалог из х/ф «Белорусский психопат»]).

Тактика выражения обеспокоенности и заботы используется для установления более близкого контакта и налаживания взаимоотношений. В ее основе лежит интенция передать собственное эмоциональное состояние и установить истинное эмоциональное состояния партнера по коммуникации, демонстрируя свое неравнодушие. Тактика выражения обеспокоенности и заботы направлена на то, чтобы показать коммуниканту, что его судьба волнует говорящего. Данная тактика может быть обусловлена реальным интересом или этикетным вниманием. Тактика выражения обеспокоенности и заботы как в русском, так и в английском языке актуализируется при помощи вопросительных высказываний различных коммуникативных типов, выражающих искреннюю заинтересованность в психологическом состоянии партнера по коммуникации. Также активно используются лексико-грамматические группы имен, обозначающие беспокойство, сочувствие, сожаление (*feel sorry, care, worry, переживать, заботиться, волноваться*). Например, в следующем диалоге коммуникант (А) беспокоится по поводу финансового положения собеседника (Б): (А) «*Do you need money?*» ‘Тебе

нужны деньги?» – (Б) «*God, no. No, I'm fine. It's very sweet of you to ask, but I don't*». ‘Боже, нет. Нет, все хорошо. Ты очень добра ко мне, но мне не нужны деньги’. – (А) «*I'm only asking because I care about you...*» ‘Я спрашиваю только потому, что волнуюсь за тебя...’ [Диалог из х/ф «Match Point»]. Следует также отметить, что в разговорном дискурсе на двух языках данная тактика может использоваться в комплексе с тактикой интимизации для дальнейшего сокращения коммуникативного пространства между участниками общения. Интимизация вербализуется собственными и нарицательными существительными с уменьшительно-ласкательными суффиксами: (А) «*Как ты себя чувствуешь, мой маленький?*» – (Б) «*Уже горздо лучше*» [Диалог из х/ф «Бальное платье»]. Ни в русском, ни в английском корпусе диалогов не было зарегистрировано случаев употребления этикетной тактики выражения обеспокоенности и заботы, при осуществлении которой инициальные, или акциальные, и реактивные реплики говорящих могут принимать односложную форму, а некоторые вопросы коммуниканты задают, не выслушав ответа на предыдущие.

Реализация любой кооперативной стратегии предполагает высокий уровень понимания коммуникантами проблем и текущих потребностей друг друга, что приводит к выражению намерения взять на себя ответственность и некоторые обязательства (при помощи модальных глаголов и иной лексики с семантикой возможности, вопросительных высказываний), которые позволяют разрешить сложности, возникшие у одного или обоих партнеров по речевой интеракции. Данные признаки являются дистинктивными для **тактики демонстрации готовности к сотрудничеству**. Приведем пример диалога на английском языке: (А) «*Come on, tell me if I can do anything for you*». ‘Давай, скажи мне, если я могу сделать для тебя что-нибудь’. – (Б) «*Yeah, get me out of here!*» ‘Да, вытащи меня отсюда!’ [Диалог из х/ф «Breathe»]. Повелительные высказывания в некоторых случаях комбинируются с косвенными вопросами: (А) «*Ты скажи мне, если деньги нужны. Только скажи. Мои деньги твои – твои деньги*». – «*Да не в деньгах дело...*» [Диалог из х/ф «Рифмуется с любовью»]. Тактика демонстрации готовности к сотрудничеству может использоваться в сочетании с **тактикой создания мы-общности**, актуализируемой местоимениями 1 лица множественного числа и их производными формами, а также соответствующими глагольными формами, и **тактикой призыва к совместному действию**, реализуемой формой повелительного наклонения «давай, давайте» в русском языке, «let's» в английском языке, и формами 2 лица множественного числа (*we will solve the problem, we'll definitely crack this: мы сделаем это вместе*).

При консолидации коммуникативных целей и создания общего пространства общения участники диалогов стараются убедить партнера по интеракции в скором улучшении неблагоприятной на данный момент ситуации, тем самым стабилизируя его эмоциональное состояние и оптимизируя коммуникативное поведение в целом. Данная интенция соответствует **тактике обещания-уверения**. Непосредственным языковым выражением тактики может быть прямой перформативный речевой акт «я уверяю» или «I assure you». В диалогах на английском языке, в свою очередь, тактика уверения вербализировалась следующим образом: модальные глаголы, выражающие различную степень уверенности, и формы простого будущего времени в сочетании с местоимениями 2-ого лица; наречия, передающие различную степень уверенности; лексические повторы. Примером реализации обещания-уверения служит следующий отрывок: (А) «*I am so late!*» ‘Я так опаздываю’. – (Б) «*It's just round the corner, you'll make it*». ‘Это за углом, ты успеешь’ [Диалог из х/ф «Love Actually»]. Кроме того, в корпусе диалогов на русском языке для актуализации данной тактики используются такие языковые средства: формы простого будущего времени в сочетании с местоимениями 2-ого и 3-ого лица; наречия, характеризующиеся различной степенью уверенности. В качестве примера можно привести отрывок: (А) «*Так он даст тебе денег?*» – (Б) «*Конечно, даст. Если я попрошу, даст!*» [Диалог из х/ф «Рифмуется с любовью»].

Некоторые тактики реже встречаются в исследуемых диалогах, однако также требуют внимательного изучения. Рассмотрим пример «*I think you should talk to her, it would be the best option by no means*». ‘Я думаю, тебе следует поговорить с ней, в любом случае это будет лучше всего’ [Диалог из х/ф «Philomena»], в котором **тактика совета** репрезентируется

при помощи модального глагола *should*. Следующая фраза коммуниканта «*Я принес тебе цветы. Надеюсь, это поможет прояснить наши отношения*» [Диалог из х/ф «Бальное платье»] служит примером речевого сопровождения действия, совершаемого участником интеракции. **Тактика комментирования позитивного действия**, при реализации которой коммуникант (А) совершает действие в пользу коммуниканта (Б) и вербализует его в диалоге, может использоваться для улучшения статуса отношений или нейтрализации конфронтации. В речи носителей английского и русского языков наравне с употреблением местоимений первого лица множественного числа может регистрироваться использование местоимений третьего лица, сочетающихся с негативной характеристикой говорящих. Следующий фрагмент диалога на английском языке показывает, как коммуниканты выражают совместное неодобрение по поводу действий третьего лица, не участвующего в общении, тем самым реализуя **тактику противопоставления они-общности**: (А) «*Look at them, they don't understand what they are doing. To add to that, they causing a lot of troubles*». «Глянь на них, они не понимают, что делают. Более того, еще и столько бед приносят». – (Б) «*Totally agree. We have to do something about it. They are so different, don't really fit the house. Let's think...*» «Абсолютно согласна. Мы должны что-то предпринять. Они так отличаются, не вписываются в этот дом. Давай-ка подумаем...» [Диалог из х/ф «Keeping Mum»]. В данном случае участники речевой интеракции формируют единое коммуникативное пространство, координируя свои действия и противопоставляя себя лицам, не участвующим в общении. Рассмотрим следующий фрагмент русскоязычного диалога: (А) «*И как оно? Качает ведь?*» – (Б) «*Качает не то слово. Отличный аппарат*» [Диалог из х/ф «Бальное платье»]. В приведенном примере коммуниканты реализуют **тактику выбора общего кода коммуникации**, используя языковые средства (*качает, аппарат*), свойственные определенной социальной группе, к которой относят себя партнеры по общению.

Частотность употребления тактик, актуализирующих стратегию солидаризации в англо- и русскоязычном разговорном дискурсе, представлены в следующей таблице:

Тактика	Англ. яз. (%)	Рус. яз. (%)
Согласие	24,7	21,8
Утешение	19,3	15,9
Выражение обеспокоенности и заботы	15,3	16
Обещание-уверение	12	11,1
Демонстрация готовности к сотрудничеству	7,4	9,2
Создание мы-общности	5,1	5,7
Призыв к совместному действию	5,1	6,7
Интимизация	5	6,2
Комментирование позитивного действия	2,5	3,6
Совет	2	3
Противопоставление они-общности	1,7	1,5
Выбор общего кода коммуникации	0,9	0,5
Всего	100	100

Из таблицы видно, что употребительность тактик сходна в двух языках. В исследуемом материале не были выявлены тактики, которые используются исключительно коммуникантами-носителями английского или русского языка.

Употребительность стратегии солидаризации англоговорящими коммуникантами в целом составила 46,5 %, в то время как русскоговорящие участники диалогов использовали данную стратегию с частотностью в 47,2 %. Таким образом, актуализация стратегии солидаризации в англоязычном разговорном дискурсе не имеет серьезных отличий от ее репрезентации в русскоязычном дискурсе. Тактики, реализующие рассматриваемую стратегию, носят однородный характер. Различия в языковом выражении некоторых тактик могут объясняться системно-структурными особенностями двух языков (например, использование модальных глаголов *will* и *shall* в английском языке для манифестации обещания-уверения, а также уменьшительно-ласкательные суффиксы в русском языке для обозначения тактики интими-

зации). Если в отдельных случаях выбор тех или иных языковых средств для реализации кооперативных тактик можно объяснить с точки зрения принадлежности коммуникантов к тому или иному языковому коллективу, то во многих ситуациях эти различия нивелируются в силу специфики разговорного дискурса и меньшей степени его стандартизации.

Можно утверждать, что категория интенциональности в разговорном дискурсе непосредственным образом связана с категорией стратегичности, поскольку она участвует в планировании и реализации стратегий, а также с категорией интегративности, которая обеспечивает смысловую связность разговорного диалога. Помимо прочего, интенциональность связана с категорией координации интенций коммуникантов, определяющей кооперативность либо конфронтационность их замыслов.

Литература

1. Кобозева, И. М. Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / И. М. Кобозева. – М., 2003. – 450 л.
2. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 151–169.
3. Сусов, И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И. П. Сусов // Языковое общение : Процессы и единицы. – Калинин : Из-во Калинин. ун-та, 1988. – С. 7–13.
4. Павлова, Н. Д. Коммуникативная функция речи : интенциональная и интерактивная составляющие : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Н. Д. Павлова. – М., 2000. – 295 л.
5. Карпилович, Т. П. Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
6. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог : структура и динамика / И. Н. Борисова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2009. – 408 с.
7. Федотова, В. Ю. Функционально-прагматическая характеристика фатических стратегий французского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / В. Ю. Федотова. – Пятигорск, 2004. – 140 л.
8. Иссерс, О. С. Речевое воздействие : учеб. пособ. / О. С. Иссерс. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 224 с.
9. Сковородников, А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А. П. Сковородников // Риторика ↔ Лингвистика : сб. ст. / Смол. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Э. М. Береговская. – Смоленск, 2004. – Вып. 5. – С. 5–12.
10. Горшкова, Е. И. Коммуникативные тактики согласия в интернет-коммуникации (на примере блогов) / Е. И. Горшкова // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2012. – № 3 (32). – С. 107–112.

Жанр поэмы в поэзии Великой Отечественной войны

Н.В. ИВАНОВА

Статья посвящена особенностям жанра поэмы в поэзии Великой Отечественной войны. Обоснованы следующие черты жанра: отсутствие эпической дистанции; хроникальность; автор – современник, очевидец или активный участник событий, либо создаёт произведения на основе мемуаров; тенденциозность; авторская позиция крайне субъективна и эмоционально окрашена; в «импрессионистическом» тексте нет чёткого повествовательного сюжета. Жанр военной поэмы, тяготеющей к публицистике, можно определить как поэму-эссе.

Ключевые слова: жанр поэмы, Великая Отечественная война, отсутствие эпической дистанции, хроникальность, тенденциозность, «импрессионистический» текст, поэма-эссе.

The article is devoted to the features of the poem genre in the poetry of the Great Patriotic War. The following features of the genre are substantiated: the absence of epic distance; chronicle; the author is a contemporary, an eyewitness or an active participant in the events, or creates works based on memoirs; tendentiousness; the author's position is extremely subjective and emotionally colored; in the «impressionistic» text there is no clear narrative plot. The genre of the war poem, gravitating towards journalism, can be defined as the essay poem.

Keywords: poem genre, Great Patriotic War, lack of epic distance, chronicle, tendentiousness, «impressionistic» text, poem-essay.

Поэзия Великой Отечественной войны – уникальный культурный феномен, наследие трагической эпохи, породившей и бесчисленные бедствия, и массовый героизм советского народа. «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье», – эти строки С. Есенина [1] как нельзя лучше подходят для оценки значимости военной поэзии. Полёт совы начинается с приходом сумерек. Объективная оценка сути и значимости любого явления культуры, словно плод на дереве, созревает ровно в своё время. Только значительная временная дистанция позволяет объективно осмыслить любой культурный феномен.

На наш взгляд, сегодня, в начале третьего тысячелетия, спустя более восьми десятков лет после начала Великой Отечественной войны, настало время исследования военной поэзии с точки зрения именно художественной. По прошествии почти века появилась потребность осмыслить поэтическое наследие Великой Отечественной в потоке мирового литературного процесса, исследовать генезис и межкультурные связи системы художественных образов военной поэзии.

Парадоксально, но до сегодняшних дней поэзия Великой Отечественной войны в плане именно художественного анализа – это, практически, terra incognita. По совершенно объективным причинам и во время войны, и в послевоенные годы во главу угла ставился анализ именно содержания стихотворных текстов, их политкорректность и степень идеологического воздействия. Советское литературоведение, при всех его положительных качествах, действовало в рамках жёсткой официальной идеологии, что зачастую не позволяло оценить художественную значимость литературных произведений. Некоторые великолепные поэты (И. Деген, например), творчество которых не вписывалось в рамки советской идеологии, были преданы остракизму и попросту вычеркнуты из литературного контекста. К сожалению, к началу Перестройки (середина 80-х гг. прошлого века) военная поэзия покрылась хрестоматийным глянцем и отошла на второй план на фоне шквальной волны интереса к Возвращённой литературе вообще и к наследию Серебряного века в частности. Ситуация усугубилась в 90-е гг. прошлого века, когда после распада СССР стали типичными попытки обесценивания советской литературы как таковой.

Однако всё подлинное и настоящее всегда выигрывает поединком с вечностью. Золотой запас не подвержен коррозии, а элитные вина со временем становятся драгоценными. Выдержала испытание временем и поэзия Великой Отечественной войны. «Совершенно уникальное

явление – лирическая поэзия, фронтовая поэзия, которая, по сути дела, длилась более полувека, более полувека шла просто настоящая окопная лирика, – подчёркивал поэт-фронтовик К.Я. Ваншенкин. – Такого нет ни в одной литературе мира: как будто бы всё ещё идёт война и с таким накалом очень много появлялось стихов, и сейчас, когда к 60-летию вышел целый ряд всевозможных антологий и сборников коллективных. Просто поражаешься, и часто не только самым известным именам, но и малоизвестным. Есть замечательные стихотворения с не слабеющим накалом фронтовой лирики, настоящей фронтовой лирики» [2, с. 391]. Прошедшие годы лишь сильнее выявили непреходящую ценность лучших образцов военной поэзии, источником вдохновения которой стали не надуманные ходульные страсти, а надрывный вопль души народа, истерзанного самой страшной и кровопролитной в истории человечества войной.

Как известно, история мировой литературы началась именно с героических поэм. Формат крупного эпического жанра оптимален для неспешного и величественного повествования о ратных подвигах легендарных времён. Ещё Гегель считал, что война как общественное состояние рождает эпическое искусство. «В самом общем плане, – говорил он, – можно указать на конфликт, вызванный *состоянием войны*, как на ситуацию, наиболее соответствующую эпосу» [3, с. 440]. Парадоксально, но, по сути, ни во время Великой Отечественной войны, ни до сих пор не создано масштабного героического эпоса уровня «Илиады» или «Рамаяны».

Мы полагаем, дело здесь не в отсутствии талантливых стихотворцев. Великая Отечественная война для нашего народа – отнюдь не легенда, а страшная реальность, покалечившая каждую семью. Именно поэтому в поэзии Великой Отечественной войны преобладают лирические жанры. Даже сам А. Твардовский определил жанр своей поэмы «Дом у дороги» как лирическую хронику. Немногочисленные поэмы о войне, созданные в послевоенное время («Верность» О. Берггольц, «Бабий Яр» Е. Евтушенко и «Реквием» Р. Рождественского, например) можно рассматривать как лирические поэмы в чистом виде. И сегодня, спустя почти 80 лет, эпическая дистанция не преодолена.

Если поэзия Великой Отечественной войны в целом тяготеет к малым жанрам, то уже в 1941 г. появляется ещё не поэмы, но уже циклы стихотворений С. Острового «Первые письма» и А. Тарковского «Чистопольская тетрадь». «Точкой отсчёта» собственно военной поэмы можно считать вполне конкретную дату – 1942 г. Именно в 1942 г. практически одновременно были написаны следующие поэмы:

- «Зоя», М. Алигер;
- «Ленинградская поэма», О. Берггольц;
- «Февральский дневник», О. Берггольц;
- «Пулковский меридиан», В. Инбер;
- «Слово о 28 гвардейцах», Н. Тихонов;
- «Город гнева», А. Яшин.

Кроме этого, именно в 1942 г. А. Твардовский начал создание двух своих величайших творений: поэм «Василий Тёркин» (1942–1945 гг.) и «Дом у дороги» (1942–1945 гг.).

Эстафета была продолжена: в 1943 г. П. Антокольский пишет поэму «Сын»; в 1944 г. О. Берггольц создаёт «Памяти защитников», в 1945 г. – «Твой путь»; в 1953 г. Г. Поженян пишет поэму «Вперёдсмотрящий», в 1945 г. С. Орлов создаёт «Командира танка», в 1961 г. Е. Евтушенко – «Бабий Яр», в 1962 г. был написан «Реквием» Р. Рождественского.

Проблема жанровой принадлежности данных произведений вызывает много споров. В соответствии с литературным канонами это, конечно, именно поэмы, потому что здесь провозглашаются общественные идеалы: патриотизм, мужество, отвага, самоотверженность. Но, по нашему мнению, данные произведения имеют отличительные особенности, позволяющие выделить их в отдельный ряд.

Кроме произведений А. Твардовского, все перечисленные выше поэмы посвящены реальным людям и конкретным событиям, очевидцами и непосредственными участниками которых были сами авторы:

- «Зоя» [4] – подвигу замученной фашистами девушки-подпольщицы Зои Космодемьянской;
- «Сын» [5] – памяти погибшего юного сына П. Антокольского Владимира;
- «Ленинградская поэма» [6], «Февральский дневник» [7], «Памяти защитников Ленинграда» [8], «Твой путь» [9], «Пулковский меридиан» [10] – блокаде Ленинграда;

- «Слово о 28 гвардейцах» [11] – панфиловцам, защитникам Москвы;
- «Город гнева» [12] – Сталинградской битве;
- «Бабий Яр» [13] – об уничтожении евреев в Киеве;
- «Вперёдсмотрящий» [14] – об операции по восстановлению водоснабжения в осаждённой Одессе;
- поэма «Командир танка» [15] посвящена памяти Героя Советского Союза гвардии лейтенанта Ивана Малозёмова, товарища юности С. Орлова.

Эти поэмы создавались современниками, очевидцами тех трагических событий. Многие авторы были фронтовиками, военными корреспондентами. В то же время это – не бесстрастная документальная хроника. Автор выступает отнюдь не как летописец, отстранённо фиксирующий событийный ряд. Данные произведения крайне субъективны, в них ярко проявлен лирический герой, страстный патриот и антифашист, который не просто излагает факты, но и эмоционально интерпретирует их. Поэмы проникнуты героическим пафосом; их предназначение – мощный эмоциональный призыв бороться со вражеским нашествием.

На наш взгляд, военные поэмы своей документальностью и тенденциозностью приближаются к публицистике, однако не становясь ею. Отражая боль и надежду своей эпохи, они выходят далеко за рамки злободневности, хроникальности и социального заказа. Это полноценные произведения литературы, значение которых со временем лишь возрастает, переводя их в разряд вечных ценностей, потому что здесь мы слышим голос души измученного, но не сломленного народа.

В данных поэмах нет чётко обозначенного повествовательного сюжета. По сути, это отдельные эпизоды, многочисленные микросюжеты, объединённые общей темой. По нашему мнению, их тексты можно считать импрессионистическими: это расположенные в вольном порядке факты настоящего, эмоции, воспоминания, сентенции, предчувствия, пророчества и т. д. На наш взгляд, это можно сравнить с прозой «потока сознания». Хаотичный, на первый взгляд, текст, тем не менее, имеет свою логику: здесь правит не холодный разум, а пламенное сердце борца-антифашиста.

Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что жанр поэмы, написанной во время Великой Отечественной войны, можно определить как поэму-эссе.

Особый интерес вызывает определение жанра поэмы А.Т. Твардовского «Василий Тёркин»: у самого автора при определении жанровой принадлежности своего произведения возникали трудности. Подзаголовок «поэма» фигурировал только в первых публикациях отдельных глав в газете «Красноармейская правда». Сам Твардовский в главе «От автора» иронически обыгрывает своеобразие композиции:

*...книга про бойца.
Без начала, без конца,
Без особого сюжета,
Впрочем, правде не во вред.
На войне сюжета нету... [16, с. 7].*

И сразу заявляет:

*Словом, книгу с середины
И начнём. А там пойдёт [16, с. 7].*

Твардовский писал: «Я недолго томился сомнениями и опасениями относительно неопределённости жанра, отсутствия первоначального плана, обнимающего всё произведение наперёд, слабой сюжетной связанности глав между собой. Не поэма – ну и пусть себе не поэма, решил я; нет единого сюжета – пусть себе нет, не надо; нет самого начала вещи – некогда его выдумывать; не намечена кульминация и завершение всего повествования – пусть, надо писать о том, что горит, не ждёт, а там видно будет, разберёмся» [17, с. 259].

«Василий Тёркин» состоит из 29 самостоятельных глав, не связанных жёсткой фабулой (включая главу «О себе» и четыре главы «От автора»). Единый связный сюжет отсутствует. По словам автора, это «некая летопись – не летопись, хроника – не хроника, а именно “книга”, живая, подвижная, свободная по форме книга, неотрывная от реального дела» [17, с. 265].

Налицо уподобление поэмы летописи или хронике. В подзаголовке значится «Книга про бойца», что в русле мифологичности как крайней степени обобщённости данной книги в целом воспринимается как аллюзия на Книгу Ветхого Завета и его отдельные составляющие.

Неупорядоченность и незавершённость композиции, «импрессионистический» текст, свободно переходящий от фактов к ассоциациям, эмоциям и философским отступлениям, обилие персонажей, разговорные интонации, диалогичность, эффект доверительной беседы – все эти особенности «Василия Тёркина» являются ярко выраженными признаками эссе – жанра, стоящего на границе публицистики и собственно художественной литературы. По нашему мнению, жанр «Василия Тёркина» можно определить как поэму-эссе.

Литература

1. Есенин, С. А. Письмо к женщине [Электронный ресурс] / С. А. Есенин. – Режим доступа : <https://www.culture.ru/poems/43511/pismo-k-zhenshine>. – Дата доступа : 02.12.2022.
2. Война в славянской литературе : сб. науч. ст. / сост. И. Н. Афанасьев. – Мозырь : ООО ИД «Белый Ветер», 2006. – 402 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика : в 4 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Искусство, 1971. – Т. 3. – 621 с.
4. Алигер, М. Зоя [Электронный ресурс] / М. Алигер. – Режим доступа : <https://www.culture.ru/poems/33676/zoa>. – Дата доступа : 01.10.2022.
5. Антокольский, П. Сын / П. Антокольский. – М. : Правда, 1946. – 31 с.
6. Берггольц, О. Ленинградская поэма [Электронный ресурс] / О. Берггольц. – Режим доступа : <https://www.culture.ru/poems/41392/leningradskaya-poema>. – Дата доступа : 17.10.2022.
7. Берггольц, О. Февральский дневник [Электронный ресурс] / О. Берггольц. – Режим доступа : <https://www.culture.ru/poems/41425/fevralskii-dnevnik>. – Дата доступа : 10.11.2022.
8. Берггольц, О. Памяти защитников Ленинграда [Электронный ресурс] / О. Берггольц. – Режим доступа : <https://www.culture.ru/poems/41479/pamyati-zashitnikov>. – Дата доступа : 08.10.2022.
9. Берггольц, О. Твой путь [Электронный ресурс] / О. Берггольц. – Режим доступа : <https://pitzmann.ru/berggolts-twoi.htm>. – Дата доступа : 08.10.2022.
10. Инбер, В. Пулковский меридиан / В. Инбер. – М. : Гослитиздат, 1944. – 34 с.
11. Тихонов, Н. Слово о 28 гвардейцах / Н. Тихонов // Избранные произведения : в 2 т. – М. : Гослитиздат, 1953. – Т. 1. – С. 530–543.
12. Яшин, А. Город гнева / А. Яшин. – М. : Молодая гвардия, 1943. – 44 с.
13. Евтушенко, Е. Бабий Яр [Электронный ресурс] / Е. Евтушенко. – Режим доступа : <https://www.culture.ru/poems/26226/babii-yar>. – Дата доступа : 17.10.2022.
14. Поженян, Г. Вперёдсмотрящий / Г. Поженян. – М. : Сов. писатель, 1955. – 100 с.
15. Орлов, С. Командир танка / С. Орлов // Родина. – 2018. – № 2. – С. 12–14.
16. Твардовский, А. Василий Тёркин / А. Твардовский. – М. : Наука, 1976. – С. 5–226.
17. Твардовский, А. Как был написан «Василий Тёркин» / А. Твардовский. – М. : Наука, 1976. – С. 229–283.

Літаратурна-крытычная і публіцыстычная творчасць Максіма Багдановіча як сродак фарміравання яго іміджу

К.А. КРЫЦУК-ТАРАСАВА

У артыкуле даследуецца літаратурна-крытычная і публіцыстычная дзейнасць Максіма Багдановіча як сродак фарміравання яго вобраза-іміджу. Падробязна разгледжана публіцыстычная і крытычная дзейнасць аўтара, прааналізаваны яе ўплыў на публічны вобраз аўтара, на яго стратэгіі (сама)пазіцыянавання.

Ключавыя словы: багдановічазнаўства, літаратурна-крытычная дзейнасць, публіцыстыка, самапазіцыянаванне, публічны вобраз аўтара.

The article examines Maksim Bogdanovich's literary-critical and journalistic activity as a means of forming his image. The author's journalistic and critical activities are examined in detail, their influence on the author's public image, on his (self-)positioning strategy is analyzed.

Keywords: Bogdanovich studies, literary and critical activity, journalism, self-positioning, public image of the author.

Найбольш актыўна рэпрэзентацыя творцы ў полі культуры выяўляецца ў працэсе аналізу вобраза пісьменніка-літаратуразнаўцы. Літаратурна-крытычныя, публіцыстычныя артыкулы пэўнага аўтара даюць магчымасць прасачыць адначасова развіццё і фарміраванне яго прыродных здольнасцей і прыдбanych рыс, а таксама дынаміку (сама)пазіцыявання ў прафесійным коле.

Літаратурна-крытычная і публіцыстычная дзейнасць Максіма Багдановіча даследавалася не так актыўна, як яго творчая спадчына. Да гэтай тэмы звярталіся такія даследчыкі, як А. Лойка (працы «Даследчык славяншчыны. Публіцыст. Празаік» [1]; «Максім Багдановіч і літаратурны працэс» [2]), Н. Лапідус («М. Багдановіч – літаратурны крытык» [3]), М. Мушынскі («Навуковая і літаратурна-крытычная спадчына М. Багдановіча» [4]), В. Рагойша («Вяршыні: з невядомага і забытага пра Янку Купалу, Якуба Коласа, Максіма Багдановіча» [5]), Т. Вабішчэвіч («Праблема прафесіяналізацыі нацыянальнага слоўнага мастацтва ў літаратурна-крытычных працах М. Багдановіча» [6]) і іншыя. Аднак пазіцыяванне асобы Максіма Багдановіча ў літаратурнай супольнасці, або той вобраз паэта, які складваецца ў свядомасці чытачоў яго твораў (у тым ліку літаратурна-крытычных і публіцыстычных матэрыялаў), яшчэ не вывучаліся як складнік спецыяльнага адгалінавання багдановічазнаўства на мяжы з імагалогіяй. У сваім даследаванні мы разгледзім той вобраз-імідж Максіма Багдановіча, які ствараюць яму яго ўласная літаратурна-мастацкая крытыка і публіцыстыка.

Пры комплексным прачытанні літаратурна-крытычных і публіцыстычных тэкстаў паэта ў іх можна вылучыць пяць тэматычных блокаў: тэксты, накіраваныя на аналіз агульналітаратурных з'яў і працэсаў, тэксты аўтарскай крытыкі (пра творы рускіх, беларускіх і іншых пісьменнікаў), тэксты маральна-этычнай тэматыкі, публіцыстычныя тэксты журналісцкага характару на агульнапалітычную тэматыку, а таксама праблемныя артыкулы. Падобная тэматычная разнастайнасць у зацікаўленнях Максіма Багдановіча ўжо выяўляе крытыка-літаратуразнаўцу, публіцыста як рознабаковага, эмпатычнага чалавека з шырокім полем прафесійных кампетэнцый.

Жанравае размежаванне ў літаратурна-крытычнай і публіцыстычнай дзейнасці Максіма Багдановіча таксама адыгрывае вялікую ролю ў працэсе фарміравання яго вобраза-іміджу. Так, сам аўтар вызначаў наступныя жанры ўласнай творчасці: публіцыстыка, літаратурна-крытычныя артыкулы, рэцэнзіі і нататкі. Усяго мы разгледзелі 103 тэксты з крытычным пафасам. З іх уласна публіцыстычныя 45, літаратурна-крытычныя артыкулы 20, рэцэнзіі і нататкі 38.

Неабходна зазначыць, што з усіх жанравых груп вылучаецца і адасабляецца востра-актуальная для свайго часу публіцыстыка Максіма Багдановіча. Большасць тэкстаў у ёй

прадстаўлена на рускай мове і ахоплівае вельмі шырокі спектр падзей, пра якія піша аўтар. Сярод іх можна вызначыць шэраг тэкстаў пра дзейнасць Мінскага аддзела «Беларускага таварыства для помачы пацярпелым ад вайны», матэрыялы, звязаныя з Галіцыяй і іншымі рэгіёнамі сучаснай Украіны, чый статус мяняўся ў ходзе Першай сусветнай вайны, сустракаюцца тэксты, якія ўзнімаюць «беларускае пытанне» (пытанне прызнання беларусаў нацыяй) і іншыя. Разгледзім некаторыя з іх.

Мова публіцыстыкі Максіма Багдановіча адрозніваецца вялікай разнастайнасцю. У залежнасці ад тэмы, якую ўзнімае аўтар, стыль можа змяняцца ад афіцыйнага, амаль навуковага да мастацка-публіцыстычнага. Параўнаем: «Есть два вида книжного ознакомления с какой-либо страной: можно обратиться или к цифрам, таблицам, конкретным фактам, или к живым пёстрым образам, запечатлённым в литературе художниками слова. Оба метода равно полезны и законны...» [7, с. 94] і «Нялёгка нам вытрымаць. Мы людзі цёмныя, людзі бедныя. Цяжкае наша жыццё, горкі наш хлеб, вялікую крыўду маем мы. Ёсць шляхі да лепшай долі, ды не бачым мы іх праз сваю цемнату» [8, с. 127]. Пры параўнанні гэтых фрагментаў мы ўбачым шырыню дыяпазону ў ідыястылі Максіма Багдановіча: ад грунтоўных, прадметных і эмацыйна стрыманых разваг пра аддаленыя рэчы да ўсхваляванага, інверсійнага выказвання ад імя мноства абяздоленых людзей, што выяўляе моцную трывогу аўтара пра аб'ект прамовы.

Асаблівасці стылю М. Багдановіча даюць магчымасць адчуць асабістае стаўленне аўтара тэкста да таго, пра што ён піша, а значыць, і вызначыць найбольш хвалюючыя тэмы, сярод якіх ярка вылучаецца тэма фарміравання і прызнання Беларусі як асобнай краіны. Пацверджанне гэтаму мы знаходзім і ў некаторых іншых тэкстах Максіма Багдановіча. Так у рэпліцы «О гуманизме и неосмотрительности» аўтар піша: «Прежде всего весьма оспоримым представляется мне утверждение г. Курнатовского, что попытки поднять белорусов на уровень нации оказались неудачными. Вернее обратное: они были очень удачны <...>. За недолгий срок, всего лишь какие-нибудь восемь лет, была создана белорусская пресса, издано несколько сот тысяч экземпляров брошюр и книг, возвращены кадры белорусской народной интеллигенции, и на неё прочно опирается дело национального возрождения.<...> И это не просто литература для народа, это в то же время литература самого народа, ибо она результат писательского труда многих и многих сотен крестьянских рук, на время отрывающихся от сохи, чтобы взяться за перо» [7, с. 91]. Такім чынам, мы бачым, што Максім Багдановіч не проста выяўляе сваю пазіцыю адданага беларуса, але і адстойвае яе ў публічнай прасторы сярод іншых, што фарміруе яго публічны вобраз.

У тэкстах «О гуманизме и неосмотрительности», «Белорусы» [7, с. 119], «Сталенне руху беларускага народу» [7, с. 24], «Хто мы такія» [7, с. 126] і іншых аўтар выяўляе сябе прыхільнікам беларускага нацыянальнага адраджэння, а таксама смелым і ўпэўненым у сваіх перакананнях чалавекам. Спробы апісаць гісторыю Беларусі для рускага чытача ўказваюць на дасведчанасць аўтара і яго асветніцкія, гуманістычныя памкненні, а таксама яго жаданне актуалізаваць «беларускае пытанне» сярод грамадства Расійскай імперыі. М. Багдановіч выступае тут як чалавек культуры, інтэлігент, які карыстаецца сваім натуральным білінгвізмам для асвятлення важных грамадскіх праблем. Непасрэдны зварот да адносна невялікай (у выпадку вышэй згаданых публікацый) маладасведчанай аўдыторыі ўказвае на імкненне падтрымаць гэтую супольнасць, што фарміруе асяроддзевы і дзелавы імідж Максіма Багдановіча: набліжае асобу пісьменніка да аўдыторыі, робіць «сваім» для яе.

Сярод іншых публіцыстычных тэкстаў Максіма Багдановіча асобна вылучаецца цікавасць аўтара да гісторыі, культуры і літаратурнага развіцця тэрыторыі і народа сучаснай Украіны. Тэксты, прысвечаныя гэтай тэматыцы, вылучаюцца аб'ёмам і факталагічнай змястоўнасцю: часта ў іх аглядаецца як гістарычны, так і культурны, літаратурны, а часам і геаграфічны аспекты. Адзначым некаторыя з іх: «Галицкая Русь» [7, с. 26], «Червоная Русь» [7, с. 29], «Львов» [7, с. 51], «Украинское казачество» [7, с. 78], «Образы Галиции в художественной литературе» [7, с. 94] і іншыя. У большасці гэтых тэкстаў найбольш экспрэсіўнымі з'яўляюцца ўрыўкі, звязаныя з культурна-асветніцкай дзейнасцю, або з рухам нацыянальнага адраджэння. Названыя асаблівасці даюць магчымасць зрабіць вывад, што менавіта цікавіла і найбольш захапляла аўтара, што таксама фарміруе яго імідж.

Асобна варта звярнуць увагу на геаграфію, якую ахоплівае публіцыстычная і літаратурна-крытычная дзейнасць паэта. Так, сярод тэкстаў Максіма Багдановіча сустракаюцца: угры («Угорская Русь»), Чэхія («Братья-чехи»), Аўстрыя («Червонная Русь»), старажытны Вавілон («Н.М. Никольский. Древний Вавилон») і іншыя. Таксама сярод крытычных артыкулаў паэта мы можам заўважыць тэксты, прысвечаныя Т. Шаўчэнку, Ж. Бедзье, Р. Тагору, Ю. Энгелю і інш. З вышэйпералічанага можам зрабіць вывад, што крытычная і публіцыстычная творчасць паэта была не толькі разнастайнай па формах, але і рознаветарнай геаграфічна, што выяўляе аўтара як рознабаковую, эрудыраваную асобу, якую турбуюць праблемы не толькі вялікай Расіі і роднай Беларусі, але і іншых народаў і народнасцей. Такія дзеянні паляпшаюць яго дзелавы імідж праз зварот да малых груп і актуалізацыю іх праблем і цікавасцей. Гэты аспект актыўна спрыяе новаму вывучэнню асобы Максіма Багдановіча ў сучасным славянскім літаратуразнаўчым асяродку.

Мала даследавана ў творчасці Максіма Багдановіча тая частка, што звязана з яго прафесіяй юрыста. Паэт практыкаваўся ў напісанні не толькі справаздач, але і рэпартажаў, крымінальных хронік, а таксама праблемных артыкулаў на тэмы судовай практыкі.

Пры напісанні рэпартажаў з залы суда М. Багдановіч перадаваў усе асаблівасці і дэталі справы, што важна ўлічваць для ацэнвання яго прафесійных якасцей. Прывядзем некаторыя вытрымкі: «Покушение на вооруженную кражу» – «6 июня в Ярославле в заседании военно-окружного суда разбиралось дело о рядовом 210 пехотн. запасного батальона крестьянине Радомской губернии Станиславе Куна, 28 лет, обвиняемом в самовольной отлучке и в покушении на вооруженную кражу со взломом из обитаемого помещения; последнее преступление предусмотрено 1653 ст. улож. о наказ.» [7, с. 141]; «Дело по обвинению в разбое» – «26 мая в Ярославле в заседании московского военно-окружного суда состоялся разбор дела о кр. Самарск. губ. Тимофее Похазникове-Юрко, обвиняемом по 13, 1627 и 1629 ст. улож. о наказ. И 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г., изд. 4-е. Председательствовал генерал-майор, проф. Военно-юридической академии Абрамович-Барановский, обвинял поручик Н.А. Миллер (б. т. прокурора), защищал прис. пов. Н.И. Гусев. Обвиняемому угрожает смертная казнь» [7, с. 135]; і іншыя. У тэкстах неабходна звярнуць увагу на дакладнасць, дэталізаванасць і прадстаўнічасць тых падзей, якія асвятляў Максім Багдановіч. У іх шырока, «кінематаграфічна» прадстаўлены перыпетыі судовых працэсаў, а таксама пададзена волевыяўленне кожнага з бакоў з адпаведнай аргументацыяй. Можна сказаць, што тэксты адпавядаюць фармату сцэнарыяў для сучасных «судовых» тэлеперадач і могуць быць прадстаўлены як першыя працы беларуса ў падобным жанры, што выяўляе Максіма Багдановіча як чалавека з вострым розумам і з глыбокім разуменнем сутнасці фармалізаваных падзей.

Справаздачы Максіма Багдановіча з грамадскіх пасяджэнняў носяць такія ж самыя апісальны характар і дакладнасць, як і крымінальная хроніка. Праблемныя артыкулы ўтрымліваюць вялікую колькасць дакладных значэнняў і табліц, а таксама вынікаў даследаванняў, на якія аўтар таксама спасылаецца. Падобная аргументаванасць і грунтоўнасць у запісах паэта выяўляе яго як патэнцыяльнага прафесійнага журналіста, які сочыць за сапраўднасцю і дакладнасцю сабраных звестак, але пры гэтым захоўвае агульны інфарматыўны характар тэкстаў, звяртаючы ўвагу не толькі на фактаграфію, але і на эстэтычнасць яе падачы. Дакладна вытрымлівае межы акрэсленых жанраў.

Літаратурна-крытычную дзейнасць Максіма Багдановіча ўласна-філалагічнай скіраванасці, у сваю чаргу, можна таксама падзяліць на некалькі блокаў: тэксты, накіраваныя на аналіз універсальных з'яў і працэсаў, аўтарскую крытыку і тэксты, у якіх разглядаецца беларускі літаратурны працэс. Таксама асобна можна вылучыць нататкі пісьменніка, у якіх ён звяртаецца да тэмы музыкі, стварае мапу курортаў Галіцыі, апісвае ўкраінскае жыццё і іншае.

Артыкулаў або зацемак з апісаннем універсальных літаратурных з'яў у творчасці Максіма Багдановіча няшмат. У асноўным усе яны датычацца тэорыі літаратуры, найперш паэзіі. Сам аўтар пашпартызуе свае літаратуразнаўчыя артыкулы як тэарэтычна-гістарычныя нарысы. Яны адрозніваюцца невялікім памерам, але змястоўнасцю. Так, артыкул пра санет займае толькі старонку, пры гэтым утрымлівае дакладнае азначэнне тэрміна, спасылкі на тэарэтыкаў і паэтаў, якія пісалі санеты, уласнае пераасэнсаванне жанру, а таксама вывад пра новыя асаблівасці падобных твораў. Максім Багдановіч адзначае: «Стаячыя далей ужо новыя рыфмы павінны

зробіць глыбокую трэшчыну паміж гэтымі кавалкамі і ўсім астатнім. Значыць, санетная форма распадаецца на дзве асобныя часці, што вымагае і ад зместу кожнай з іх як скончанасці, так і незалежнасці» [8, с. 194]. Пры агульнай тэарэтызаванасці працы пісьменнік захоўвае яе мастацкасць, выкарыстоўваючы вобразнае маўленне, напрыклад: «Такім парадкам, пэўна напісаны санет, быццам арэх-спарыш, павінны трымаць пад адной скарлупой два асобныя, хоць і шчыльна сціснутыя паміж сабой ядры» [8, с. 194]. З прадстаўленага прыкладу мы можам зрабіць вывад, што нават у тэарэтычных развагах паэт захоўвае эстэтычную функцыю тэксту, што выяўляе яго як тонкага і чулага чалавека з развітым мастацкім густам і ўяўленнем.

Узораў аўтарскай крытыкі ў творчасці Максіма Багдановіча – пераважная большасць. Аўтар вызначае жанры сваіх твораў як рэцэнзіі і крытычныя артыкулы, але не праводзіць паміж імі мяжу і ў кампазіцыі тэкстаў выкарыстоўвае форму рэцэнзіі, апісваючы кнігі розных аўтараў з актыўным разборам выбраных фрагментаў. Сапраўды, па сваёй структуры гэтыя тэксты Максіма Багдановіча цалкам адпавядаюць жанру рэцэнзіі і ўтрымліваюць усе неабходныя для яе кампаненты.

Важнымі пры аналізе іміджу Максіма Багдановіча як літаратурна-мастацкага крытыка з'яўляюцца ацэнкі, якія ён дае творчасці таго ці іншага пісьменніка, бо яны дапамагаюць фарміраваць уяўленне пра мастацкі густ рэцэнзента, а таксама яго агульныя погляды на літаратуру.

У кароткім тэксце пра І. Неслухоўскага Максім Багдановіч пазначае, што творы пісьменніка быццам бы зроблены між іншым, як нешта не абавязковае, факультатыўнае, але пры гэтым зазначае: «Паміж твораў Неслухоўскага няма пісьменніцкіх выкідышаў, каторыя так нярэдка цяпер. Талент яго ўстаў перад чытачамі ва ўвесь свой рост...» [8, с. 184]. Такім чынам, паэт звяртае ўвагу на нерэгулярнасць творчасці Неслухоўскага, але разам з гэтым ухваляе выверанасць і вытрыманасць яго плёну, дасканаласць, выпрацаваную з часам. Гэта ўказвае на ўласнае стаўленне Максіма Багдановіча да мастацкай творчасці і рэпрэзентуе самога паэта, які сур'ёзна ставіцца да творчага працэсу і лічыць мастацтва працэсам гранічнай канцэнтрацыі, без «пісьменніцкіх выкідышаў».

У юбілейным артыкуле пра Спірыдона Дрожжына аўтар заключае: «Несомненно, что талант С.Д. Дрожжина и не велик, и не самостоятелен. Во многих его произведениях совершенно ясно чувствуется влияние то Кольцова, то Некрасова, то Никитина, – в особенности Никитина. Но что же, это все хорошие образцы, и по ним не плохо учиться. Сегодня, в день его сорокалетнего юбилея, мы можем сказать, что учителям Дрожжина не будет стыдно за своего ученика. Он сразу взял верный тон; он описывал только то, что видел, и умел смотреть своими глазами; всегда на протяжении своей литературной деятельности он был прост, искренен и душевен. “Задушевное слово” – это лучшая характеристика его стихотворений» [8, с. 222]. Такім чынам, мы бачым, што Максім Багдановіч бачыць хібы, пераймальніцтва ў лірыцы С.Д. Дрожжына, але лічыць патрэбным трактаваць гэтыя хібы як праяву літаратурнай вучобы на добрых прыкладах. Гэта прадстаўляе М. Багдановіча як асобу спагадлівую, далікатную; ён шануе здабыткі мінулага, але імкнецца ісці ў будучыню. І ў высновах сваёй рэцэнзіі М. Багдановіч ізноў жа не столькі крытыкуе вершы рускага сялянскага паэта-самавука Спірыдона Дрожжына, пішучы пра яго з нагоды юбілейнай даты, колькі, наадварот, імкнецца падкрэсліць у іх народнасць, душэўнасць, песеннасць, адзначыць іх мастацкія вартасці. Гэта яшчэ раз выяўляе аўтара артыкула як добразычлівага, аптымістычнага чалавека.

Гэтай стратэгіі прытрымліваецца паэт і пры напісанні іншых рэцэнзій і крытычных артыкулаў па творчасці пэўных аўтараў, што дае нам магчымасць казаць пра невыпадковасць падобных паводзін, а вылучыць іх як патэрн, што характарызуе ўнутраны свет Максіма Багдановіча.

Большым аб'ёмам і скрупулёзнасцю вызначаюцца артыкулы паэта, накіраваныя на апісанне гісторыі беларускай літаратуры і сучаснага літаратурнага працэсу на радзіме. Часта яныносяць выключна суб'ектыўны характар, але разам з гэтым прадстаўляюць найбольш празрыстую карціну бачання Максімам Багдановічам беларускай літаратуры і свайго месца ў ёй.

У артыкуле «Глыбы і слаі» [8, с. 185] найбольш значнымі праявамі развіцця мастацкай творчасці ў беларускім літаратурным працэсе ён бачыў развіццё аўтарскай індывідуальнасці, калі «ў сваім развіцці кожны прымае больш-менш асабістыя колеры» [8, с. 188]. Паэт пазначае,

што менавіта гэты працэс дазваляе рухацца беларускай літаратуры, развіваючыся рознабакова. Адным з галоўных тагачасных аўтараў ён бачыць Янку Купалу, вызначаючы ў ім здольнасці да самааналізу і духоўнага развіцця, пастаяннага пошуку кропак росту. Пры гэтым творчасць Якуба Коласа ён наадварот крытыкуе, звяртаючы ўвагу на тое, што пісьменнік і «ў самых апошніх вершах п'яе аб тым жа, аб чым і ў самым пачатку сваёй працы» [8, с. 189]. Ён параўноўвае творчасць Якуба Коласа з акамянеласцю, што, канешне, змушае нас звярнуць увагу на час напісання артыкула і вузкасць той эмпірычнай базы па творчасці Якуба Коласа, на якую абапіраўся ў сваіх негатыўных ацэнках Максім Багдановіч. Разважаючы пра творчасць Влада і Ядвігіна Ш., Багдановіч таксама звяртаецца да крытыкі, піша пра тое, што творы першага не паддаюцца пашпартызацыі, а самі выглядаюць блекла. Такім чынам, мы можам зрабіць вывад, што Максім Багдановіч мае высокія крытэрыі для ацэнак мастацкай творчасці і не робіць зніжак на «хваробы росту» айчыннай літаратурнай традыцыі, якая яшчэ толькі пачынала сваё легітымнае адраджэнне пасля 1905 г. Адукаваны і вытанчаны паэт цэніць у творчасці рухавасць, развіццё думкі, цэласнасць, але не залішняю лакалізацыю, не прымае твораў з залішне наіўным зместам, без спецыяльнай увагі да мастацкасці выказвання.

Гэта мы бачым і ў адзіным выпадку самапрэзентацыі аўтара, калі ён піша сам пра сябе як пра трэцюю асобу, даючы пры гэтым даволі цікавыя ацэнкі: «Што да Багдановіча, то і ў ім непрыкметна шпаркага развіцця, хоць асобнасці яго таленту выступаюць ужо даволі ясна. Гэта паэт-маляр. Слабы як лірык, ён усю сваю ўвагу звяртае на абразнасць зместу вершаў і разам з тым клапоціцца аб згушчонасці яго, спадзяваючыся прыдаць ім праз гэта асаблівую сілу, але, сціснутыя, павэдлуг такіх заходаў, вершы іншы раз заміж малюнка даюць якісь абрываўк яго. Што варта гэтая праца, сказаць пакуль што цяжка, а таму, адзначыўшы даволі шырокі круг тэм у гэтых вершах і бледнасць мовы іх, я пераходжу да другарадных паэтаў» [8, с. 190].

Паводле гэтага ўрыўка мы можам зрабіць некалькі высноў пра аўтарскую самаідэнтыфікацыю Максіма Багдановіча. Па-першае, усведамляючы агульналітаратурны кантэкст, яго «разрэджанасць» у 1900-я гг. на беларускіх землях, аўтар піша і пра сваю творчасць, пра сябе – але ад трэцяй асобы. Гэта ўказвае на адэкватнасць яго самаацэнкі, бо выкарыстанне форм першай асобы ў гаворцы пра сябе сведчыла б аб нясціпласці або славалюбстве. Па-другое, Максім Багдановіч рэальна, а не ўдавана, указвае як на свае моцныя бакі, так і на слабыя. Гэтым не проста ствараецца эфект аб'ектыўнасці, але сапраўды выяўляецца патэнцыяльна моцнае і слабейшае ў стылі паэта. Паслядоўнасць і сувымернасць мадальных пазіцый паказвае, што аўтар спрабуе выявіць сябе ў станоўчым ключы, але, каб нівеляваць гэта, адмаўляецца ад адназначных ацэнак, паказвае свае слабасці. Аднак у цэлым гаворкай пра сваю творчасць ён заканчвае тую частку артыкула, што прысвечана лепшым набыткам беларускага літаратурнага працэсу, яшчэ «маладога» на той час. Яго падзел на розныя ўзроўні пазначаны Максімам Багдановічам адкрыта і катэгарычна: «Я пераходжу да другарадных паэтаў». Гэты сказ аўтаматычна вызначае, што сябе аўтар пазіцыянуе як паэта першага шэрагу.

У цэлым відавочна, што паэт спакваля апісваў і складваў гісторыю беларускай літаратуры. Часам для гэтага ён выкарыстоўваў форму, што нагадвае падручнік, падзяляючы матэрыял на параграфы і тым самым сістэматызуючы і як бы выяўляючы значнасць кожнага фрагмента. У іншых выпадках ён ствараў крытычныя артыкулы, у якіх імкнуўся пераасэнсаваць сучаснасць, намагаўся апісаць яе прадметна і тэарэтычна.

Такім чынам, па выніках комплекснага разгляду публіцыстычнай і літаратурна-крытычнай спадчыны Максіма Багдановіча мы можам сказаць, што найбольшы ўплыў на фарміраванне вобраза-іміджу паэта мелі тэксты мастацкай крытыкі, у якіх ён мог непасрэдна выявіць свае творчыя погляды праз стаўленне да іншых паэтаў і пісьменнікаў, тым самым не толькі рэалізуючы сябе як тэарэтыка і крытыка, але яшчэ і рэпрэзентуючы сябе грамадству як вытрыманага, але дынамічнага, дасведчанага і далікатнага, аптымістычнага, але не лёгкадумнага, прынцыповага пісьменніка. У крытычных творах з публіцыстычным пафасам аўтар раскрыў сябе як патрыёт і чалавек, зацікаўлены пытаннімі быцця і гісторыямі т.зв. малых этнічна-нацыянальных супольнасцей, а разам з імі і сваёй Радзімы. Таксама ў гэтых тэкстах мы бачым яшчэ не даследаваны бок творчасці Максіма Багдановіча як журналіста. У такім аспекце аўтар выступае грунтоўным, дакладным і прафесійным спецыялістам у самых розных актуальных пытаннях.

Літаратура

1. Лойка, А. Даследчык славяншчыны. Публіцыст. Прызак / А. Лойка // Максім Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1966. – С. 308–330.
2. Лойка, А. А. Максім Багдановіч і літаратурны працэс / А. А. Лойка // Гісторыя беларускай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд : вучэб.дапаможнік для філал.ф-гаў ВНУ : у 2 ч. ; пад рэд. Ю. С. Пшыркова. – Мінск : Выш. школа, 1980. – Ч. 2. – С. 327–341.
3. Лapidус, Н. Максим Богданович – литературный критик. К 70-летию со дня рождения / Н. Лapidус // Неман. – 1961. – № 6. – С. 138–143.
4. Мушынскі, М. Навуковая і літаратурна-крытычная спадчына М. Багдановіча / М. Мушынскі // Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – Т. 3 : Публіцыстыка, лісты, летапіс жыцця і творчасці. – С. 448.
5. Рагойша, В. Вяршыні : з невядомага і забытага пра Янку Купалу, Якуба Коласа, Максіма Багдановіча / В. Рагойша. – Мінск, 1991. – 197 [2] с. – (Са скарбніцы беларускай культуры).
6. Вабішчэвіч, Т. І. Праблема прафесіяналізацыі нацыянальнага слоўнага мастацтва ў літаратурна-крытычных працах Максіма Багдановіча / Т. І. Вабішчэвіч // Максім Багдановіч – прызак, крытык, публіцыст : мат. Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 29 лістапада 2005 г. / Літаратурны музей Максіма Багдановіча ; уклад. І. В. Мышкавец. – Мінск, 2006. – С. 15–22.
7. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – Т. 3 : Публіцыстыка, лісты, летапіс жыцця і творчасці. – С. 247.
8. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – Т. 2 : Маст. проза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзіі і нататкі, чарнавыя накіды. – С. 360–361.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 18.10.2024

Проблемы жанра и композиции в романах С.И. Виткевича

И.А. МИХАЛЕВИЧ

Данная статья посвящена обсуждению витиеватой жанровой природы романов «Прощание с осенью» («Pożegnanie jesieni», 1926) и «Ненасытимость» («Nienasycenie», 1929) знаменитого польского писателя первой половины XX в. Станислава Игнация Виткевича (Stanisław Ignacy Witkiewicz, 1885–1939). В работе сделан акцент на выявление оригинальной художественной формы этих произведений, включающих в себя элементы антиутопии, философского, политического, любовного и педагогического романа, что обусловлено родовым и жанровым синкретизмом творчества Виткевича. В статье также описаны основные способы усложнения композиции, такие как всевозможные внесюжетные вставки, использование нескольких сюжетных линий, а также приемы противопоставления и усиления.

Ключевые слова: Станислав Игнаций Виткевич, жанр, роман-мешок, синкретизм, композиция, композиционный прием.

This article is devoted to a discussion of the genre nature of the novels «Farewell to Autumn» («Pożegnanie jesieni», 1926) and «Insatiability» («Nienasycenie», 1929) by the famous Polish writer of the first half of the twentieth century Stanisław Ignacy Witkiewicz (1885–1939). The work focuses on identifying the original artistic form of these works, which include elements of dystopia, philosophical, political, romantic and pedagogical novel, which is due to the generic and genre syncretism of Witkiewicz's work. The article also describes the main ways to complicate the composition, such as all kinds of extra-plot insertions, the use of several plot lines, as well as techniques of contrast and amplification.

Keywords: Stanisław Ignacy Witkiewicz, genre, novel-bag, syncretism, composition, compositional technique.

Введение. Станислав Игнаций Виткевич, Виткаций (литературный псевдоним – контаминация имени и фамилии) – известный польский деятель искусства начала XX в., оставивший после себя богатое наследие: несколько десятков пьес, сотни картин, четыре романа, теоретические трактаты, эссе и много публицистики. В то же время – это человек, который не поддается четким определениям – он считал себя живописцем, но отказался от живописи, не сумев реализовать на практике постулаты Чистой Формы, пробовал свои силы в драматургии, но успеха (при жизни) не добился. Его философские теории, изложенные в трактатах, обсуждались, но не воспринимались всерьез. Романы, рассматриваемые как чисто утилитарные, плохо продавались и не вызвали широкого отклика. Однако, несмотря на это, нельзя недооценивать вклад С.И. Виткевича в развитие польской и мировой романистики. Во многом именно благодаря ему и его современникам модернистам роман выходит на новую ступень своего развития и становится сложным, многопроблемным, многоаспектным, соединяя в себе черты различных типов собственной жанровой разновидности и других видов искусства.

Цель данной статьи – проанализировать два наиболее известных романа польского автора «Прощание с осенью» и «Ненасытимость», определить их жанровую природу и раскрыть уникальность композиционного строения названных произведений.

Основная часть. Жанрово-видовую принадлежность своих творений Виткевич сам определил как роман-мешок, то есть – произведение, в которое, подобно мешку, можно поместить все что угодно: лирику, драму, философский трактат, эпические элементы: *«powieść może być wszystkim [...] począwszy od a-psychologicznej awantury, przedstawionej od zewnątrz, do czegoś, co może graniczyć z traktatem filozoficznym lub społecznym. Oczywiście jednak musi się coś w niej dziać, idee i ich walka muszą być pokazane na ludziach żywych, a nie porozwieszane na manekinach»* [6, s. 58]. 'Роман может быть всем [...], начиная от а-психологического приключения, представленного извне, и заканчивая чем-то, что может граничить с философским или социальным трактатом. Но, конечно, в нем должно что-то происходить, идеи и их борьба должны быть показаны на живых людях, а не развешаны на манекенах'. В этом и выражается сложность при определении жанрово-стилевой системы романов польского автора. Не случайно многие ученые-виткациологи обращали внимание на размытость границ его романов и небрежное отношение к композиции.

Так, полонист С.В. Климентьев подчеркивал, что все прозаические произведения С.И. Виткевича отличаются своей оригинальной художественной формой, соединяя в себе философскую публицистику, бульварный роман, а также мастерски переплетая реалистические и сюрреалистические мотивы [3, с. 494–495]. Философскую природу романов польского художника слова неоднократно упоминал в своих трудах и литературовед В.А. Хорев, называя их своеобразной философской прозой и связывая такое тяготение Виткация к философии с вопросами, которые он хотел освятить в своих произведениях: а именно, с проблемами неизбежной гибели европейской культуры, хаоса, общего умственного угасания и безмерной скуки [4, с. 98]. И в самом деле, философией пронизаны все романы автора. Это выражается не только в речах персонажей, бесконечно дискутирующих на философские темы, но и в отступлениях, так называемых авторских комментариях, являющих собой образец интеллектуально-философских размышлений о мире и человеке.

Известный польский литературный критик Ян Блоньский определял жанрово-стилевую специфику романов Виткевича, помимо всего прочего, как гротескную антиутопию с элементами анти-педагогического романа. «*Utopia i pedagogia – lub antyutopia i anty-pedagogia – kompromitują się wzajemnie w tkance narracji, podważają czy porażają powagę, prawdę czy prawdopodobieństwo opowieści. Stąd także jej groteskowa tonacja*» [5, s. 380]. ‘Утопия и педагогика – или антиутопия и антипедагогика – дискредитируют друг друга в ткани нарратива, ставя под сомнение или опровергая серьезность, истинность и вероятность повествования. Отсюда и его гротескный тон’. На наш взгляд, отрицание анти, поставленное перед жанровой формулой Блоньским, весьма оправдано. С одной стороны, жизненная история обоих главных героев Базакбала и Капена – это рассказ о взрослении и становлении личности, что именно является отличительной чертой педагогического романа. С другой – это скорее истории деградации и распада, чем формирования человеческой индивидуальности. Что касается утопии, то она предполагает собой образ общественного развития, спроецированного в дальнейшее. У Виткевича также время действия обоих романов будущее – вторая половина XX в., однако очевидно, что это будущее, несущее в себе крушение цивилизации, смерть религии и искусства, не предвещает ничего хорошего, и утопия таким образом трансформируется в антиутопию.

Следовательно, «Прощание с осенью» и «Ненасытимость», бесспорно, включают в себя элементы антиутопии, педагогического и философского романа, а также мы выделили в обоих произведениях жанровые особенности политического и любовного романов. Связано это с тем, что автор развивает в своих работах две сюжетные линии: мелодраматическую и политическую. Виткаций противопоставляет несколько типов любви: любовь эгоистичная, заботящаяся исключительно о личном наслаждении – такова любовь Гели Берц к Атаназию в «Прощании с осенью» и княгини Ирины Всеволодовны к Генезипу в «Ненасытими». Любовь запретная и односторонняя – чувства Логойского к Базакбалу и Генезипа к Перси, любовь чувственная и ранимая – отношения Зоси и Атаназия, Элизы и Генезипа. Эти истории захватывают дух читателя, однако в отличие от любовных романов со счастливым концом, у Виткевича-катастрофиста конец любовной истории уже предопределен: и Зося, и Элиза погибают от рук своих любимых, Геля и княгиня все больше погрязают в собственной эротомании на грани с безумием, а главные герои добровольно отрекаются от единственной бесспорной ценности – самопознания и постижения мира, погружаясь в мрак своих собственных физиологических вожделений, которые приводят их в итоге к физической либо моральной гибели.

Политическая сюжетная линия в произведениях Виткевича отодвинута на задний план, о событиях на политической арене читатель узнает лишь при упоминании и с появлением революционеров Саетана Темпе и генерала Коцмолуховича, а также достаточно подробно в авторских отступлениях, которые писатель преднамеренно использует с этой целью. Виткаций очень тонко и точно предсказал процессы, происходящие при тоталитарном правлении, его рассуждения о революции – это умелая политическая пародия на современное ему общество. Поэтому, несмотря на то, что политический роман – это, как правило, художественные размышления автора о существующем или когда-либо существовавшем политическом режиме, произведения Виткевича, так детально описывающие никогда не существовавшую в реальности политическую действительность, в полной мере отражают в себе черты жанра политического романа.

Помимо всего вышесказанного, свой роман Виткаций обогащает чертами других жанров и даже видов искусства. Так называемый жанровый синкретизм выражается в смешении в романах структур, принадлежащих к лирике (стихи, песни) и драме наравне с монологом, диалогом или повествованием. К примеру, в третьей главе «Прощания с осенью» «*Rozmowy istotne*» ‘Разговоры по существу’, а также в главе «*Wizyta w pustelni kniazia Bazylego*» ‘С визитом в скиту князя Базилия’ «Ненасытимости» мы повсеместно встречаемся с диалогами в сценических нотациях с ремарками, характерными для драматических произведений:

«*Wyprztyk (z wyrzutem): Helu!*

Hela: Ach tak: przepraszam ojca: zapomniałam, że jestem chrześcijanką.

Zieżio (urazony): Mogę zaręczyć pani że skazany na śmierć w torturach, zawsze byłbym taki sam» [8, s. 148].

‘**Выпштык** (укоризненно): Геля!

Геля: Ах да, простите, святой отец, я забыла, что я христианка.

Зезя (обиженно): Могу поручиться вам, что, даже будучи приговоренным к смерти через пытки, я все равно оставался бы таким же самым’ [2, с. 71].

«*Кsiąż Bazyli (niechętnie): Nie wolno robić ubliżających Bogu przypuszczeń, tylko wierzyć w to, co jest do wiary podane – oto co jest.*

Tengier (krzyczy zirytowany): Więc niech pan da nam tę wiarę zmusi nas do niej!» [7, s. 68].

‘**Князь Базилий** (неохотно): Нельзя делать оскорбляющие Бога допущения, надо верить в то, во что дано верить, – вот в чем дело.

Тенгер (кричит рассерженно): Так дайте же нам эту веру, заставьте нас поверить!’ [1, с. 65].

В «Ненасытимости» Генезип после убийства своей жены Элизы оправдывает себя, строками стиха:

«*Przypomniał mu się wiersz jakiegoś zagwazdranego pseudofuturysty z dawnych czasów, jeszcze za życia Boya:*

... I pierwszego z bryegu przechodnia

Bęc przez łeb pała – drugiego? Także bęc!

To nie jest żadna zbrodnia,

A więc cóż to jest więc.

Nic – tak sobie bęc:

Usuwanie niepotrzebnych gratów

Bez pomocy katów...» [7, s. 319].

‘Ему вспомнился стишок какого-то никудышного псевдофутуриста – написанный давным-давно, еще при жизни Боя:

...И первому же прохожему, попавшему в поле зрения,

Хрясь дубинкой по лбу – второму? – тоже хрясь!

И вовсе никакое это не преступление.

Так что же это такое?

Да ничего, просто – хрясь:

Всего лишь ликвидация никому не нужных вещей

Без участия палачей...’ [1, с. 335].

В «Прощании с осенью» автор придает большое значение красному цвету и использует цветовые эффекты, свойственные импрессионистской живописи, для более точной передачи образа и господствующей атмосферы. В частности, все что связано с Берцами отражает красный цвет и неспроста: в стране царит революция, отец Гели Берц известный революционер, сама она манящая демоническая женщина, а красный – цвет страсти, любви, революции: «*Wogóle czerwoność przeważała w całym palacu Bertzów: obicia ścian i mebli, dywany, a nawet specjalnie dobierane obrazy, miały jako zasadniczyni kolor, czerwień we wszystkich możliwych odcieniach*» [8, s. 37]. ‘Вообще краснота преобладала во всем дворце Берцев: обивка стен и мебели, ковры и даже специально подобранные картины – все было красным всевозможных оттенков’ [2, с. 16].

Таким образом, мы приходим к выводу, что автору «Ненасытимости» и «Прощания с осенью» удастся мастерски соединить в рамках одного романа не только множество его разновидностей, но и обогатить свое произведение чертами других жанров и видов искусства, что возможно только при помощи особым образом выстроенной композиции, которая у Вит-

кевича достаточно специфична. Писатель, впрочем, этого и не скрывает, в предисловии к «Ненасытмости» Виткевич готовит читателя к необычной архитектонике данного произведения: «*Powieść jest dla mnie przede wszystkim opisaniem trwania pewnego wycinka rzeczywistości – wymyślonego czy prawdziwego – to obojętne – rzeczywistości w tym znaczeniu, że główną rzeczą w niej jest treść, a nie forma. [...] Jednak konstrukcja całości jest czymś, według mnie, w powieści drugorzędny, co powstaje jako produkt uboczny opisu życia i co nie powinno z góry wpływać deformująco na rzeczywistość według czysto formalnych wymagań. Lepiej ocywiście, żeby była, ale brak jej nie stanowi zasadniczej wady powieści, w przeciwieństwie do dzieł Sztuki Czystej*» [7, s. 7]. ‘Роман для меня – это прежде всего описание определенного отрезка действительности, вымышленного или подлинного, – неважно, действительности в том понимании, что главным в ней является содержание, а не форма. [...] Конструкция целого в романе, по моему мнению, второстепенна, возникает как побочный продукт описания жизни и не должна деформирующе влиять на действительность, отвечая чисто формальным требованиям. Конечно, лучше, чтобы конструкция была, но ее отсутствие не является принципиальным недостатком романа в отличие от произведений Чистого Искусства’ [1, с. 5].

Как видим, автор считает композицию вещь довольно второстепенной, подчиненной интенсивности и спонтанности выражения. Это и объясняет затруднительность при описании композиционной структуры его романов. Без тени сомнения, их можно считать образцом произведений, обладающих специфической усложненной композицией. Сюжетная система романов Виткевича сама по себе очень распространенная, можно даже сказать раздробленная, в романе не создается стройного действия, нет последовательности развития сюжета, а есть лишь ряд самостоятельных катастроф-событий. На первый план выходят отдельные жизненные ситуации, персонажи и особенно их взгляды, которые полны философских рассуждений и анализа душевных состояний героев, описанных типичным для Виткевича язвительным, пародийным языком.

В прозаическом наследии С.И. Виткевича имеется множество способов усложнения композиции. В свои романы писатель активно внедряет различные внесюжетные элементы (автомные вставки, такие как авторские комментарии, сны главного героя, информация), прослеживается авторская многопозиционность и использование нескольких сюжетных линий, наличие множества композиционных приемов (повтор, противопоставление, монтаж, усиление) и т. д.

Одним из основных способов усложнения композиции является использование нескольких сюжетных линий, романы Виткевича полностью соответствуют этому принципу. Отчетливо прослеживаются две основные линии: любовная и политическая, которые при этом пронизаны философской мыслью их автора. Основная цель писателя – показать внутренний мир своих героев, его эволюцию или деградацию и для достижения этой цели Виткевич активно использует внутренний монолог, исповеди и терзания героев, которые отражают то, что каждый из персонажей не решается сказать вслух, и помогают автору связать два плана – реальный и философский.

Значительно усложняют композицию произведений внесюжетные вставки. Этот прием наиболее распространен у Виткевича, в его романах встречается: информация (графически обособленные ремарки), авторские отступления, сны главного героя, как отдельная композиция. Заголовки «Информация» или «Замечание» – это литературно-структурный прием, который проявляется на протяжении действия обоих романов. Они представляют собой изложение рассказчиком данных о достоверности предыдущего разговора или события, а также представлений отдельного персонажа. В «Прощании с осенью» мы прослеживаем тот факт, что отступления в виде «Информации» используются для объяснения определенных событий или действий героев, что помогает читателю разобраться в сюжетных линиях произведения, а также для описания внешности и рода деятельности персонажей. Например:

«INFORMACJA

Chwazdrygiel (Buliston), lat 46. Zamknięty, jak w kasie ogniotrwalej w swoim materialistycznym światopoglądzie. <...> Poza tem był Chwazdrygiel znakomitym bijologiem...» [8, s. 129].

‘Информация

Хваздрыгель (Булистон), 46 лет. Замкнут в своем материалистическом мировоззрении, как в сейфе. <...> Кроме того, Хваздрыгель был известным биологом’ [2, с. 61].

В «Ненасытмости» – это определенный указатель нарастающего политического переворота, разворачивающегося и расширяющегося за основным сценарием, разыгрываемым безум-

ными персонажами Виткевича. «*Informacja: Polityczne tło tego wszystkiego było chwilowo zbyt dalekie. Ale coś sunęło z mrocznych gór niewiadomego, jak lodowiec. <...> Ruchomy mur chiński potężniał i rósł, rzucając złowrogi, żółtawy cień na całą resztę Azji i na Zachód*» [7, s. 40]. ‘Информация: Политический фон всего этого еще не прояснился. События лишь начинали медленно скалываться, словно ледник, с мрачных гор неизвестного. <...> Подвижная китайская стена росла и укреплялась, отбрасывая угрожающую желтоватую тень на остатки Азии и на Запад’ [1, с. 34].

В целом отступления в виде информации составляют достаточно значительную часть романа. В художественное произведение они приносят неоднородность, мозаичность текста, поскольку имеют свою автономную структуру. Однако, тем не менее такого типа отступления становятся своего рода композиционными связками, которые соединяют разные сюжетные линии и ситуации и тем самым играют важную роль в произведении.

Помимо отступлений, как отдельного композиционного целого, Виткевич использует всевозможные авторские отступления непосредственно в тексте романа, при этом прерывая связную мысль рассказчика либо героя. Это своеобразный авторский комментарий, характерный для романов XX в. и представляющий собой интеллектуально-философские размышления автора о действительности, достаточно резкие, а порой даже и насмешливые либо неуместные. Например: «*Czekanie, zmieszane ze strachem, rozprężyło się we wnętrzościach Genezy, jak kukła waty ugniecionej z tłuszczem we wnętrzościach szczura – (jest taki dziki zwyczaj zabijania tych nieszczęsnych stworzeń, dla których nikt nie może mieć współczucia)*» [7, s. 102]. ‘Ожидание, смешанное со страхом, раздувалось внутри Генезипа, как комок ваты, пропитанный маслом, в брюхе крысы (есть такой варварский способ убийства этих несчастных тварей, к которым никто не испытывает симпатии)’ [1, с. 102].

Сон главного героя «Ненасытимости» Генезипа Капена де Вахаза также выделен Виткевичем как отдельное композиционное целое, и описывает убийство, совершаемое протагонистом, своего рода предсказание будущего героя: «*Sen: Szedł jakąś ulicą w nieznanym mieście <...> Zypcio chwycił nieznanomego za szyję i począł go giąć ku ziemi, dusząc go jednocześnie ze wszystkich sił. <...> Zbrodnia została dokonana. <...> Koniec snu*» [7, s. 20–21]. ‘Сон. Он шел по улице незнакомого города <...> Зипек схватил незнакомца за шею и начал изо всех сил душить его и гнуть к земле. <...> Преступление свершилось. <...> Конец сна’ [1, с. 12–13].

Характерно для композиции романов польского писателя и использование многочисленных композиционных приемов, особенно ярко представлены противопоставление и усиление. Так, прием усиления Виткевич использует при прорисовке образов главных героев Атаназия и Генезипа. С каждым их проявлением они все ниже нравственно падают в глазах читателя. Знакомит с ними автор как с молодыми, перспективными, интересными юношами, а в итоге с каждым их действием, мы видим, как они грязнут в эротомании, пробуют наркотики, убивают и даже признав факт убийства не чувствуют за собой никакой вины.

Противопоставление используется при организации образной системы. В частности, в «Прощании с осенью» Геля Берц – демоническая женщина – противопоставлена образу невинной и всем сердцем любящей своего мужа Зоси Ослабдзенской, в «Ненасытимости» образ роковой женщины Ирины Всеволодовны, своего рода духовной и любовной наставницы Генезипа, контрастен с образом первого духовного учителя – матери, а также последующих женщин в его жизни Перси и Элизы. Виткаций указывает на противоположность не столько внешнюю, сколько внутреннюю, оказывающую влияние на всю жизнь главного героя.

Заключение. Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что жанр романа существенно трансформирован Виткевичем до неузнаваемости. «Прощание с осенью» и «Ненасытимости» представляют собой яркий пример родового и жанрового синкретизма, где автор мастерски соединяет романтику и политику, философию и педагогику, антиутопию и драму, лирику и живопись. Композиционно романы Виткация многолинейные и многопроблемные. С одной стороны, на протяжении всего произведения проявляется взволнованность революцией, политический подтекст, с другой – наряду с политической явно прослеживается любовная тематика, а также философское начало произведения. Основная цель автора – показать трагедию метафизической неосуществленности в поиске смысла жизни главных героев в условиях хаоса и раздробленности мира революциями и внешней агрессией. Уже сам

выбор в пользу внутреннего становления, а не внешнего требует иной архитектоники произведения. Именно поэтому у Виткевича встречается такое обилие внутренних монологов, диалогов-дискуссий, философских рассуждений, язвительных авторских комментариев. Традиционная композиция усложнена всевозможными внесюжетными элементами (отступлениями, авторскими комментариями, информацией, стихами) и композиционными приемами. Все это лишней раз подчеркивает самобытность С.И. Виткевича как мастера слова и позволяет оценить художественную многогранность и феноменальность его творчества.

Литература

1. Виткевич, С. И. Ненасытимось : роман / С. И. Виткевич ; пер. с польск. Ю. Чайникова ; послеслов. и прим. А. Базилевского. – М. : Вахазар : РИПОЛ классик, 2004. – 633 с.
2. Виткевич, С. И. Прощание с осенью : роман / С. И. Виткевич ; пер. с польск. Ю. Чайникова ; послеслов. и прим. А. Базилевского. – М. : Вахазар : РИПОЛ классик, 2006. – 460 с.
3. Клементьев, С. В. Гротеск в польской прозе 1920–1930-х гг. / С. В. Клементьев // Славянский вестник : сб. науч. ст. – М. : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 2. – С. 491–497.
4. Хорев, В. А. Польская литература XX века. 1890–1990 / В. А. Хорев. – М., 2009. – 352 с.
5. Blonski, J. Witkacy na zawsze / J. Blonski. – Krakow : Wyd-wo Literackie, 2003. – 540 s.
6. *Studia o przemianach gatunkowych w powieści polskiej XX wieku* / М. Норычны [i inni] ; pod red. Т. Вуйnickiego. – Katowice : Uniwersytet Śląski, 1987. – 178 s.
7. Witkewicz, S. I. Nienasycenie / S. I. Witkewicz. – Warszawa : Państwowy instytut wydawniczy, 1982. – 429 s.
8. Witkewicz, S. I. Pożegnanie jesieni : powieść / S. I. Witkewicz. – Warszawa : Niezależna oficyna wydawnicza, 1981. – 450 s.

Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы

Поступила в редакцию 02.07.2024

Семантические связи иероглифических единиц в китайской письменности (на материале детерминативов-обозначений жилищ и их частей)

Н.В. МИХАЛЬКОВА

В статье анализируются виды семантических связей, объединяющих и организующих в одно иероглифическое гнездо с детерминативами-обозначениями жилищ и их частей множество различных по своей семантике сложносоставных знаков китайской письменности.

Ключевые слова: семантическая связь, иероглиф, детерминатив, жилище, китайский язык.

The types of semantic connections that unite and organize many different complex signs of Chinese writing into one character group with determinatives-designations of dwellings and their parts are analyzed in the article.

Keywords: semantic connection, character, determinative, dwelling, the Chinese language.

Среди многочисленных связей единиц, которые неизбежно возникают и организуют язык как систему, объединяя огромное множество разнообразных по своим характеристикам знаков, наиболее значимыми для понимания общей картины представлений человека об окружающем пространстве являются, по общепринятому мнению, семантические отношения, начало глубоким теоретическим разработкам которых в виде исследований таксономических и нетаксономических объединений было положено еще в XVIII в. (подмножества К. Линнея). Впоследствии анализ типов организации языковых единиц опирается на построение различных графов (теория схематического упреждения О. Зельца), компьютерных семантических сетей и паутин (проект Р. Ричерсона по машинному переводу), а также моделирование человеческой и «семантической» памяти (см. Р. Квиллиан о «семантической памяти»). Итогом работы в этом направлении явилась гипотеза дендрофилии В. Фитча, согласно которой «люди обладают способностью и склонностью формировать древовидные структуры из последовательностей любой информации в такой степени, в какой это трудно или невозможно для большинства видов животных» [1, р. 352]. С. Дехен, в свою очередь, продемонстрировал, что данная способность характерна не только для высших форм абстрактного и отвлеченного мышления, но и для базовых систем человеческого визуального и аудиального восприятия [2], что свидетельствует, как утверждает А.А. Мяховский, об «универсальности или даже врожденности человеческой способности к созданию иерархий» [3].

Данную способность пытались досконально изучить ученые, выявляя типы тех самых иерархий и объединений, которые присутствуют в сознании человека в виде множества каким-то образом соединяемых языковых форм. Это привело к разработкам, в частности, семантических сетей и их видов (однородные, неоднородные, бинарные, n-арные), семантических классификаций по группам (например, имен существительных английского языка И.В. Арнольд и глаголов Г.Г. Сильницкого), семантических полей, тематических, идеографических, концептуальных организаций (С.А. Аскольдов, Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, А.П. Бабушкин, М.В. Пименова, И.А. Стернин, В.З. Демьянков и др.) и когнитивных объединений, ставящих перед собой практически одну и ту же задачу понимания принципов организации множества языковых единиц.

Китайское иероглифическое письмо, организуясь по принципу группировки сложных знаков относительно входящих в них детерминативов, представляет собой особым образом семантически выстроенную систему, в состав которой входят различные группы и подгруппы единиц, где стержневым конструктом, по признанию ученых [4]–[12], являются иероглифические гнезда различного типа.

Иероглифическое гнездо – это объединение сложных знаков вокруг единого для всех элементов гнезда знакообразовательного центра¹. Данным центром может выступать как фонетиче-

¹ См. словообразовательные гнезда А.Н. Тихонова [13].

ский (его мы не касаемся в нашем исследовании)², так и структурно-семантический, описываемый в данной работе, элемент – детерминатив³. Следовательно, объектом анализа в данной статье становятся именно семантические *иероглифические гнезда*, объединенные единым для всех входящих в них иероглифов знакообразовательным компонентом – *детерминативом*.

На основе выделенных в иероглифических гнездах семантических групп нами выявлены семантические связи между детерминативом и сложными иероглифами, в которые он входит, на основании чего построена семантическая матрица иероглифического гнезда с детерминативами-обозначениями жилищ и их частей, что позволило сформулировать ряд семантических принципов выбора детерминативов при конструировании сложных китайских иероглифов.

Следует отметить, что одну из наиболее широких по количественной характеристике систему сложных иероглифических знаков китайского языка образуют детерминативы – номинации жилищ и их частей, среди которых высокую знакообразовательную активность (порождение новых составных единиц) демонстрируют такие детерминативы, как 宀 ‘крыша’, 广 ‘убежище; навес’, 穴 ‘пещера’ и 門 ‘ворота’.

Детерминатив 宀 ‘крыша’ образует разветвленную с точки зрения семантических характеристик подсистему единиц. Наибольшие по объему семантические группы иероглифического гнезда с детерминативом 宀 ‘крыша’ составили иероглифы, обозначающие:

1) атрибутивный признак «спокойный, мирный», например, 宁 ‘мирный, миролюбивый’, 安 ‘спокойный’, 宓 ‘тихий’, 寧 ‘спокойный, миролюбивый’, 寔 ‘тихий, спокойный’, 寤 ‘спокойный, мирный’, 寧 ‘спокойный, миролюбивый’, 寔 ‘спокойный’, 宜 ‘спокойный’;

2) постройки различного типа и их части, например, 豐 ‘большой дом’, 宅 ‘дом; жилище’, 宇 ‘сторона дома’, 宮/宮 ‘дворец’, 室 ‘дом; жилище’, 宸 ‘дом, постройка’, 窠 ‘двор, дворовый участок’, 寮 ‘дыра, окно’, 寬 ‘широкая, просторная комната’, 宥 ‘широкая, просторная комната’, 寬/寬 ‘просторная комната’, 密 ‘зал, дворец’, 惠 ‘пещера’, 窠 ‘фундамент’.

Менее частотны сложные иероглифические знаки с детерминативом 宀 ‘крыша’, выражающие такие значения как: 1) полнота, изобилие, например, 完 ‘полностью’, 实 ‘изобилие’, 实 ‘изобилие’, 审 ‘всецело, полностью’, 宥/審 ‘полностью’; 2) спать, засыпать, например, 寐 ‘спать’, 寢 ‘спать’, 寤 ‘тревожно спать’, 寢 ‘лежать болеть’, 3) драгоценность, например, 宝/寔/寶/寶⁴ ‘драгоценность’.

Детерминатив 門 ‘ворота’, также как и детерминатив 宀 ‘крыша’, формирует широкий круг сложных иероглифических знаков, в состав которых он входит. При этом наиболее частотными являются иероглифы, которые могут быть отнесены к таким семантическими группам, как:

1) деревенские ворота, ворота, ворота храма, например, 門 ‘ворота’, 閤 ‘ворота деревенские’, 閤 ‘деревенские ворота’, 閤 ‘ворота храма’, 閤 ‘ворота храма’, 閤 ‘высокие ворота’, 閤 ‘западные ворота’, 閤 ‘западные ворота’, 閤 ‘боковые ворота’, 閤 ‘внешние ворота рынка’, 閤 ‘ворота (обычно: деревенские); околица’, 閤 ‘деревенские ворота; околица’, 閤/閤 ‘щит, загородка’, 閤 ‘широко открытая дверь’, 閤 ‘вход во дворец’, 閤 ‘дверь’;

2) открывать, отворять (двери), например, 開 ‘отворять ворота’, 闕 ‘открывать’, 闕 ‘открывать, показывать’, 闕 ‘открывать двери’, 闕 ‘открывать, отворять’, 闕 ‘открывать двери’, 闕 ‘открывать’, 闕 ‘открывать, отворять’, 開 ‘открывать, отворять’, 闕 ‘открывать, отворять’, 闕 ‘открывать, отворять’, 闕 ‘открывать, показывать’;

3) закрывать (двери), например, 閉 ‘запирать’, 閉 ‘закрывать’, 閉 ‘закрывать дверь’, 閉 ‘закрывать, затворять’, 闕 ‘закрывать, затворять’, 閤 ‘закрывать’, 闕 ‘закрывать’, 闕 ‘закрывать, затворять’, 闕 ‘закрывать’, 闕 ‘закрывать’, 闕 ‘затворять’;

4) звукоподражания хлопанью двери, например, 闕/閤/開/闕/闕 ‘звукоподражание хлопанью двери; бум!; хлоп!’ и др.

² Многообразие фонетических гнезд описано, в частности, в работе М.С. Филимоновой относительно обучения чтению на китайском языке [7].

³ Детерминатив – это смысловой компонент сложного иероглифического знака китайского языка.

⁴ Во всех иероглифах данной семантической категории имеет место также детерминатив 王 ‘драгоценный камень’.

Менее частотны сложные иероглифические знаки с детерминативом 門 ‘ворота’, выражающие такие значения, как:

1) тихий, мирный, спокойный, например, 閤 ‘тишина, тихий’, 闕 ‘тишина, тихий’, 闕 ‘тишина, спокойствие’, 閤 ‘спокойный, тихий, мирный’, 闕 ‘спокойный; твёрдый’, 閤 ‘мрачный, депрессивный’, 閤 ‘тёмный, мрачный’;

2) широкий, обширный, например, 闕 ‘широкий, обширный’, 闕 ‘широкий, обширный’, 闕 ‘широкий’, 闕 ‘обширный’;

3) вход, например, 閤 ‘вход во дворец’, 閤 ‘проход через ворота’, 闕 ‘вход’;

4) часть двери, например, 闕 ‘втулка (гнездо) для дверного шкворня’, 闕 ‘дверной паз’, 闕 ‘дверной паз’, 闕 ‘деревянный засов’, 闕 ‘маленькое окошко в двери’, 闕 ‘задвижка, клапан’, 闕/闕 ‘порог двери’, 闕 ‘щеколда’;

5) дом и его части, например, 闕 ‘часовня’, 闕 ‘храм’, 闕 ‘буддийский храм’, 闕 ‘женская половина дома’, 闕 ‘женские покои’, 闕 ‘двор’, 闕 ‘внутренние покои’.

Сложные иероглифические знаки с детерминативом 宀 ‘убежище; навес’ представляют собой подсистему различных по своим семантическим характеристикам единиц и могут быть объединены в 9 семантических групп. Наибольшее распространение получила семантическая группа, где детерминатив 宀 ‘убежище; навес’ входит в состав сложных иероглифических гнезд, обозначающих населенные пункты, здания и постройки, составные части дома, внутренние помещения, например, 庭 ‘зал для гостей’, 庠 ‘школа’, 庠 ‘коридор’, 庠 ‘дом’, 庭 ‘жилище’, 庠 ‘склад’, 庠 ‘кухня’, 店 ‘магазин’ и т. д.

В частности, данную группу составляют иероглифические знаки, обозначающие:

1) сельский населенный пункт: 廛 ‘поселок’;

2) части негородских селений: 廛 ‘двор’, 廛 ‘внутренний двор’;

3) отведенные участки земли: 廛 ‘земельный надел’, 廛 ‘земельный налог’;

4) виды зданий или сооружений: 序 ‘дом’, 庠 ‘заброшенный дом’, 庠 ‘дом’, 廛 ‘домик’, 廛 ‘разрушенный дом’, 庠 ‘рухнувший дом’, 廛 ‘практически разрушенный дом’, 廛 ‘высокое здание’, 廛 ‘дом’, 廛 ‘дом с плоской крышей’, 府 ‘дворец’, 庠 ‘дворец’, 庠 ‘дворец’, 廛 ‘дворец’, 廛 ‘хоромы’, 廛 ‘соломенная хижина’, 庠 ‘убогая постройка’, 庠 ‘хижина’, 廛 ‘соломенная хижина’, 廛 ‘хижина’, 廛 ‘лачуга’, 廛 ‘храм’, 庠 ‘юрта, палатка’, 店 ‘магазин’, 廛 ‘торговая лавка’, 廛 ‘мастерская’, 廛 ‘мастерская’, 序 ‘школа, училище’, 庠 ‘сельская школа’, 廛 ‘могила’, 廛 ‘выгребная яма’, 廛 ‘выгребная яма’;

5) части зданий или помещений: 庭 ‘зал’, 廊 ‘коридор’, 庠 ‘гостиная’, 廛 ‘коридор’, 廛 ‘боковая комната’, 庠 ‘темная комната’, 廛 ‘темная комната’, 廛 ‘узкое пространство’, 廛 ‘широкое помещение’, 廛 ‘просторная комната’, 庠 ‘склад’, 廛 ‘амбар’, 廛 ‘зернохранилище’, 廛 ‘амбар’, 廛 ‘склад’, 廛 ‘склад’, 廛 ‘хранилище’, 廛 ‘зернохранилище’, 廛/廛/廛 ‘хранилище’.

Детерминатив 宀 ‘пещера’ входит в состав сложных иероглифических знаков китайского языка, которые могут быть отнесены к различным семантическим категориям знаков. В частности, наиболее широкую область составляют обозначения атрибутивных признаков, характеризующих: 1) глубину, например, 宀 ‘глубокий’, 宀 ‘глубокий’, 宀 ‘глубокий’, 宀 ‘глубокий’, 宀 ‘глубокий’, 宀 ‘глубокий, тёмный’, 宀 ‘глубокий’, 宀 ‘глубокий’, 宀 ‘глубокий, тёмный’, 宀 ‘глубокий’, 宀 ‘глубокий’ и др.; 2) темноту (宀 ‘тёмный’, 宀 ‘тёмный’, 宀 ‘тёмный’, 宀 ‘светлый’); 3) ширину (宀 ‘узкий’, 宀 ‘узкий’, 宀 ‘узкий’); 4) высоту (宀 ‘высокий’); 5) форму (宀 ‘квадратный’); 6) размер (宀 ‘большой’, 宀 ‘огромный’); 7) тишину (宀 ‘тихий’); 8) расстояние (宀 ‘далёкий’); 9) отсутствие чего-либо (宀 ‘пустой’, 宀 ‘бедный’, 宀 ‘бедный’, 宀 ‘пустой’).

Не менее частотны в иероглифическом гнезде с детерминативом 宀 ‘пещера’ сложные иероглифические знаки, обозначающие:

1) действия различного типа, например, 宀 ‘скрывать’, 宀 ‘хранить’, 宀 ‘вникать’, 宀 ‘надевать’, 宀 ‘прорывать’, 宀 ‘погребать’, 宀 ‘красть’, 宀 ‘заваливать’, 宀 ‘подавлять’, 宀 ‘спрятаться’, 宀 ‘подглядывать’, 宀 ‘находиться в тяжелом положении’, 宀 ‘исследовать’, 宀 ‘закупорить’, 宀 ‘заваливать’;

2) виды помещений: 突 ‘укрытое помещение’, 宏 ‘просторный дом’, 窠 ‘шарнир’, 宸 ‘жилище императора’, 扉 ‘жилище’, 龕 ‘нора, берлога’, 窟 ‘просторный дом’, 窠 ‘место почитания духов’, 窠 ‘амбар на берегу’, 窠 ‘пустая комната’, 窠 ‘место почитания духов’, 窠 ‘гнездо’, 窠 ‘глубокая яма’, 窠 ‘нора’, 窠 ‘осадное сооружение’, 窠 ‘пещера’, 窠 ‘пещера’, 窠 ‘земляная яма’, 窠 ‘гнездо’, 窠 ‘пещера’ и др.;

3) части помещений: 窠 ‘отверстие’, 窠 ‘щель’, 窠 ‘скважина’, 窠 ‘дыра’, 窠 ‘расщелина’, 窠 ‘отверстие’, 窠 ‘погреб, яма’, 窠 ‘погреб, подземелье’, 窠 ‘погреб’, 窠 ‘стена’, 窠 ‘угол’, 窠 ‘окно’, 窠 ‘окно’, 窠 ‘погреб, притон’, 窠 ‘погреб’, 窠 ‘сиденье’, 窠 ‘кухонный очаг’, 窠 ‘лавка’, 窠 ‘пещера’, 窠 ‘погреб’, 窠 ‘яма’, 窠 ‘яма’, 窠 ‘дупло’, 窠 ‘дыра’, 窠 ‘щель’;

4) инструменты и атрибуты ведения домашнего хозяйства: 窠 ‘гончарная печь’, 窠 ‘утварь’, 窠 ‘гончарная печь’, 窠 ‘орудие пыток’, 窠 ‘жаровня’, 窠 ‘кухонный очаг’, 窠 ‘горн’, 窠 ‘шкура’, 窠 ‘декоративное тонкое покрывало’, 窠 ‘гончарный горн’, 窠 ‘плита, кухонный очаг’, 窠 ‘плеть для наказания’.

Наименее распространены иероглифические знаки с детерминативом 穴 ‘пещера’, обозначающие различные звукоподражания, например, 窠 ‘эхо’, 窠 ‘шум мыши в пещере’, 窠 ‘вихрь текущей воды’.

Таким образом, семантическая матрица китайского иероглифического гнезда с детерминативами, являющимися обозначениями жилищ и их частей, представляет собой систему определенным образом выстраиваемых связей, обуславливающих выбор соответствующего смыслового компонента при включении в сложные иероглифические знаки.

Данную систему связей составляют такие фундаментальные отношения единиц в языковых системах, как гиперо-гипонимия (объект – вид объекта) и холо-меронимия (объект – часть объекта), а также иные виды семантических соединений, обуславливающих выбор детерминативов-обозначений жилищ и их частей (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Семантическая матрица связей между детерминативами-номинациями жилищ и их частей и сложными иероглифическими знаками китайского языка

№	Детерминатив / семантические связи	宀 ‘крыша’	冫 ‘убежище; навес’	穴 ‘пещера’	門 ‘ворота’
1	Объект – вид объекта	+	+	+	+
2	Объект – часть объекта	+	+	+	+
3	Объект – действие	+	+	+	+
4	Объект – атрибут	+	+	+	+
5	Объект – состояние	+	+	–	–
6	Объект – субъект	+	+	–	+
7	Объект – звукоподражание	+	+	+	+
8	Объект – иной объект	–	+	+	+
9	Объект – абстрактная сущность	+	+	+	+
10	Объект – зооним	–	+	–	–
11	Объект – фитоним	–	+	–	–
12	Индекс семантических связей	0,7	1	0,6	0,7

В группе детерминативов-обозначений жилищ, их частей наибольшее число связей зафиксировано в области детерминатива 冫 ‘убежище; навес’. Наименее семантически разветвленными являются иероглифические гнезда с детерминативами 宀 ‘крыша’, 穴 ‘пещера’ и 門 ‘ворота’.

Становится очевидным, что степень порождения семантических связей различными детерминативами в рамках одной семантической области может значительно варьироваться. Это явилось основанием присвоения каждому детерминативу соответствующего индекса семантических связей, позволяющего увидеть, насколько детерминативы схожи или различны относительно способности участвовать в создании семантических связей со сложными иероглифическими знаками разных семантических типов.

Индекс семантических связей определялся по следующей формуле:

$$i_k = \frac{1}{m} \sum_{n=1}^l x_n,$$

где, k – номер индекса для k -го элемента, m – количество порождаемых семантических связей, l – число связей для k -ого элемента группы, x_n – наличие связей в n -ом звене, n – номер элемента связи.

Таким образом, в рассматриваемой группе детерминатив $宀$ ‘навес’ имеет наиболее высокий индекс семантический связей = 1. Это говорит о том, что семантический потенциал данного графического элемента очень широкий, что позволяет сделать заключение о высокой способности порождать новые связи, с одной стороны, а также о сложности определения семантики иероглифов, куда они входят, с другой стороны. То есть мы видим, что чем выше индекс семантических связей детерминатива, тем труднее интерпретировать сложный иероглифический знак в составе с ним. Данная обратно пропорциональная зависимость, в то же время, говорит о том, что низкий индекс семантических связей детерминатива является показателем значительно более ограниченного семантического круга сложных иероглифов, в состав которых он входит. Например, у детерминатива $穴$ ‘пещера’ – самый низкий в группе показатель индекса семантических связей. Следовательно, семантические группы иероглифов с этой графемой ограничены и включают фундаментальные гиперо-гипонимические и партономические связи, возможность использовать данный детерминатив для обозначения отдельных действий и атрибутов, звукоподражаний и абстрактных сущностей.

Следующий аспект анализа семантической матрицы иероглифических гнезд китайской письменности включил выявление тех семантических связей, которые являются общими или различными для детерминативов рассматриваемой группы. Общей семантической линией, составляющей ядерную семантическую зону для всех детерминативов группы, являются семантические связи «объект – вид объекта», «объект – часть объекта», «объект – действие», «объект – атрибут», «объект – звукоподражание», «объект – абстрактная сущность», характеризующие все представленные в данной группе обозначения жилищ и их частей (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Примеры сложных иероглифов китайского языка с детерминативами $宀$ ‘крыша’, $宀$ ‘убежище; навес’, $穴$ ‘пещера’ и $門$ ‘ворота’, для которых характерны общие принципы семантического объединения в иероглифическое гнездо

Детерминатив / семантические связи	$宀$ ‘крыша’	$宀$ ‘убежище; навес’	$穴$ ‘пещера’	$門$ ‘ворота’
Объект – вид объекта	豐 ‘большой дом’	廛 ‘зброшенный дом’	窠 ‘нора, берлога’	閤 ‘ворота деревенские’
Объект – часть объекта	寮 ‘дыра’	廩 ‘зернохранилище’	窖 ‘погреб, яма’	闔 ‘дверной паз’
Объект – действие	寢 ‘спать’	屬 ‘отдыхать’	窖 ‘хранить’	開 ‘отворять ворота’
Объект – атрибут	安 ‘спокойный’	廔 ‘темный’	穹 ‘глубокий’	闕 ‘спокойный, тихий, мирный’
Объект – звукоподражание	宏 ‘звук, издаваемый в помещении’	廔 ‘протяжный звук’	窠 ‘шум мыши в пещере’	闐 ‘звукоподражание хлопанию двери; бум!; хлоп!’
Объект – абстрактная сущность	寔 ‘изобилие’	廔 ‘тень’	審 ‘вихрь текущей воды’	閑, 閒 ‘свободное время’

Таким образом, детерминатив-обозначение жилища или его части, прежде всего, включается в сложный иероглифический знак для обозначения вида постройки, части постройки, действия, связанного с данной постройкой, атрибута, характеризующего постройку или ассоциативно связанного с ней, звукоподражания и абстрактной сущности, что составляет основание когнитивной пирамиды выбора детерминативов-обозначений жилищ или их частей в китайской письменности.

Литература

1. Fitch, W. T. Toward a computational framework for cognitive biology : Unifying approaches from cognitive neuroscience and comparative cognition / W. T. Fitch // *Physics of Life Reviews*. – 2014. – № 11. – P. 329–364.
2. Dehaene, S. Symbols and mental programs : a hypothesis about human singularity / S. Dehaene, F. A. Roumi, Y. Lakretz [et al] // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2022. – № 26 (9). – P. 751–766.

3. Мяховский, А. А. Основания классификации животных в американском варианте современного английского языка / А. А. Мяховский // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2022. – № 3. – С. 67–76.
4. Васильев, В. П. Анализ китайских иероглифов / В. П. Васильев. – Изд. 2-е. – СПб. : Типография В. Безобразова и Комп., 1898. – 133 с.
5. Георгиевский, С. М. О корневом составе китайского языка, в связи с вопросом о происхождении китайцев / С. М. Георгиевский. – СПб. : тип. И.Н. Скороходова, 1888. – 176 с.
6. Пруцких, А. А. Структурно-семантический анализ иероглифов с ключом «женщина» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / А. А. Пруцких. – М., 2003. – 141 с.
7. Филимонова, М.С. Обучение студентов чтению на основе когнитивно-коммуникативного подхода (китайский язык) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / М. С. Филимонова. – Минск, 2018. – 300 л.
8. Молоткова, Ю. В. Методика обучения китайскому иероглифическому письму : учеб. пособ. для студ. учр. высш. обр. по спец. «Восточная филология» / Ю. В. Молоткова. – Минск : БГУ, 2017. – 119 с.
9. Шаравьёва, И. В. Грамматология идеографического письма в монадно-модусной модели представления : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Шаравьёва. – Кемерово, 2016. – 23 с.
10. Готлиб, О. М. Основы грамматики китайской письменности : монография / О. М. Готлиб. – М. : АСТ Восток-Запад, 2007. – 284 с.
11. Резаненко, В. Ф. Семантическая структура иероглифической письменности / В. Ф. Резаненко. – Киев : КГУ, 1985. – 132 с.
12. Карасева, К. В. Принципы декодирования логограмм и реконструкция их семантики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / К. В. Карасева. – Минск, 2019. – 26 с.
13. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Культура и традиции, 1985. – 578 с.

Минский государственный
лингвистический университет

Поступила в редакцию 23.05.2024

Иронические высказывания в русской художественной прозе 1920-х гг.: коммуникативно-прагматический и стилистический аспекты

Н.А. МИХАЛЬЧУК

В статье анализируются типы и функции иронии в русской художественной прозе 1920-х гг. Выявлено, что основная функция иронии в повести М. Булгакова «Собачье сердце» и в рассказах М. Зощенко – выражение неодобрения и критики, в то время как в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» ирония используется с целью избежания конфликтов, усиления речевого воздействия. Обосновывается важная роль в текстах М. Булгакова и И. Ильфа и Е. Петрова «диад с противоположными членами», а в прозе М. Зощенко – авторской иронии. В сфере речевого общения в анализируемых текстах «диссонанс» преобладает над «унисоном».

Ключевые слова: непрямая коммуникация, ирония, иронические высказывания.

The article analyzes the types and functions of irony in Russian fiction of the 1920s. It has been revealed that the main function of irony in M. Bulgakov's novel «The Heart of a Dog» and in the stories by M. Zoshchenko is an expression of disapproval and criticism, while in the novel «The Twelve Chairs» by I. Ilf and E. Petrov irony is used to avoid conflicts, to enhance speech impact. The important role in the texts by M. Bulgakov and I. Ilf and E. Petrov of «dyads with opposite members» is substantiated, and in the prose by M. Zoshchenko – the author's irony. In the sphere of speech communication, «dissonance» prevails over «unison» in the analyzed texts.

Keywords: indirect communication, irony, ironic statements.

Введение. В качестве одной из разновидностей непрямого общения в научной литературе трактуется ирония, которая представляется ярким случаем расхождения между явным пластом смысла высказывания – его собственным значением и скрытым, «подлинным» пластом – прагматическим значением [1], [2], [3]. Статус иронии до сих пор является невыясненным и определяется исследователями в широком диапазоне терминов: как речевой жанр, речевой акт, речевая стратегия, речевая тактика, дискурсивная практика [1], [4], [5], [6], [7].

О.П. Ермакова дифференцирует иронию в зависимости от формы высказывания и различает ее реализацию в слове, в словосочетании, в синтаксических конструкциях, выходящих за их рамки [4]. И.Б. Шатуновский справедливо показывает, что иронию неправомерно сводить только к косвенному речевому акту, так как это гораздо более широкое и многоплановое явление: оно может быть отмечено как на уровне высказывания, отрезка текста, так и на уровне номинации, может относиться к иллюкативному действию, но может и проявляться в тексте как общая тональность повествования, например, как общеироническое отношение автора к персонажу [6]. В научном труде К.М. Шилихиной доказывается, что статус иронии должен определяться как дискурсивная практика, то есть «принятый в языковом сообществе способ говорить о чем-либо» [7].

Одним из основных показателей иронии лингвисты называют аномальность семантики, частичное или полное несоответствие содержания высказывания действительности, реальной речевой ситуации, языковым или внеязыковым нормам, правилам, его неуместность [6], [7]. Дифференциальным признаком иронии, позволяющим ее отличать от юмора, считается «критичность» иронии по отношению к своему объекту [6], имплицитно выраженная «негативная деонтическая оценка» [7].

Исследуя иронию в коммуникативно-прагматическом аспекте в художественном тексте 1920-х гг., мы берем за основу следующее наше определение: «Ирония – это непрямо реализация коммуникативных интенций в смеховой, «несерьезной» форме, которая характеризуется несоответствием высказывания реальной ситуации и в содержание которой включается компонент критической оценки определенного объекта». Мы предлагаем классифицировать и рассматривать иронию в зависимости от типа коммуникативной единицы, в пределах которой она обнаруживается: на уровне микроречевого и макроречевого актов, компонента высказывания, диалогического единства, дискурса персонажа, речевого жанра (текста).

Цель данной статьи – выявление специфики употребления иронических высказываний в диалоговом взаимодействии персонажей в произведениях русской литературы 1920-х гг.: типов и функций иронии, языковых и стилистических средств ее выражения. Материалом для исследования послужили произведения русских писателей 1920-х гг.: повесть М. Булгакова «Собачье сердце» [8], роман «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова [9], рассказы М. Зощенко [10].

Основная часть.

1. Типы и функции иронии в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

В романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» ирония является стилевым показателем своеобразия текста и охватывает большой диапазон единиц коммуникации. Так, в диалоговом взаимодействии персонажей ирония была выявлена на уровне микроречевого акта, ср.: «*Больше вы ничего не хотите?*»; макроречевого акта, ср.: «*Как же вы узнали об этом? Использовали в своих интересах тайну исповеди? Очень хорошо! Очень красиво!*»; в пределах диалогического единства, ср.: «*Где же ваши усы, уважаемый Ипполит Матвеевич? – с невозможной язвительностью спросила духовная особа. – А ваши локоны где? У вас ведь были локоны?*»; отдельного компонента речевого акта, ср.: «*Как же насчет итанов, многоуважаемый слу- житель культа?*». Дискурс Остапа Бендера, с некоторой долей условности, можно отнести к ироническим, так как большое количество реплик героя характеризуется иронией.

1.1. Собственно иронические речевые акты. Употребительным в романе (18 контекстов) является наиболее типичный случай иронии, представляющий собой «диадю, состоящую из противоположных членов» (термин В.В. Дементьева). В таком ироническом речевом акте означаемое и означающее противопоставлены по значению, то есть прагматическое значение высказывания противоположно собственному значению. Диады с контрастом между «формой» и «содержанием» речевого акта в романе сводятся к трем основным типам:

1.1.1 похвала в значении неодобрения: «*В полночь дворник Тихон, хватаясь руками за все попутные палисадники и надолго прикикая к столбам, тащился в свой подвал. <...> – А! Пролетарий умственного труда! Работник метлы! – воскликнул Остап, завидя согнутого в колесо дворника*». Параметры ситуации: дворник пьян;

1.1.2 согласие в значении несогласия: «*– Подумай только, пожираться трупы убитых животных! Людоедство под маской культуры! Все болезни происходят от мяса. – Конечно, – с застенчивой иронией сказала Лиза. – Например, ангина*». Параметры ситуации: диалог молодых супругов. На иронию в примерах 1.1.1 и 1.1.2 указывают авторские ремарки, что облегчает процесс декодирования речевого акта;

1.1.3 поздравление в значении неодобрения: «*Это, кажется, ваш первый опыт в прозе? Поздравляю вас! <...> Ну, удружили же вы «Капитанскому мостику»!* Параметры ситуации: диалог редактора и автора.

От данного типа высказываний, который мы называем собственно ироническим, мы отличаем речевые акты с пропозициональным ироническим значением. В собственно ироническом высказывании механизм иронии осуществляется путем замены одной коммуникативной интенции на другую (противоположную), то есть реальной ситуации не соответствует сам речевой акт, например, согласие по существу является несогласием (термин И.Б. Шатуновского по отношению к такому речевому явлению – «иллокутивная ирония»). В высказываниях второго типа выраженное намерение является неизменным: например, косвенная просьба остается просьбой, отказ – отказом. Несоответствие высказывания реальности относится в данном случае только к пропозициональному содержанию речевого акта, но не к нему самому как речевому действию. Наиболее часто в романе иронизацией сопровождаются не прямые реализации интенций побуждения, отказа и неодобрения. Покажем это на примерах.

1.2. Речевые акты с пропозициональным ироническим значением.

1.2.1 Иронический отказ, ср.: «*– Тише вы, господа! Зачем он приехал, как вы думаете? На черном лице Виктора Михайловича определилась ироническая улыбка. – Ну, а вы как думаете? Он усмехнулся с еще большей иронией. – Уж во всяком случае не договоры с большевиками подписывать*». Параметры ситуации: Елена расспрашивает Виктора Михайловича о Воробьянинове. Ирония, которую эксплицирует авторская ремарка, способствует бесконфликтной реализации коммуникативной стратегии уклонения (отказа от прямого ответа на вопрос). «*За ним бежал беспризорный. – Дядя, – весело кричал он, – дай десять копеек! Молодой человек вынул из коридора нагретое яблоко и подал его беспризорному, но тот не от-*

ставал. Тогда пешеход остановился, иронически посмотрел на мальчика и тихо сказал: – Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат? Зарвавшийся беспризорный понял всю беспочвенность своих притязаний и отстал». Отказ от выполнения действия (с оттеком побуждения) «окрашивается» иронией, что ведет к эффективности реализации интенции, избеганию конфликта и достижению коммуникативной цели адресантом.

1.2.2 Ироническое несогласие, ср.: «Место занято, – хмуро сказал Галкин. – Кем занято? – зловеще спросил кларнет. – Мною, Галкиным. – А еще кем? – Палкиным, Малкиным, Чалкиным и Залкиным. – А Елкина у вас нет? Это наше место». Параметры ситуации: пассажиры корабля, музыканты, спорят из-за места для репетиции. Вследствие использования иронии снижаются категоричность и импозитивность значения несогласия, являющегося зоной коммуникативного риска.

1.2.3 Ироническое побуждение, ср.: «– Однако для предводителя дворянства у вас слишком мелкие масштабы. А технику этого дела вы знаете? Может быть, у вас в чемодане запрятан походный несессер с набором отмычек? Выбросьте из головы! Это типичное пижонство – грабить бедную вдову. Ипполит Матвеевич опомнился». Параметры ситуации: диалог Бендера и Ипполита Матвеевича. Ирония способствует действительному влиянию на собеседника, успешному побуждению Воробьянинова к тому, чтобы отказаться от замысла украсть стул у Грицацуевой. В следующем фрагменте текста при помощи иронии Остап Бендер склоняет Воробьянинова уже к противоположной цели – способствовать запланированной краже: «– Но ведь это же... обман. – Кто это говорит? Это говорит граф Толстой? Или Дарвин? Нет. Я слышу это из уст человека, который еще вчера только собирался забрать ночью в квартиру к Грицацуевой и украсть у бедной вдовы мебель».

1.2.4 Ироническое неодобрение, ср.: «Старые вещи покупаем, новые крадем!» – крикнул Остап вслед. Параметры ситуации: диалог Бендера с отцом Федором.

Специфическая особенность коммуникации в романе «Двенадцать стульев» – частотность случаев комбинирования иронии с другими типами непрямой коммуникации. Так, в тексте произведения актуализированы следующие речевые формы:

– иронические намеки. Ср.: «Когда их пути сошлись снова, Воробьянинов уронил: – Не ушиб ли я вас во время последней встречи? – Нет, отчего же, очень приятно было встретиться, – ответил ликующий отец Федор. <...> – Обедню небось уже не служите? – спросил он при следующей встрече. – Где там служить? Прихожане по городам разбежались, сокровища ищут. – Заметьте – свои сокровища! Свои! – Мне неизвестно, чьи, а только ищут». Воробьянинов адресует отцу Федору намеки о том, что был свидетелем его попыток найти и присвоить чужие драгоценности, но и священник делает такого же рода намеки собеседнику. Цель речевых действий – дать понять, что коммуниканты в курсе незаконной деятельности друг друга;

– ироническая манипуляция. Дискурс Остапа Бендера следует охарактеризовать как одновременно иронический и манипулятивный, а персонажа – как ироническую и манипулятивную языковую личность. «– А ситечко кто взял? – Ах, ситечко! Из вашего неликвидного фонда? И это вы считаете кражей? В таком случае наши взгляды на жизнь диаметрально противоположны». Параметры ситуации: диалог Остапа с супругой;

– иронические сентенции. Ср.: «За баллотированного двух небаллотированных дают», «Предоставим небо птицам, а сами обратимся к стульям», «Иногда яйцам приходится учить зарвавшуюся курицу».

Ирония на уровне компонента речевого акта, как правило, представляет собой лексему или сочетание лексем, использованные в значении, которое противоречит речевой ситуации, макроконтексту, пресуппозициям. Так, номинации «любимая», «любимая женщина», «злойная женщина, мечта поэта», употребляемые Бендером в диалогах с третьими лицами по отношению к Грицацуевой, являются ироническими: контекст предоставляет читателю сведения о браке персонажа по расчету. Характеристика «многоуважаемый служитель культуры», даваемая Кисой Воробьяниновым отцу Федору, сигнализирует о противоречии между духовным саном персонажа и его поступками и личностными качествами.

Среди языковых и стилистических средств репрезентации иронии в романе актуализированы следующие: вводные слова и конструкции («А может быть, вы хотите, чтобы я работал даром, да еще дал вам ключ от квартиры, где деньги лежат?»); трансформация устойчивых оборотов («Ближе к телу, как говорит Мопассан», «Не будьте божьей короной»), риторические вопросы («Кто в Советской России не подвергался опасности, тем более человек в таком положении, как Воробьянинов?»).

2. Иронические высказывания в рассказах М. Зощенко. В отличие от романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», в котором в качестве иронических личностей в речевом взаимодействии выражают себя в большинстве случаев герои, в рассказах М. Зощенко 1920-х гг. в диалогическом общении широко представлена не только ирония персонажей, но и автора.

Авторская ирония выявляется тогда, когда адресант, герой рассказа, порождает высказывание всерьез, но над его репликами автор иронизирует, так как они представляются ему аномальными, «ложными» по причине несоответствия реальной ситуации. В подобном случае один и тот же речевой акт совмещает в себе реплику-стимул и реплику-реакцию. Данный тип иронии характерен только для художественного дискурса, и он уже являлся в той или иной мере объектом научного изучения в трудах З.А. Заврумова [11], И.Б. Шатуновского (термин «авторская метаирония») [6].

Как показывают результаты нашего исследования, сигналами авторской иронии в прозе М. Зощенко 1920-х гг. могут выступать:

2.1. «Дискурсивный» конфликт. В речи персонажей в частном общении могут обнаруживаться многочисленные признаки официального дискурса, что демонстрирует неспособность героев к «дискурсивному» переключению, отсутствие необходимых для этого навыков коммуникации. Так, в рассказе «Любовь» в рамках романтического гипержанра наблюдаются речевые акты, которые были бы более уместны в деловой беседе: *«Вот многие ученые и партийные люди отрицают чувство любви, а я, Марья Васильевна, не отрицаю»*. Возможен конфликт и между различными гипержанрами в рамках официального общения. Так, в рассказе «Лимонад» в реплике врача, пересказанной героем, наблюдаем контаминацию финансового дискурса и гипержанра врачебной практики: *«– У вас, – говорит, – полная девальвация. Где, говорит, печень, где мочевой пузырь, распознать, говорит, нет никакой возможности»*.

2.2. Смешение стилей. В рассказе «Актер» при реализации просьбы наблюдаем стилистическую «разнородность» языковых средств: *«Выручай, браток. Может, тот артист после очухается. Не срывай, говорит, просветительской работы»*. Ср.: *«Робеть, граждане, не приходится – раз, говорю, критический момент. Артист, говорю, сильно под мухой и не может к рампе выйтить. Блюет»*.

2.3. Конфликт унисона и диссонанса. В рамках одного высказывания могут сочетаться грубая лексика, направленная на обвинение, оскорбление, и формулы вежливости, нацеленные на согласие: *«– Не подходи, – говорю, – сволочи, честно прошу»*.

2.4. Несоответствие высказывания социальной роли говорящего. В рассказе «Исповедь» реплики священника о сомнении в вере не соответствуют его социальной роли, а в рассказах «Случай в провинции» и «Крестьянский самородок» речевые акты персонажей, считающих себя поэтами, характеризуют их как псевдолитераторов. Такая ирония подчеркивает «неистинность» статуса человека, отсутствие необходимых для него личностных качеств. Ср.: *«– А поэзия? – Какая поэзия, – сказал Иван Филиппович тараканьим голосом. – Жрать надо. Поэзия!»* («Крестьянский самородок»).

2.5. «Ложная», аномальная аргументация речевой интенции. В рассказе «Мадонна» девушка отвечает на вопрос жениха, почему его полюбила, следующим образом: *«Так, говорит, и полюбила. Мужчина, вижу, без угрей, без прыщей, ровный мужчина»*.

Анализ иронических высказываний в рассказах М. Зощенко 1920-х гг. свидетельствует об амбивалентном отношении автора к своим персонажам, представителям рабочего класса и крестьянства. С одной стороны, он относится к ним критически, с насмешкой, писателем изображаются языковые личности, не владеющие и минимальной коммуникативной компетенцией, не знакомые с культурой речи и нормами поведения в обществе, совершающие необъяснимые, с точки зрения логики, поступки. С другой стороны, иронию М. Зощенко можно назвать «горькой», «печальной», во многих контекстах она граничит с добрым юмором, в ней, на наш взгляд, выявляется как авторское сострадание героям, так и понимание причин несостоятельности их речевого поведения.

Ирония персонажей в прозе М. Зощенко 1920-х гг. преимущественно используется для выражения значений критики и неодобрения. Как правило, иронические высказывания персонажей содержат манифестации возмущения, неприязни, гнева. Ср.: *«Личность оскорбили, а теперь – идите. Рабочий, говорю, костюмчик не по вкусу?»* («Рабочий костюм»). *«– А какая, – говорю, – мне гарантия, что это царские? Может, – говорю, – какой-нибудь капельдинер трепал, а вы их замест царских выдаете?»* («Царские сапоги»). Случаи употребления иронии с целью ухода от конфликтов во взаимодействии, для смягчения речевых интенций обнаружены в отдельных примерах.

В текстах М. Зощенко ирония регулярно встречается на уровне микроречевого и макроречевого актов. Отмечены единичные случаи иронических диалогических единств. В ряде рассказов («Рабочий костюм», «Стакан», «Аристократка») дискурсы главных героев можно охарактеризовать как иронические.

В рассказах М. Зощенко 1920-х гг. употребительными являются следующие языковые и стилистические маркеры иронии: существительные в форме множественного числа («в трактирах», «манишечки», «галстуки», «костюмчики»); эмоционально-оценочные адъективные лексемы в обращениях («милый», «уважаемая Мария Васильевна»), частицы, обозначающие эмоциональные оценки говорящего, его волеизъявление («ишь», «этак», «небось», «пуцай», «тоже»); грубо-просторечная лексика («жрать», «прет», «милиция за костюм человека вытирает»), риторические вопросы («Рабочего человека в ресторан не пуцать?»).

3. Иронические высказывания в повести М. Булгакова «Собачье сердце». Ирония персонажей в повести «Собачье сердце», как и в романе И. Ильфа и Е. Петрова, является типичным и явным проявлением речевой агрессии и редко используется в целях сохранения кооперации общения, для повышения эффективности воздействия на адресата. Ср. «Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что 2-й подъезд Калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через черный двор? Кому это нужно?» («Собачье сердце»). Общее у М. Булгакова и М. Зощенко – подчеркнуто неблагоприятный эмоциональный фон иронических речевых актов, которые, как правило, используются для осуществления интенций неодобрения и критики. Есть и различие между двумя текстами: иронию профессора Преображенского в повести М. Булгакова можно описать как «язвительную», «едкую», а иронию персонажей в прозе М. Зощенко – как «гневную», «возмущенную».

По нашему мнению, такая эмоциональная тональность иронических конструкций в прозе М. Булгакова и М. Зощенко свидетельствует об остроте противостояния между «уходящим» классом дворянства и представителями «новой России» в 1920-е гг., в целом о высоком уровне речевой агрессии в обществе в анализируемый период как в официальной коммуникации, так и в частном дискурсе.

В романе «Двенадцать стульев» эмоциональный фон иронических высказываний является более мягким, иронию следует охарактеризовать как «веселую», «легкую», «изящную», «шутливую». Иронические высказывания героев родственны шуткам и часто нацелены на действенное убеждение собеседника, на достижение коммуникативного компромисса, на более гармоничную реализацию неблагоприятных для адресатов интенций.

В повести М. Булгакова актуализированы «диады с противоположными членами» – косвенные речевые акты, в которых собственное значение высказывания и прагматическое значение противопоставлены друг другу. Выделяются два типа такого рода иронических конструкций – «одобрение в значении неодобрения» и «согласие в значении несогласия». Ср.: «Все будет как по маслу. Вначале каждый вечер пение, потом в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении и так далее» (Одобрение = неодобрение). «– Уж конечно, как же... – иронически заговорил человек и победоносно отставил ногу, – мы понимаем-с. Какие уж мы вам товарищи. Где уж» (Согласие = несогласие). Случаи иронии подобного типа были отмечены в пределах различных коммуникативных единиц: как на уровне речевого акта, так и в рамках компонента высказывания, номинации. Ср.: «В марте 17-го в один прекрасный день пропали все калоши, в том числе две пары моих». «– Итак, что говорит этот ваш прелестный домком? – Что ж ему говорить... Да вы напрасно его прелестным ругаете». Данная особенность употребления иронии сближает повесть М. Булгакова с романом И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

В обоих произведениях актуализированы также и иронические намеки. Ср. в повести М. Булгакова: «Конечно, если бы я начал прыгать по заседаниям и распевать целый день, как соловей, вместо того чтобы заниматься прямым своим делом, я бы никуда не поспел» (намек Преображенского на деятельность людей, пришедших в органы управления в 1920 гг.).

Показательно, что в повести М. Булгакова «Собачье сердце» наблюдаются как черты сходства, так и различия в области иронических высказываний с обоими рассмотренными произведениями.

Среди языковых и стилистических средств репрезентации иронии следует указать на регулярность риторических вопросов (15 примеров употребления, ср.: «Почему калоши нуж-

но до сих пор еще запираешь под замок? И еще приставлять к ним солдата, чтобы кто-нибудь их не стащил?»). В меньшем количестве отмечены формы множественного числа имен существительных («Мы в университетах не обучались, в квартирах по 15 комнат с ванными не жили»), фразеологизмы («как по маслу», «кровный враг»), сравнения, адъективные лексемы со значением положительной оценки.

Заключение. Таким образом, в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» ирония способствует эффективной косвенной реализации коммуникативных намерений отказа, несогласия, побуждения и неодобрения. Ирония в произведении не всегда реализована как форма речевой агрессии и нередко сближается с шуткой: во многих случаях коммуникативные намерения говорящего в результате иронизации осуществляются в более смягченном виде, менее категорично, что позволяет вернуть общение в русло кооперации.

В текстах рассказов М. Зощенко и повести М. Булгакова, напротив, ирония персонажей выступает как разновидность речевой агрессии, реализует интенции неодобрения и критики, характеризуется негативным эмоциональным фоном. Данная коммуникативная особенность указывает на напряженное противостояние между социальными классами в обществе и свидетельствует о преобладании «диссонансной» сферы речевого общения в 1920-е гг.

Как в романе И. Ильфа и Е. Петрова, так и в повести М. Булгакова «Собачье сердце» частотным является самый типичный случай иронии – «диады с противоположными членами». Персонажи М. Булгакова комбинируют иронию с намеком, герои И. Ильфа и Е. Петрова – с манипуляцией, намеком и сентенцией.

В прозе М. Зощенко 1920-х гг., наряду с иронией героев, важную роль играет авторская ирония.

К языковым и стилистическим средствам, выступающим маркерами иронии во всех проанализированных текстах или хотя бы в двух из них, относятся риторические вопросы, формы множественного числа имен существительных, фразеологизмы, адъективные лексемы со значением положительной оценки.

Литература

1. Дементьев, В. В. Основы теории непрямой коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / В. В. Дементьев ; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2001. – 37 с.
2. Кита, М. Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителя языка [Электронный ресурс] / М. Кита // Прямая и непрякая коммуникация : сб. науч. ст. / Саратов. нац. исслед. гос. ун-т ; редкол.: В. В. Дементьев (отв. ред.) [и др.]. – Саратов, 2003. – Режим доступа : <https://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya-kommunikaciya>. – Дата доступа : 09.02.2024.
3. Нестерова, Т. В. Непрямая коммуникация в этикетных ситуациях обиходной сферы / Т. В. Нестерова // Русский язык в контексте культуры : сб. науч. ст. участников Междунар. науч. конф., провед. в МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, 10–11 нояб. 2009 г. / Могилев. гос. ун-т ; под общ. ред. Т. Г. Михальчук. – Могилев, 2010. – С. 18–21.
4. Ермакова, О.П. Ирония и ее роль в жизни языка / О. П. Ермакова. – М. : Флинта, 2022. – 202 с.
5. Коновалова, О. А. Иронические стратегии постмодерна в отношении дискурса / О. А. Коновалова // Вестн. Кузбасского. гос. техн. ун-та. – 2006. – № 4. – С. 152–155.
6. Шатуновский, И. Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке / И. Б. Шатуновский. – М. : ЯСК, 2016. – 477 с.
7. Шилихина, К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина. – Воронеж, 2014. – 51 с.
8. Булгаков, М. Избранные произведения : в 2 т. / М. Булгаков. – Минск, 1990. – Т. 2. – 543 с.
9. Ильф, И. Двенадцать стульев. Золотой теленок / И. Ильф, Е. Петров. – Минск, 1981. – 526 с.
10. Зощенко, М. Избранное : в 2 т. / М. Зощенко. – Минск : Народная асвета, 1983. – Т. 1. – 543 с.
11. Заврумов, З. А. Феномен иронии в художественном тексте : прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / З. А. Заврумов ; Дагестан. гос. пед. ун-т. – Махачкала, 20017. – 56 с.

Традыцыйная духоўная спадчына жыхароў Мазыршчыны

В.С. НОВАК, А.А. КАСТРЫЦА

У артыкуле асэнсоўваюцца традыцыйныя абрады і звычаі жыхароў Мазыршчыны, выяўляюцца рэгіянальна-лакальныя асаблівасці іх бытавання. Увага засяроджваецца на асобных структурных кампанентах каляндарна-абрадавых з’яў і звязаных з імі прыкметах і павер’ях.

Ключавыя словы: Мазырскі раён, традыцыйная культура, абрады і звычаі, прыкметы і павер’і, народныя вераванні, рэгіянальна-лакальныя асаблівасці.

The article interprets the traditional rituals and customs of the inhabitants of the Mozyr region, reveals the regional and local features of their existence. The attention is focused on the individual structural components of calendar and ritual phenomena and related signs and beliefs.

Keywords: Mozyr region, traditional culture, rituals and customs, omens and beliefs, folk beliefs, regional and local peculiarities.

Традыцыйная духоўная спадчына жыхароў Мазыршчыны адрозніваецца багаццем каляндарна-абрадавай паэзіі і разнастайнасцю міфалагічных уяўленняў. Сярод відаў веснавой абраднасці ўстойлівасцю бытавання вылучаюцца абрады гукання вясны, велікодныя, юраўскія, траецка-сёмушныя.

Засяродзім увагу на звестках пра абрад гукання вясны. Звычайна гэта свята адзначалася ў красавіку. Сярод абавязковых структурных абрадавых кампанентаў гукання вясны былі такія, як выхад на высокае месца, запальванне вогнішча, падрыхтоўка абрадавага печыва («*Гукалі вясну ў апрэлі месяцы. Запальвалі вогнішча, выходзілі на высокае месца. Пеклі верабеек, з ягад рабілі вочкі, дзюбкі. Калі напякалі, то елі*» [1, с. 103]), выбар дзяўчыны на ролю вясны («*Гэта была самая прыгожая, самая статная дзяўчына. І яна не павінна была быць замужам. Яе вадзілі вакол вогнішча*» [1, с. 103]), гушканне на арэях, выкананне песень-вяснянак («*Яшчэ гушкаліся на арэях. Песні спявалі: “Благаславі, Божа, / Вясну-красну пеці, / Вясну васхваляці. / Благаславі, Божа”*» [1, с. 103]). Паводле сведчанняў жыхаркі Мазыра Бараноўскай Ганны Данілаўны, 1928 г. н., вясну гукалі («*Жэнічыны на двор выходзілі і гукалі вясну: “Вясна, вясна, ходзі к нам!”*» [1, с. 103]), але абрадавага печыва ў выглядзе жаўранкаў не выпякалі.

Даволі часта інфарманты прыгадвалі прысвятак Саракі, з якім звязвалі магічныя дзеянні, прасякнутыя шлюбнымі матывамі: ламанне 40 дошчак («*...нада зламаць 40 дошчак, штоб 40 жаніхоў было. Дзе тая дошчачка зломіцца, тады і замуж пойдзеш. Пасярэдзіне – тады ў сярэдзіне года пойдзеш*» (запісана ў г. Мазыр ад Рэут Вольгі Андрэеўны, 1930 г. н.), перакідванне іх цераз страху («*На Сарака нада 40 палак чэраз хату перакінуць, як перакінае 40 палак, значыць замуж пойдзе*» (запісана ў г. Мазыр ад Марыі Раманаўны Мурашка, 1934 г. н.; Насановіч Дар’і Адамаўны, 1937 г. н.)).

У некаторых вёсках Мазырскага раёна падобныя абрадавыя дзеянні мелі, паводле ўяўленняў мясцовых жыхароў, аграрна-магічную аснову: «*На Саракі палкі перакідвалі чэраз сарай, дзе куры, штоб нясліся дома*» (запісана ў в. Белая ад М.Т. Вераксіч, 1912 г. н.).

Вядома была на Мазыршчыне, як, напрыклад, і ў Лельчыцкім раёне, гульня ў «скокалкі», прымеркаваная да абраду гукання вясны: «*Шчэ ручаі ў нас так: дзярэўня, гара і з яе руч’і бягуць, а мы, босыя, скакалі ў скокалкі – ето лажылі доску на палено і адна на адном канцы, друга – на етом. Я прыгнула – тая падлятае, тая ляціць і прыгае – я падлятаю». Акрамя гэтага, у названай мясцовай традыцыі «хлопцы выразаюць 40 кацялкоў з дзерава і катаюць. Дзеўкам нада спекці 40 булак і з’есці, а хлопцы рабілі свае катлы, і трэба было гэтыя катлы пакаціць і разбіць» (запісана ў в. Стрэльск ад Шафарэнка Марыі Мікалаеўны, 1930 г. н.).*

У велікодным абрадавым комплексе Мазыршчыны назіраюцца арганічная павязь хрысціянскіх абрадаў і язычніцкіх элементаў, устойлівасць захавання асноўных структурных

элементаў. Што да яго структуры, то можна назваць наступныя абрадавыя элементы: наведванне жыхарамі царквы з мэтай асвяціць ежу («*Свяшчэннік усё прынесенае людзьмі павінен быў асвяціць. Усё асвечанае лічылася “святым”*») (запісана ў г. Мазыр ад Чырыч Вікторыі Паўлаўны, 1921 г. н.), фарбаванне яек («*Яйца красілі ў красны цвет. Кажуць, што “кроў красная ў Хрыста”*») (запісана ў г. Мазыр ад Бондаравай Валянціны Сяргееўны, 1923 г. н.; Станкевіч Валянціны Станіславаўны, 1927 г. н.), выпечка «паскі», звычай гуляць у біткі («*Мужчыны бралі яйца, выбіралі, якія пакрапчэй, і ў біткі гулялі. Бывае, адзін наб’е – забірае. Бывае, цэлую кашолку назбіралі*») (запісана ў г. Мазыр ад Барысенкі Фёдара Іванавіча, 1927 г. н.).

Варта адзначыць, што велікодному пасвечанаму яйку надавалі магічнае значэнне, лічылі, што «трэба яйцом па шчоках павадзіць, пакатаць яго па ліцу» (запісана ў г. Мазыр (Бабры) ад Селязнёвай Марыі Аляксандраўны, 1934 г. н.; Кандрашонак Серафімы Пятроўны, 1926 г. н.). Паводле тлумачэнняў жыхаркі в. Іванкаўшчына Марыі Раманаўны Лабунец, 1944 г. н., «свяцонае яечко ў вадку клалі і той вадой умываліся, каб ліцо красівае было».

Зыходзячы з народных вераванняў, пасвечанае яйка трэба было з’есці першым: «*Первае яйцо мы асвецім, разрэжам на тарэлачку, солькай свяцонаю пасыпім і між усіх падзелім. Первым всегда нада папробаваць пасвечанае яйцо*» (запісана ў г. Мазыр (Навікі) ад Лузай Ядзвігі Міхайлаўны, 1923 г. н.). На пытанне, чаму так прынята рабіць, інфарматыры адказвалі, «каб здаровым быць, першым трэба было з’есці пасвяцонае яечка» (запісана ў г. Мазыр ад Ліцкевіч Анастасіі Фёдараўны, 1929 г. н.). Жыхары в. Надаткі Мазырскага раёна верылі, што калі пасвечанае яйка падзяліць паміж усімі членамі сям’і, то ніколі не будзе сварак: «*Трэба ўзяць яйцо свяцонае і падзяліць паміж усёй сям’ёй, каб дружная сям’я была*» (запісана ад Пікуза Галіны Міхайлаўны, 1941 г. н., Дубавец Наталлі Кузьмінічны, 1923 г. н.).

Выкарыстанне велікоднэга яйка ў некаторых магічных рытуалах было скіравана на «стымуляванне» нівы, павышэнне яе ўрадлівасці: «*Яшчэ бралі красное яйцо, качалі яго па полю, каб жыто ўрадзіла*» (запісана в. Іванкаўшчына ад Кадол Кацярыны Іванаўны, 1932 г. н.).

Святкаванне Юр’я на Мазыршчыне мае спецыфічны характар. Найперш выконваўся абрад выгану жывёлы ў поле. Калі выганялі першы раз карову ў поле, то абыходзілі вакол яе тры разы з крыжом і пасцёбвалі галінкамі вярбы, пры гэтым прыгаворваючы: «*Ідзі, цялушка, у поле, / Не будзь урочліва, ды будзь малочліва*» (запісана ў в. Майская (Лапці) ад Лепеш Алены Юр’еўны, 1920 г. н.). Каб засцерагчы кароў ад ведзьмаў, у хляве «*клалі карове шыпшыну, каб ведзьма не хадзіла і малака не забірала*» (запісана ў в. Майская (Лапці) ад Лепеш Алены Юр’еўны, 1920 г. н.). У в. Навікі, каб засцерагчы карову ад зглазу, клалі ў хляве галінкі палыну і багону (запісана ад Бондар Валянціны Мікалаеўны, 1944 г. н.).

Жыхары Мазыршчыны адзначаюць, што было два Юр’і, галодны і халодны: «*На халоднага Юр’я (увосень) казалі: “Пірагі пячы, дзела рабі”*». *На галоднага Юр’я, як жывёлу выганялі на пашу, так кончык хваста абразалі*» (запісана ў в. Іванкаўшчына ад Хальчэні Анатоля Паўлавіча, 1941 г. н.). У в. Скрыгалаў, калі выганялі першы раз кароў на пашу, то «*вядро вады наперад стаўлялі, давалі кусок хлеба з соллю*» (запісана ад Чараўко Клары Герасімаўны, 1930 г. н.). Жыхары в. Малыя Зімовішчы юраўскую расу называлі жыццядайнай («*Эта раса лічылася карыснай і скаціне, і чалавеку*»). Качанне жанчын па расе, лічылі, садзейнічае не толькі іх здароўю. Гэты магічны акт быў закліканы спрыяць і ўрадлівасці зямлі («*Жанкі качаюцца па расе, каб буць здаровымі, а зямлі даваць добры ўраджай*») (запісана ў в. Малыя Зімовішчы ад Рубан Евы Іванаўны, 1949 г. н.).

Асэнсаванне экспедыцыйных матэрыялаў па юраўскай абраднасці дазваляе ахарактарызаваць юраўскі абрад як сістэму пэўных паслядоўных кампанентаў: завяршэнне дамашніх спраў напярэдадні выгану кароў ў поле; абыход гаспадыні з хлебам вакол печы да трох разоў, які суправаджаецца славесным прыгаворам; выхад гаспадыні на двор у адказ на заклік пастуха; кармленне абрадавым хлебам каровы з прыгаворам, адорванне пастуха.

Вяскоўцы ўважліва адносіліся да пастухоў, адорвалі іх падарункамі: «*Пастухі ўсю ноч павінны былі даглядаць жывёлу, а за гэтыя яны палучалі падарункі*» (запісана ў г. Мазыр ад Чырыч Вікторыі Паўлаўны, 1921 г. н.). У в. Іванкаўшчына надой малака знаходзіліся, паводле народных павер’яў, у залежнасці ад таго, як ушаноўвалі пастуха: «*Людзі лічылі, што чым болей дадуць яды пастуху, тым больш будзе малака ў кароў*» (запісана ад Кадол Кацярыны

Іванаўны, 1932 г. н.). Пастуху трэба было спачатку абысці пашу, а потым ужо выганялі кароў у поле. Выводзячы з хлява кароў, прыгаворвалі: «*На Юр'я каровам сена дай і вілы пахавай*» (запісана ў в. Іванкаўшчына ад Кадол Кацярыны Іванаўны, 1932 г. н.).

Агульнавядомае беларускае свята Тройца-Сёмуха, захоўваючы агульнаэтнічную аснову, вылучаецца адметнымі мясцовымі рысамі, напрыклад: упрыгожванне хаты і падвор'я зелянінай, ваджэнне карагодаў, падрыхтоўка святочных страў, шлюбная варажба на вянках.

Асобнай увагі заслугоўваюць звязаныя з народным календаром Мазыршчыны прыкметы і павер'і, якія ўвабралі ў сябе вопыт шматвяковых назіранняў і захавалі жыццёвую мудрасць папярэдніх пакаленняў, у сціслай форме ілюструючы гаспадарчыя парады і маральна-этычныя нормы паводзін. Варта адзначыць, што ўвесь уклад жыцця і дзейнасці чалавека, адлюстраваны ў прыкметках і павер'ях, знаёміць з міфалагічнай карцінай свету нашых продкаў і дазваляе меркаваць, што для іх з'яўлялася найбольш важным і каштоўным, аб чым яны клапаціліся, чаго асцерагаліся, як знаходзілі выйсце з неспрыяльных абставін і гарманізавалі адносіны з навакольным светам. На думку старажытнага чалавека, «...усе прадметы і істоты ў прыродзе ўцягнуты ў шэраг містычных сутыкненняў і выключэнняў, якія якраз і ствараюць у ёй сувязь і парадак ...Калі чалавек зацікаўлены якой-небудзь з'явай, ён не абмяжоўваецца пасіўным і бяздзейным успрыманнем, а выказвае здагадку аб якой-небудзь акультнай і нябачнай сіле, праявай якой і стала дадзеная з'ява» [2, с. 23].

Напрыклад, запісаныя на Мазыршчыне прыкметы і павер'і, паводле прымеркаванасці да пэўнага каляндарнага свята, можна падзяліць на адпаведныя тэматычныя групы функцыянальна-семантычнай прызначанасці. Звернемся да групы ўраджайных прыкмет і павер'яў, якіх на Мазыршчыне зафіксавана даволі многа, і прымеркаваны яны, напрыклад, да розных этапаў калядна-навагодніх святкаванняў.

Нашы продкі ўважліва назіралі за надвор'ем і з'явамі навакольнага свету, каб вызначыць:

– характар надвор'я ў летні перыяд і яго спрыяльнасць / неспрыяльнасць для гаспадаркі: «Калі на *Каляды ...люты мароз, звёзды высокія, гаварылі, што лета будзе цёплае, вільгаці мала*» (запісана ў в. Прудок ад Прус Наталлі Васільеўны, 1959 г. н.); «Калі на *Каляды падае снег або ідзе дождж – сенакос дажджлівым будзе*» (запісана ў в. Вялікі Бокаў ад Г.С. Царэнка, 1927 г. н.); «*Завіруха на Каляды – дажджы ў час жніва, могуць палеці зернавыя*» (запісана ў в. Вялікі Бокаў ад Г.С. Царэнка, 1927 г. н.);

– ступень ураджайнасці на ўвесь год: «Калі *Каляды* падыходзяць *раней за поўню – год* выдадзецца *спрыяльным да будучага ўраджаю*» (запісана ў в. Вялікі Бокаў Мазырскага р-на ад Г.С. Царэнка, 1927 г. н.); «Калі на *Каляды* многа *снега, год ураджайны, жыта добра...*» (запісана ў в. Прудок ад Прус Наталлі Васільеўны, 1959 г. н.).

Нярэдка мясцовыя жыхары прыгадвалі павер'і і звязаныя з імі магічныя дзеянні, у якіх цэнтральнае месца адводзілася вобразу *Мароза*. Менавіта з ім, зыходзячы з народных уяўленняў, толькі гаспадар дома меў права размаўляць / дамаўляцца і якога варта было ўлагоджваць (прапаноўваць далучыцца да святочнай куцці) або наадварот пужаць («плугам», «жалезнымі пугамі»), каб «ласкавы быў мароз і не памарозіў», каб быў «харошы ўраджай» (запісана ў в. Прудок ад Кур'ян Марыі Аляксандраўны, 1941 г. н., Яшчыкоўскай Раісы Васільеўны, 1935 г. н., Прус Наталлі Васільеўны, 1959 г. н.). Зразумела, што прыведзеныя дзеянні былі падпарадкаваны адной мэце – паспрыяць урадлівасці зямлі. Аграрныя матывы тут перамяжоўваюцца з матывамі гаспадарчага дабрабыту, менавіта таму куцця, да якой запрашаюць *Мароза*, валодае, паводле народных уяўленняў, здольнасцю ўплываць на плоднасць і захаванасць свойскай жывёлы: «...*куццю* зверху сабіралі, *каб куры несліся, ім давалі*» (запісана ў в. Іванкаўшчына ад Хальчэні Анатоля Паўлавіча, 1941 г. н.).

Хрышчэнскія прыкметы і павер'і, звязаныя з трэцяй куццёй, маюць апатрапеічны і лекава-прафілактычны характар. У дадзеным выпадку важнае месца адводзіцца асвечанай вадзе, яе функцыянальнасці – ачышчаць, засцерагаць: «*На Крэшчэнне вадү хрысцілі, дык мы тожа аблівалі хату. У цэркаў хадзілі, вадү свецілі. Прыдом дадому да пасвецім кажны вугал у хатах, у сараях*» (запісана ў в. Малыя Зімовішчы ад Колас Надзеі Сідараўны, 1926 г. н., Клімчанка Соф'і Васільеўны, 1930 г. н.); «*На Крашчэнне ідуць на рэчку, прабівалі паласкі. Свяцілі. Набіралі вадү.*

Храняць адзін год. Усім даюць: і свінкам, і кароўкам, усе вуглы і ў хляве, і ў *хаце свецяць*. *Калі што з кароўкай ці што, трэ вадзічкай*» (запісана ў в. Прудок ад Кур'ян Марыі Аляксандраўны, 1941 г. н., Яшчыкоўскай Раісы Васільеўны, 1935 г. н., Прус Наталлі Васільеўны, 1959 г. н.).

Наяўнасцю вялікай колькасці метэаралагічных прыкмет ў народнай традыцыйнай духоўнай культуры Мазыршчыны вылучаецца Дабравешчанне («Калі на *Блажавешчанне граза, будзе цёплае лета*. Калі на *Блажавешчанне цёплая ноч, будзе дружная вясна*» (запісана ў в. Рудня ад Шаўцовай Марыі Іосіфаўны)), якія ў сваю чаргу арганічна звязаны з аграрнай дзейнасцю чалавека: «Калі *пчала не выляціць з вулля да Блажавешчання, то будзе ўраджай, а калі вылеціць – не будзе ўраджаю*. Калі на *Блажавешчанне ідзе дождж, то будзе грыбное лета*» (запісана ў в. Малыя Зімовішчы ад Колас Надзеі Сідараўны, 1926 г. н., Клімчанка Соф'і Васільеўны, 1930 г. н.); «*Якое надвор'е будзе на Блажавешчанне, такі будзе і Вялікдзень*» (запісана ў в. Надаткі ад Пікуза Галіны Васільеўны, 1938 г. н.). Як і па ўсёй Беларусі, жыхары Мазырскага р-на да Блажавешчання забор не гарадзілі («*Да Блажавешчання не нада гарадзіць, бо не будзе дажджа*» (запісана ў в. Іванкаўшчына ад Хальчэні Анатоля Паўлавіча, 1941 г. н.) і зямлю не краналі, а распачыналі сезон пасеваў пасля свята, якому надавалі такі ж важны статус, як і вялікодному («После Блажавешчання ўсе сеялі. Не робілі, бо *такі дзень, як першы дзень Вялікадня*» (запісана ў в. Слабада ад Гусак Лукер'і Савельеўны, 1930 г. н.)). Звычайна сяляне, калі клапаціліся пра закладку ўраджаю, то карысталіся «падказкамі» расліннага і жывёльнага свету, якія з'яўляліся надзейнымі маркерамі гатоўнасці глебы да пасеву сельскагаспадарчых культур: «Калі *цвіце каліна – сей ячмень*», «*Сей аўсы ў гразь – будзеш князь*» (запісана ў в. Малыя Зімовішчы ад Колас Надзеі Сідараўны, 1926 г. н., Клімчанка Соф'і Васільеўны, 1930 г. н.).

Веснавыя (вербныя, велікодныя, юраўскія, траецкія) прыкметы і павер'і адрозніваюцца шырокай функцыянальнасцю, тым не менш акцэнт у іх паступова пераносіцца з аграрнай скіраванасці на сямейна-бытавую: асабістае жыццё чалавека, яго здароўе, сямейныя адносіны, дабрабыт у хатняй гаспадарцы.

У лекава-прафілактычнай групе веснавых прыкмет і павер'яў адлюстраваны клопат пра здароўе людзей, імкненне яго захаваць. Каб дарослыя былі працаздольнымі на працягу ўсяго гаспадарчага года, каб дзеці і падлеткі былі моцнымі і прыгожымі:

– «білі» асвечанай у Вербную нядзелю вярбой: «*Вярбою крэпка сцягалі людзей, каб былі здаровыя, косці штоб не балелі*» (запісана ў в. Прудок ад Кур'ян Марыі Аляксандраўны, 1941 г. н.);

– мыліся ў Чысты чацвер: «*Зранку ў Чысты чацверг да ўсходу сонца абавязкова трэба было памыцца*. Казалі і *ўсе грахі, усе балезні змывалі*» (запісана ў в. Прудок ад Кур'ян Марыі Аляксандраўны, 1941 г. н.);

– «умываліся» велікодным яйкам або вадой, з запаранай у ёй траецкай зелянінай: «*Мая маці, было, ячка вынясе на двор на росу, качаюць ліцо, каб красівая была*» (запісана ў в. Скрыгалаў ад Чараўко Клары Герасімаўны, 1930 г. н.); «*Прыбіралі вокны, дзверы, вароты, вугал у хляве зелянінай*. Вешалі клён, бярозу, асіну. А яшчэ бралі ветачкі і клалі іх на палу, а потым *запарвалі і мыліся, каб быць красівымі*» (запісана ў в. Стараселле ад Дуброва Марыі Іванаўны, 1927 г. н.).

Клопат пра жывёлу, якой маглі пагражаць «злыя» людзі, хвароба, якую яны маглі справакаваць, сталі асновай для з'яўлення групы апатрапеічных павер'яў і звязаных з імі магічных дзеянняў, большасць з якіх арганічна ўплецена ў юраўскія традыцыйныя абрады і звычаі. У якасці «цудадзейных» прадметаў-памочнікаў чалавека-гаспадара выступалі асвечаная вярба, соль, нож, грамнічная свечка, у якасці сакральных месцаў – вароты, парог, хлёў, у якасці сакральных дзеянняў – абразанне хваста, біццё. Так, у в. Вялікі Бокаў, па словах Царэнка Ганны Сілішны, 1927 г. н., пры першым выгане каровы на пашу «...ў сараі ці ля варот ставілі і запальвалі *грамнічную свячу*, каб яна *аберагала ад ведзьмакоў і чудзішч карову*», «...на карову і пастуха сыпалі соль і лілі ваду». У в. Іванкаўшчына «на Юр'я затыкалі ў *вароты нож, а такжа барану*, каторай баранавалі пашу. Гэта *штоб не зглазілі і каб у кароў было малако заўсёды*» (запісана ад Кадол Кацярыны Іванаўны, 1932 г. н.). У в. Стараселле, па словах Дуброва Марыі Іванаўны, 1927 г. н., «...калі *кароўка прашла за вароты, то абсыпалі соллю вароты, кароўкіны сляды, хлёў, каб ведзьма малако не забрала*».

Надзвычай важнымі былі на Тройцу назіранні за зелянінай, якой упрыгожвалі жыллё. Такім чынам імкнуліся вызначыць, наколькі якасным будзе сена («Глядзелі на *зелянь* тую: як *засохне на 3-ці дзень пасля Тройцы*, то *сена ў гэтым годзе добрае будзе*» (запісана ў в. Іванкаўшчына ад Хальчэні Анатоля Паўлавіча, 1941 г. н.); «Глядзелі, як *засохне зеляніна*, будзе *сухое сена*, не *засохне – мокрае сена*. Нельга яго рабіць (зграбаць)» (запісана ў в. Іванкаўшчына ад Суханіцкай Марыі Фядосаўны, 1935 г. н.); якім будзе надвор'е ў летні перыяд («*Еслі бярэзіна высахне – значыт сухое лета*, а *еслі не высахне – будзе мокрэ*» (запісана ў в. Слабада ад Гусак Лукер'і Савельеўны, 1930 г. н.).

У межах каляндарных святаў летняга перыяду земляробчага календара выдзяляюцца прыкметы і павер'і, звязаныя з прагназаваннем ураджаю («На самога Івана хадзілі за сяло. Якія лапці ці што зносілі ды клалі ў ворах, ды клалі ў вагонь. Дык падкідалі вот так: возьмем у гору – глядзелі, у *каго лён будзе большы*» (запісана ў в. Слабада ад Гусак Лукер'і Савельеўны, 1930 г. н.)), асабістым жыццём («Дзеўкі ішлі на возера пускаць вянкi. Калі вяночак паплыве ад берага, то дзеўка *пойдзе замуж*, а калі стаіць на месце – *будзе ў дзеўках сядзець*» (запісана ў в. Стараселле ад Дуброва Марыі Іванаўны, 1927 г. н.)) і фізічным здароўем / нездароўем («*Ведзьмы рабілі заломы ў жыцце*. Яны завязвалі жыта ўніз каласамі, дзелала кудзелю. Ето было сільна пагана, тады *хазяін доўга хварэў ці мог дажэ памерці*» (запісана ў в. Стараселле ад Дуброва Марыі Іванаўны, 1927 г. н.).

Павер'і восені ілюструюць у асноўным характар гаспадарчых работ гэтага перыяду («Да Прачыстай усё *далжно быць убрана на полі*» (запісана ў в. Іванкаўшчына ад Хальчэні Анатоля Паўлавіча, 1941 г. н.), а таксама спосабы захавання сабранага ўраджаю і прыпасаў (*на Уздвіжанне* (З'южанне) «...*трэ падвігаць дзежкі з саленнямі*, дык *не будзе плеснець, будзе смачна*» (запісана ў в. Прудок ад Кур'ян Марыі Аляксандраўны, 1941 г. н.)), прыкметы падказваюць характар зімовага надвор'я («*Якая Пакрова, такая будзе і зіма*. *Вецер з поўначы – да халоднай зімы, з поўдня – к цёплай, з захаду – да снежнай*. Калі *вецер на Пакрову мяняецца* і *дзе з розных бакоў, зіма будзе непастаяннай*» (запісана ў в. Рудня ад Шаўцовай Марыі Іосіфаўны)).

Прыкметы і павер'і, на думку В.Б. Хрыстафаравай, характарызуюцца значным інфармацыйным пачаткам: «...любы носьбіт традыцыі можа атрымаць гэтую інфармацыю і распаніць яе як тую, што адносіцца менавіта да яго, або скарэкціраваць свае паводзіны ў адпаведнасці з тым, аб чым паведамляецца ў прыкмеце» [3, с. 69].

Колькасць пазаабрадавых прыкмет, павер'яў, забарон, зафіксаваных на Мазыршчыне, даволі вялікая, бо надзвычай шырокай была сфера інтарэсаў людзей, а значыць, і інфармацыя, якую імкнуліся атрымаць людзі. Чалавек імкнуўся кантраляваць стан свайго здароўя, паколькі ад гэтага залежала яго працаздольнасць, а значыць, і дабрабыт у гаспадарцы. Інфармацыю аб дадзеным аспекце свайго жыцця атрымліваў ад навакольнага асяроддзя, а забароны і парады, складзеныя мудрымі продкамі і ўвасобленыя ў адпаведнай скандэнсаваная форме, не парушаў. Па трапнай заўвазе В.Б. Хрыстафаравай, «любая падзея або з'ява можа быць растлумачана чалавекам як значны тэкст, як закадзіраванае тым ці іншым чынам выказванне, якое нясе пэўную інфармацыю, у якога ёсць адрасат і адрасант» [3, с. 105–106]. Адпаведнай была рэакцыя адрасата – вызначыць для сябе, як аднесціся да гэтай інфармацыі і адаптаваць свае паводзіны пад сітуацыю. Напрыклад, каб не хварэць, не варта працаваць у святочныя дні або выносіць смецце пасля заходу сонца («*Нельзя вечарам выносіць мусар*. Калі вынесаш, то *будзеш балець*» (запісана ў г. Мазыр ад Дубавец Таццяны Іванаўны, 1935 г. н.).

Менавіта дабрабыт у гаспадарчых справах таксама быў важкай прычынай для хваляванняў. Каб ён не сышоў, нашы продкі імкнуліся:

– не парушаць забарон: не працаваць у святы («*У святы працаваць нельга, Бог пакарае*, калі будзеш саблюдаць, усё будзеш паспяваць, а будзеш парушаць – нічога паспяваць не будзеш» (запісана ў в. Прудок ад Кур'ян Марыі Аляксандраўны, 1941 г. н.);

– прытрымлівацца рэкамендацый: прыслухоўвацца да знакаў, якія падаюць прадстаўнікі жывёльнага свету, і своєчасова выконваць прыдатныя для такога моманту дзеянні («*А як закукуе кукушка – патрэсі карман*, каб вяліся грошы» (запісана ў г. Мазыр ад Шынкарэнка Антаніны Юр'еўны, 1925 г. н., Целепун Таццяны Аляксандраўны, 1916 г. н.)), правільна паводзіць сябе з

сакральнымі прадметамі («Нада пад скаццерць лажыць мелкія дзеньгі, тагда грошы ў доме вадзіцца будуць усягда. *Нельзя са стала крошкі зграбаць у руку, нада трапачкай, а то дзеньгі не будуць вадзіцца*» (запісана ў г. Мазыр ад Дубавец Таццяны Іванаўны, 1935 г. н.) і інш.

Што да ўраджайных і метэаралагічных прыкмет па-за межамі абрадаў, то іх таксама зафіксавана даволі шмат. Надзейнымі «дарадчыкамі» і «прадказацелямі» ў гэтым выпадку выступаюць расліны, жывёлы, прыродныя з'явы і аб'екты навакольнага свету: «*Гром грывіць на голы лес, то будзе галодны год*» (запісана ў в. Надаткі ад Пікуза Галіны Васільеўны, 1938 г. н.), «*Пачынаюць садзіць бульбу ў такі дзень, як хмара на хмару набягае*» (запісана ў в. Махнавічы ад Рэут Надзеі Сцяпанаўны, 1924 г. н.); «*Калі куры мятуць хвастамі па зямлі, то на днях пойдзе дождж*» (запісана ў в. Махнавічы ад Рэут Надзеі Сцяпанаўны, 1924 г. н.); «*Гром на сухі лес – ураджая ні будзе. Як багата хрушчоў – багаты ўраджай на просо*» (запісана ў в. Слабада ад Рухло Таццяны Іванаўны, 1924 г. н.); «*Калі алешына раньшэ разав'ецца, будзе мачлівае лета, калі бяроза, дык сухое. А ў гэтым гаду прымячаў, што бяроза раньшэ развілася, а лето такое, што целагрэйку адзяваць нада*» (запісана ў г. Мазыр (Навікі) ад Барысенка Фёдара Іванавіча, 1927 г. н.).

Традыцыйная духоўная спадчына беларусаў захоўвае ўстойлівасць бытавання і вылучаецца багаццем рэгіянальна-лакальных асаблівасцей. Прыведзеныя прыкметы, павер'і і звязаныя з імі магічныя дзеянні даюць падставы ўпэўніцца ў тым, што жыццё і побыт чалавека былі гарманізаваны з навакольным светам, што ў выніку і стварыла такія сцэнарый узаемадзеянняў, які з'яўляецца максімальна спрыяльным для ўсіх прадстаўнікоў светабудовы.

Выкарыстаны матэрыялы навукова-вучэбнай фальклорнай лабараторыі пры кафедры рускай і сусветнай літаратуры ўстановы адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны».

Літаратура

1. Мазыр. 850 год : у 3 т. / Мазырскі гарадскі выканаўчы камітэт, Установа адукацыі «Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт». – Гомель : КВПУП «Сож», 2005. – Т. 3 : Спрадвечнай мудрасці скарбонка : сучасны стан традыцыйнай культуры г. Мазыра / Укладанне, сістэматызацыя, тэксталагічная праца, уступныя артыкулы, рэдагаванне В. С. Новак, Л. В. Мельнікавай, С. А. Вяргеенка, А. А. Кастрыцы, А. В. Кучаравай [і інш.]. – 296 с.

2. Леви-Брюль, Л. Первобытный менталитет / Л. Леви-Брюль. – СПб. : Европейский дом, 2002. – 400 с.

3. Христофорова, О. Б. Логика толкований. Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах / О. Б. Христофорова. – М. : РГГУ, 1998. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 25). – 114 с.

Гомельский государственный
университет имени Францыска Скарыны

Поступила в редакцию 17.05.2024

Вобразнасць мастацкага слова Віктара Шніпа

Л.В. ПАПЛАЎНАЯ

У артыкуле даследуюцца асаблівасці мовы твораў вядомага беларускага паэта Віктара Шніпа. Аналізуюцца такія сродкі мастацкай выразнасці, як параўнанні і метафары, якія складаюць адметнасць творчай манеры аўтара. Асаблівая ўвага засяроджваецца на спосабах выражэння гэтых тропай і іх стылістычнай функцыі ў паэтычным тэксце.

Ключавыя словы: семантыка, паэзія, троп, суб'ект, аб'ект, параўнанне, метафара, персаніфікацыя.

The article examines the features of the language of the works by the famous Belarusian poet Viktor Shnip. Such means of artistic representation as similes and metaphors, which constitute a feature of the author's creative manner, are analyzed. Particular attention is paid to the ways of expressing these tropes and their stylistic function in a poetic text.

Keywords: semantics, poetry, trope, subject, object, comparison, metaphor, personification.

Паэзія Віктара Шніпа – паэзія бесперапыннага пошуку. Пошуку новых формаў самавыяўлення, новага зместу, новых сімвалаў.

Творчая сцежка Віктара Шніпа бярэ свой пачатак са зборніка «Гронка святла», які выйшаў з друку ў 1983 г. і за які ў 1987 г. ён атрымаў Усесаюзную прэмію імя Уладзіміра Маякоўскага. Пяру паэта належаць 15 кніг паэзіі і прозы: «Пошук радасці», «Шляхам ветру», «На рэштках Храма», «Горад Утопія», «Выкраданне Еўропы», «Чырвоны ліхтар», «Воўчы вецер», «Інквізіцыя», «Выратаванне атрутай», «Беларускае мора», «Страла кахання, любові крыж», «Проза і паэзія агню: проза, аповесць, эсэ», «Балада камянёў», дзякуючы якой аўтар у 2007 г. стаў лаўрэатам Літаратурнай прэміі «Залаты Купідон» і іншыя.

Аўтар пастаянна працуе над вобразнасцю і формай свайго верша, над мовай, намагаючыся зрабіць яе прыгожай і адметнай. Паэт здолеў па-майстэрску спалучыць у сваіх вершаваных радках такія моўныя сродкі, як індывідуальна-аўтарскія неалагізмы, эпітэты, метафары, параўнанні, дыялектызмы, размоўную лексіку, сінонімы і антонімы. Гэта дазволіла яму больш вобразна, ярка ўявіць тое, пра што ён піша, данесці свае думкі да чытача.

Творчасць Віктара Шніпа разглядалася ў шматлікіх артыкулах і манаграфіях, прысвечаных літаратурнаму працэсу ХХ ст., аднак індывідуальнасць творчай манеры аўтара, мастацкая дасканаласць яго мовы не з'яўлялася аб'ектам асобнага даследавання. Таму мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца выяўленне і аналіз моўных асаблівасцей паэтычных твораў аўтара.

Пазнаёміўшыся з паэтычнай спадчынай Віктара Шніпа, нельга не заўважыць тое, што элегічнасць настрою ў пэўнай ступені перадае адзін з пашыраных у яго творчасці тропай – параўнанне, якое здаўна лічыцца прамежкавым этапам на шляху да ўтварэння метафары. Параўнанні дазваляюць сцісла і асацыяцыйна выказаць свае адносіны да рэчаіснасці, шляхам супастаўлення двух прадметных паняццяў паказаць іх спецыфічнасць, адметнасць.

Прырода стварэння параўнання цікавіла чалавека яшчэ з антычных часоў. Так, Марк Тулій Цыцэрон пісаў аб тым, што параўнанню паддаецца рашуча ўсё: «Няма на свеце такога прадмета, назву, імя якога мы не маглі б ужыць у пераносным сэнсе. Таму што ўсё, што паддаецца параўнанню, – а параўнанню паддаецца рашуча ўсё, можа быць сціснута пераносным выразам па падабенству ў адзінае слова, а яно ўпрыгожвае мову яркім выразам» [1, с. 234].

Параўнанне з'яўляецца адным са спосабаў характарыстыкі прадметаў і з'яў рэчаіснасці і як стылістычны прыём, заснаваны на вобразнай трансфармацыі граматычна аформленага супастаўлення, шырока выкарыстоўваецца ў мастацкай літаратуры для больш яркага, выразнага і вобразнага выказвання. Па словах В.І. Іўчанкава, «у аснове параўнання ляжыць стварэнне імплікацыянала шляхам супастаўлення аднаго дэнатата з другім з мэтай мастацкага апісання рэферэнта першага і рэалізацыі яго значэння» [2, с. 781].

Паэтычныя параўнанні ў поўнай ступені павінны валодаць жывапіснасцю, верагоднасцю, нечаканасцю. Нельга параўноўваць тое, што ляжыць побач, што вельмі падобна. Адною з важнейшых прымет удала створанага параўнання з'яўляецца элемент навізны.

У паэзіі Віктара Шніпа параўнанне з'яўляецца прадуктыўным стылістычным прыёмам, вельмі распаўсюджаным, што адпавядае функцыянаванню гэтага тропа наогул у сучаснай беларускай літаратурнай мове. Таму аналіз параўнанняў у мове паэта дазваляе выявіць адметнасць гэтага мастацкага тропа ў сістэме вобразных сродкаў аўтара, а таксама даць уяўленне аб індывідуальнасці стылю мастака і яго светаўспрыманні, светаразуме, паколькі параўнанне з'яўляецца, з аднаго боку, носбітам інфармацыі, а з другога, дае магчымасць паведаміць аб уяўленнях паэта пра свет. Трэба адзначыць, што найбольш часта Віктар Шніп карыстаецца параўнаннямі, калі апісвае з'явы прыроды:

І ўсё хутчэй плывуць аблокі,

Нібы адсталі ад нябёс [3, с. 3];

І сонца патухне, як свечка ў царкве,

І цемра, як дым, у наш свет паплыве,

І свет наш патоне, як камень цяжкі,

У чорнае плыні чарнюткай ракі [4, с. 4];

І сонца ўзышло з Белавежскіх лясоў,

Як шчыт над дарогаю роднай і пыльнай [5, с. 13];

На вуліцы цемра, як соннае ў пляшцы віно,

І поўня, як костачка вішні, што ўпасці на дно

Ніколі не зможа, бо дна ў гэтай ночы няма [6, с. 204].

Ужытыя аўтарам параўнанні маляўніча характарызуюць прыродныя з'явы, дапамагаюць зрабіць паэтычны малюнак па-мастацку дакладным і жывапісным.

У залежнасці ад спосабу граматычнага афармлення параўнанні падзяляюцца на злучнікавыя і бяззлучнікавыя. Як падкрэслівае А.А. Някрасава, «злучнікавы тып граматычна аформленых параўнанняў мае свае мастацка-экспрэсіўныя патэнцыі, якія аддзяляюць іх не толькі ад параўнанняў, выражаных творным склонам назоўніка, але і ад параўнанняў злучнікавага тыпу з іншым апэратарам (напрыклад, са злучнікам быццам), паколькі паэтычныя тэксты асабліва тонка рэагуюць на змяненне характару мадальнасці выказвання» [7, с. 7].

Як і большасць мастакоў слова, Віктар Шніп аддае перавагу злучнікавым параўнанням, якія маюць структуру параўнальных зваротаў і граматычна афармляюцца пры дапамозе злучнікаў *як, нібы, нібыта, бы, быццам*. Злучнікі выконваюць не толькі ролю фармальнага паказчыка тропа, але і выражаюць пэўныя сэнсава-граматычныя адносіны паміж суб'ектам і аб'ектам параўнання.

Параўнанні са злучнікам *як* выражаюць у паэтычнай мове аўтара супастаўленне суб'екта і аб'екта на аснове сцвярдзальнага характару іх падабенства:

Радзіма вечная, як неба гэта,

З якога, *нібы дождж*, сыходзіць Бог [5, с. 16];

І раптам абарвалася жыццё,

Як нітка, на якой вісела сонца.

І снег з нябёс, як белае лісцё,

Зляцеў пад ногі нам на шлях бясконцы [8, с. 214];

І ў снезе, як *прывід*, ліхтар [5, с. 57].

Параўнанні са злучнікамі *нібы, нібыта, быццам* выразна не выяўляюць катэгарычнасць падабенства. Яно выражаецца з адценнем меркавання, няпэўнасці:

І споведзь, *нібы верш*, была,

Нібыта анёлы ручныя, бялюткія ружы [6, с. 203];

Самота мая незямная, *гаркавая, нібы віно...* [6, с. 115];

Я думаў, што самота пройдзе, –

Нібыта зорка ў чорным лёдзе...

Сама патухне назаўжды,

Але яна ізноў са мною,

Нібыта зорка над зямлёю [6, с. 16];
 І снег *быццам белы пажар*,
 І ў снезе, як *прывід*, ліхтар [5, с. 57];
 Ты на стол, як на плаху, кладзеш галаву,
 І ўжо вочы твае нападуюцца сном,
Нібы келіхі чорныя белым віном [5, с. 47].

Акрамя параўнанняў, аформленых пры дапамозе злучнікаў, пашыраны ў мове паэта і бяззлучнікавыя параўнанні, сярод якіх пераважаюць канструкцыі з творным параўнаннем, што адначасова абазначае якасць дзеяння суб'екта параўнання і яго метафарычную характарыстыку:

Суседскаю рыжаю кошкай у хату світанне глядзіць [8, с. 22];
Гайнёю быстраю ляціць за мной мяцеліца сівая
 І зоркі з нябёс папаўзлі *навукамі* [8, с. 13];
 І жыццё было *вечнай ракой* [5, с. 42];
 А зара *вялікім пеўнем* крылы *распраменіла* шчасліва [6, с. 51];
 Вясна ў цябе *вавёркай*
Сядзіць на плечуку
Упала шышка зоркай
 На сцежку, як раку [8, с. 46].

Такія параўнанні вобразна і непаўторна характарызуюць прыродныя з'явы і з'яўляюцца прыкладам аўтарскіх цікавых знаходак.

Паводле граматычнай пазіцыі аб'екта параўнання падзяляюцца на прысубстантыўныя, прыад'ектыўныя і прыдзеяслоўныя. Найбольш пашыраныя ў паэтычнай мове Віктара Шніпа прысубстантыўныя параўнанні, якія вобразна характарызуюць прадмет і паясняюць дзейнік у сказе, выражаны назоўнікам:

Тут, дзе *сонца, як човен у хмарах*,
Як агонь, што гуляе ў пяску [8, с. 11];
 Першы *снег, нібыта шчырасць* *звонкай маладой зімы* [9, с. 14];
 Вечар, і вецер, і *сонца, як рана* [6, с. 28];
 І *зіма, можа, будзе, нібыта турма...* [6, с. 229];
 Твой *голас, як вада ў пустыні* [8, с. 3];
Жыццё, нібы вожык у тумане [6, с. 175];
Крыжы, як райскі сад [5, с. 74];
 І *споведзь, нібы верш*, была,
Нібыта анёлы ручныя, бялюткія ружы [6, с. 203].

Прыад'ектыўныя параўнанні характарызуюць прымету прадмета і маюць цесную сувязь з прыметнікам у сказе. Гэта вобразныя моўныя адзінкі, якія метафарычна характарызуюць прымету якасці суб'екта параўнання:

Самота мая незямная, *гаркавая, нібы віно...* [6, с. 115];
Самотны, як на снезе апельсін [8, с. 43];
Няшчасны, як забыты самалёт [5, с. 67];
 Я быў *самотны, як дарога* [7, с. 38];

Даволі распаўсюджаны ў паэзіі Віктара Шніпа і прыдзеяслоўныя параўнанні, якія адносяцца да дзеяслова і вобразна характарызуюць працэс дзеяння:

Як восеньская мёртвая лістота [3, с. 31];
 Алюбаванне вятрыска наш пакой,
Як гаспадар, падлогу ўжо мяце [5, с. 15];
 Сумнае, дымнае лета душу разбівае,
Як стрэл з пісталета [8, с. 5];
 Пруткі *мільгаюць, быццам бліскавіцы*, –
 Матуля вяжа... [6, с. 17].

Для большага ўздзеяння на чытача, перадачы эмоцый, пачуццяў Віктар Шніп часта карыстаецца прыёмам ампліфікацыі параўнанняў, што значна ўзмацняе экспрэсію верша: Паэт імкнецца такім чынам перадаць свае адчуванні, унутраную ўсхваляванасць, свае перажыванні:

Каб зналі, што ёсць Беларусь і ёсць Бог
 Як гэтая Белая вежа, як мы,
 Як сэрцаў цяплынь у завейнасць зімы,
 Як крык журавоў, што не хочучь ляцець
 Ад нас на чужыну, як восені медзь
 Не хоча знікаць у дарожнай гразі [5, с. 18];
 Чорнае сонца над намі плыло,
 Быццам з далёкіх планет НЛО,
 Быццам бы поўная бочка віна,
 Быццам бы наша з табою вясна [5, с. 56].

Павялічваючы колькасць прадметаў і з'яў, з якімі супастаўляецца адзін прадмет, паэт дасягае двух мэт: па-першае, павялічвае разнастайнасць паэтычных фарбаў апісання, па-другое, паглыбляе пазнанне самога прадмета апісання, што і дае магчымасць чытачу бачыць яго ў розных супастаўленнях з іншымі прадметамі жывым, канкрэтным, затрымаць на ім увагу.

Аналіз параўнанняў у вершаванай мове Віктара Шніпа дазваляе зрабіць вывад, што яны з'яўляюцца вельмі значным, неад'емным элементам у структуры яго паэтычных твораў і дапамагаюць зрабіць паэтычны малюнак па-мастацку дакладным і жывапісным.

Асаблівую ролю ў стварэнні мастацкага вобраза адыгрывае метафара. Як адзначаецца ў навуковай літаратуры, істотнае адрозненне мастацкага маўлення – у яго метафарызме, у сістэмнай спаянасці метафары з усёй структурай мастацкага цэлага. Менавіта вобразнасць, мастацкая канкрэтнасць і разам з тым цэльнасць успрыняцця і выражэння свету з'яўляюцца спецыфічнымі адзнакамі мастацкага твора і важнейшымі сродкамі ўздзеяння на чытача. Вобразнасць мовы, заснаваная на выкарыстанні слоў у пераносным значэнні, – галоўны стылеўтваральны фактар паэтыкі. Метафарычнасць, пакладзеная ў аснову светасузірання паэта, вызначае асаблівасці лексіка-семантычнай арганізацыі яго твораў.

Метафарычнае бачанне свету – адна з адзнак таленту сапраўднага паэта. Метафара, як і параўнанне, таксама з'яўляецца адным з прадуктыўных сродкаў выразнасці паэтычнай мовы Віктара Шніпа. Аўтар выкарыстоўвае яе пераважна для апісання з'яў прыроды, атаясамліваючы іх стан, дзеянні, асобныя рухі са станам, дзеяннямі, рухамі чалавека. Гэтая разнавіднасць метафары – персаніфікацыя або ўвасабленне – троп, які заключаецца ў наданні неаддушаўлёным прадметам і з'явам дзеянняў і ўласцівасцей чалавека.

Увасабленне – адзін з самых старажытных тропіў, які генетычна заснаваны на анімалістычных уяўленнях чалавека, яго рэлігійных вераваннях. Як падкрэслівае А.С. Аксамітаў, «персаніфікацыя прыроды і прыродных сіл – вынік псіхалагічнай адаптацыі старажытнага чалавека да навакольнага свету, маральна-псіхалагічнае і духоўнае прыстасаванне свету да сябе» [10, с. 154].

Увасабленні, ужытыя ў паэтычных творах В. Шніпа, дазваляюць аўтару злучыць элементы чалавечага жыцця са светам прыроднага акружэння, паказаць пры гэтым цесную сувязь чалавека з прыродай:

І на праталіны ля дома насустрач *выбегла трава* [8, с. 37];
Чародку хмар пасе жаўрук, на дудачцы іграе вабна
 Ля ворыва *гамоняць сосны*, за мной *дубы ідуць праз луг* [4, с. 20];
 Сёння, нібы мама з-пад рукі, *раніца глядзіць шчасліва* [4, с. 9].

Вобразныя метафары Віктара Шніпа – вынік атаясамлівання жывога з нежывым, адухаўлення нежывога як вынік умення ўбачыць падабенства ў непадобным на першы погляд ці ўвогуле. Іх па праву можна лічыць творчымі аўтарскімі знаходкамі:

Восеньскія дрэвы сціскаюць лісце ў кулак [5, с. 60];
 Услед глядзіць з узгорка вёска [6, с. 41];
 Уздыхаюць дарогі пылам [8, с. 71];
 Цалуе дрэвы сонца маладое [6, с. 32];
 Ад марозу пасівелі травы [4, с. 18];
 Трава жыве на валуне, глядзіць расой удалячынь [8, с. 9];
 Холад ля хаты пасе снегіроў [8, с. 55].

З дапамогай гэтых тропаў выяўляюцца фізічныя дзеянні, працэсы, звязаныя са стыхійнай дзейнасцю прыродных з'яў і аб'ектаў па аналогіі з чалавекам або жывымі істотамі.

У сваёй паэтычнай мове Віктар Шніп часта ўжывае і генітыўныя метафары, якія па сваёй структуры двухкампанентныя і будуецца па мадэлі: 'метафарызаваны назоўнік у назоўным склоне' + 'залежны назоўнік у родным склоне':

У лёсных травах *сцежак бліскавіцы* [3, с. 5];

Праз *дым стагоддзяў і стагоддзяў пыл*

Ён, нібы неба над зямлёю, вольны,

І ён самотны, як *трава магіль,*

Дзе нашае змаганне спачывае [3, с. 6];

Голас сэрца Айчынай пачуты,

І калінавых *зорак святло*

Над зямлёю ў заснежаным лютым

Да людзей назаўжды прарасло [3, с. 3];

Я праз шумны райскі *лес дажджу*

На дарогу, як раку, гляджу,

Па якой спывае ў небыццё

Адзінокае, як мы, лісцё [5, с. 156].

Генітыўная метафара, што складаецца з двух назоўнікаў, адзін з якіх мае прамое значэнне, а другі – пераноснае, з'яўляецца індывідуальна-аўтарскім стылеўтваральным сродкам паэтычнай мовы Віктара Шніпа:

Вогнішча рабінніку дзяўбе

Снегірок – вясёлы сын зары [8, с. 24];

Снегу белая *ігліца* ападае густа з хмар [6, с. 150];

Мне любя навальніц пара

Маланак светлыя *галіны* [8, с. 28];

Патух *касцёр зары* [4, с. 24];

На *дзідах травы* і на *крылах лісця* [5, с. 88];

На чорных *крылах хваль* [9, с. 96];

Аб *сцяну залатую бяроз* разбіваецца восеньскі вецер [6, с. 57];

Чаромхі весня завяя мне асвятляе далячынь [3, с. 9].

Як паказваюць прыведзеныя прыклады, метафарычнае значэнне звязана толькі з галоўным кампанентам, але поўнае раскрыццё гэтага значэння адбываецца толькі пры ўзаемадзеянні яго з залежным кампанентам. Такім чынам, імпліцытнае значэнне тропа выводзіцца са словазлучэння шляхам пераасэнсавання ўсіх яго кампанентаў:

Са мной ідзе зусім нясмела

Вясёлых думак ласяня [8, с. 28];

Каркаюць загучна нешта

Зрады чорныя вароны [8, с. 23];

Што чым далей, тым *лесу лес* цямней [4, с. 20];

І незаўважна *сонца рой* пакінуў *небакраю вулей* [3, с. 39].

Асабліва каштоўным для развіцця паэтычнай мовы ўвогуле з'яўляецца тое, што большасць прыведзеных метафар Віктара Шніпа мае аказіянальны змест, бо, як вядома, аўтарскія тропы-знаходкі выяўляюць схаваныя магчымасці літаратурнай мовы:

Яшчэ адной разнавіднасцю метафары традыцыйна лічыцца метанімія – троп, заснаваны на пераносе назвы з аднаго прадмета на другі на аснове іх прасторавай, лагічнай або часавай сумежнасці. Найчасцей метанімічны перанос адбываецца на аснове прасторавай сумежнасці.

У паэтычнай мове Віктара Шніпа найбольш пашыраны наступныя віды метанімічнага пераносу:

а) населены пункт – жыхары, якія ў ім пражываюць:

Спынілася сэрца, спынілася сэрца,

І *Кракаў прыціх*, але *плакала Вільня* [5, с. 13].

б) аўтар – яго твор:

Але ўсё ж Чалавек
 Выходзіць пад бомбы ў дарогу,
 Захапіўшы з сабой
 Акрым шчоткі зубной
Багдановіча, Танка, Купалу,
 І *Коласа, й Панчанку,*
 І *Эклезіяста...* [6, с. 65];
Іосіфа Бродскага чытаеш,
 Нібы залатое вуголле глытаеш [6, с. 158].

Такім чынам, акрамя ўласнай метафары, аўтар шырока выкарыстоўвае яе разнавіднасці. Пераноснае ўжыванне слова павялічвае яго асацыятыўны патэнцыял, што ў сваю чаргу ўзмацняе глыбіню зместу паэтычнага тэксту, павялічвае яго псіхалагічнае ўздзеянне на чытача. У працэсе метафарызацыі паэт уключае разнастайныя паводле сваёй семантыкі лексемы, якія вобразна характарызуюць прыродныя з’явы і аб’екты, абстрактныя паняцці, канкрэтныя прадметы. У выніку ствараюцца арыгінальныя і непаўторныя метафары, праз якія выяўляецца адметнасць мастацкага стылю паэта.

Праведзены аналіз моўных сродкаў вобразнасці дазваляе зрабіць вывад, што параўнанне і метафара – гэта тропы, якім аддае перавагу Віктар Шніп у сваёй творчасці і якія служаць экспрэсівізацыі яго паэтычнай мовы, дапамагаюць дасягнуць трапнай характарыстыкі прыродных з’яў, прадметаў рэчаіснасці, стварыць яркія і запамінальныя вобразы. Дзякуючы ўжыванню гэтых моўных сродкаў, аўтар прыўносіць у сваю паэзію навізну погляду на навакольны свет, элемент нечаканасці і першаадкрыцця рэчаіснасці. Паэт нібыта «малюе» з’явы і прадметы, надаючы ім пластычнасць і рухомасць, раскрываючы ў іх раней незаўважанае і адначасова даючы ім сваю ацэнку.

Літаратура

1. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве : научн. изд. / Цицерон. – М. : Наука, 1972. – 471 с.
2. Ивченков, В. И. Лингвостилистика тропов Юрия Казакова / В. И. Ивченков. – Минск : Пач. шк., 2002. – 112 с.
3. Шніп, В. «Дастанем да неба рукой...» : вершы / В. Шніп // *Полымя*. – 2007. – № 5. – С. 3–11.
4. Шніп, В. Шляхам ветру / В. Шніп. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 135 с.
5. Шніп, В. А. Балада камянёў : паэзія і проза / В. А. Шніп. – Мінск : Маст. літ., 2006. – 318 с.
6. Шніп, В. А. Страла каханья, любові крыж : паэзія і проза / В. А. Шніп ; прадм. У. Гніламёдава. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 270 с.
7. Некрасова, Е. А. Сравнения в стихотворных текстах (Блок, Пастернак, Есенин) / Е. А. Некрасова, М. А. Бакунина // *Языковые процессы в современной русской поэзии*. – М. : Наука, 1982. – 312 с.
8. Шніп, В. Гронка святла : Вершы / В. Шніп. – Мінск : Маст.літ., 1983. – 54 с.
9. Шніп, В. А. Проза і паэзія агню : вершы, апавесць, эсэ / В. Шніп. – Мінск : Маст. літ., 2010. – 318 с.
10. Аксамітаў, А. С. Беларуская фразеалогія ў граматычным, семантычным і функцыянальным аспектах / А. С. Аксамітаў // *Слова беларускае. 3 гісторыі лексікалогіі і лексікаграфіі*. – Мінск : Нар. асвета, 1994. – 273 с.

Повесть «Прощание с Матёрой» В. Распутина в китайской критике

Сюй На

В статье анализируется восприятие повести В. Распутина китайской литературной критикой, показаны основные подходы к анализу идейно-эстетических особенностей самого значительного произведения известного русского прозаика. Подчеркиваются особенности региональной литературы, использование образа «старухи» и сновидений, традиционной символики.

Ключевые слова: литература, регионализм, нравственность, символизм, традиция, эстетика.

The article analyzes the perception of the story by V. Rasputin by Chinese literary criticism, shows the main approaches to the analysis of the ideological and aesthetic features of the most significant work of the famous Russian prose writer. The features of regional literature, the use of the image of the «old woman» and dreams, traditional symbolism are emphasized.

Keywords: literature, regionalism, morality, symbolism, tradition, aesthetics.

Литературное развитие Китая отличается спецификой, которой нет, пожалуй, ни у одной другой нации: в многонациональном и многоязычном государстве «язык литературы» по сложности оказался недоступным большинству местного населения, что потребовало создания на основе иероглифики нового языка и, как следствие, отказа от многих омертвевших канонов классической литературы. Благодаря этому с конца XIX в. китайская культура совершила грандиозный скачок в освоении культуры Запада и России и создании собственной новой литературы. Центральное место в этом культурном процессе занимала переводческая деятельность, а также исследования переведенных на китайский язык произведений писателей России. Это плодотворное сотрудничество определяло процесс развития литератур в XX в., что хорошо иллюстрирует восприятие в КНР «деревенской» прозы и ее наиболее авторитетных представителей.

В. Распутин – один из самых популярных русских писателей второй половины XX в. не только у себя на родине, но и в Китае. Наиболее известные его произведения («Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Пожар» (1985) и «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003)) были практически сразу после издания на родине переведены на китайский язык и вызвали широкую полемику не только в России, но и в КНР, а повесть «Прощание с Матёрой» (1976) стал объектом исследования для многих российских и китайских ученых. Причем не только литературоведов и литературных критиков, но и социологов, религиоведов и философов. В целом за прошлые полвека в КНР появилось почти сто рецензий и критических статей, многовекторно и многоаспектно анализирующих произведения В. Распутина. Также необходимо отметить совпадение или аналогичность выводов исследователей из этих стран, причем на раннем этапе китайские ученые в основном отталкивались от точки зрения русских критиков, рассматривая затронутые в романе проблемы памяти людской о своих предках и взаимоотношениях с землей, природой в целом главным образом с позиций морали и нравственности.

Прежде всего это относится к интерпретации повести «Прощание с Матёрой» с нравственной точки зрения, которая всегда была доминирующей в творчестве популярного русского писателя. Именно начиная с 1960–1970-х гг., считают китайские критики, русские писатели-единомышленники стали исследовать нравственные проблемы современности, рассуждая о восстановлении традиционной морали в своих литературных произведениях. А. Солженицын даже назвал их «моралистами» [1], т. е. Нобелевский лауреат подчеркивал доминирующее начало нравственного отношения к человеку, на глазах которого происходит разрушение традиционного цивилизационного уклада в эпоху глобализации. Об этом говорит и сам писатель: «Изучение человеческой личности с нравственной точки зрения, кажется, единственный способ объяснить особенности моего творчества и творчества моих коллег по деревенской прозе» [2, с. 1–2].

Для китайских читателей и критиков В. Распутин на протяжении многих лет являет собой совесть русского общества, в котором глубоко укоренились идеи спасения идеалистическим духом, именно поэтому он не желает так легко и просто отказываться от исконного чувства справедливости и моральной ответственности. Писатель в этих онтологических положениях непоколебим, а монолитность мышления В. Распутина, его радикальная твердость в отстаивании личных убеждений приводит к определенной конфронтации с некоторыми базовыми представлениями современного общества. Идеальная реальность конфликтует с реальностью существующей, потому что последняя не является свободным пространством, предоставляющим каждому гражданину возможность совершить моральный и материальный добровольный выбор.

На протяжении последних десятилетий китайские критики подчеркивают традиционность произведений современных представителей русской деревенской прозы. Только в творчестве В. Шукшина отмечают определенную склонность к модерну, остальные же романы и повести В. Астафьева, В. Белова и В. Распутина, с точки зрения ученых, имеют ярко выраженный антимодернистский характер. В. Распутин даже считает, что современная цивилизация ведет к нравственной деградации человека. Поэтому писатель всегда стремится вернуться в прошлое, чтобы именно там найти точку опоры. Последнее в значительной степени повлияло на выбор главных героинь его повестей: он предпочитает писать о старых деревенских женщинах – бабушках и матерях – как о носительницах добродетели, защитницах родины, обладательницах народной мудрости, хранительницах нравственного наследия.

Не случайно статья Ван Лисинь так и называется «Об образе ‘старухи’ в повестях Распутина» [3, с. 77]. Характерно, что в цитируемой публикации проявляются некоторые попытки изучения региональных особенностей единой литературы, о необходимости которых говорил и Цзи Хэхэ [4, с. 186]. Однако Ван Лисинь значительно усиливает некоторые исходные положения, благодаря чему статус местного красного слова значительно усиливается: Сибирская литература – одна из важнейших региональных в русской литературе, а богатый региональный колорит литературного творчества и проникновение традиционного русского литературного духа позволили ей занять важное место в русской литературе XX в., особенно в 1960–1970-е гг., когда деревенская проза в сибирской литературе стала заметной и имела далеко идущее влияние. Примечательно, что в заглавии и в дальнейшем тексте китайский критик использует древний религиозный символ, исходящий из представлений о православии и его преданных адептах: В. Распутин, как один из «трех комплектов машин» в сибирской литературе, всегда был сторонником деревенской нравственности, и писатель создал ряд «стариц» – благочестивых, добрых, трудолюбивых, сдержанных, мудрых и открытых. Образ «старухи» раскрывает уникальную религиозную основу русской сибирской народной культуры, выражает призыв деревенских прозаиков к возвращению традиционных русских ценностей, вызывает сожаление о размывании традиций в процессе модернизации, а также глубокую тревогу за будущее россиян в настоящее время.

Ван Лисинь считает, что «сибирская литература имеет давнюю историю, которая восходит к сибирским летописям XVII в. и последующей подорожной литературе, а декабристы и интеллигенция, сосланные в Сибирь в XIX в., заложили просветительскую основу для развития местной культуры и литературы и внесли в нее большой культурный импульс» [3, с. 77]. После Октябрьской революции появилась надежда на всестороннее развитие краевой литературы, даже М. Горький считал, что «среди сибиряков рождаются наши будущие великие романисты» [5, с. 5]. Ван Лисинь все же доказывает, что к концу 1920-х гг. сибирская литература существовала как объективное явление и самостоятельное литературное понятие, а к 1960–1970-м гг. достигла значительных успехов, а представители деревенской прозы имели большое влияние и авторитет в литературной среде. Именно В. Распутин сосредоточился на теме нравственности, создав целый ряд образов благочестивых, добрых, трудолюбивых, простых, мудрых и открытых героинь, усилив их индивидуальное внутреннее содержание сильным сибирским местным колоритом. Подобная стилистика образов позволила писателю возродить словом древние культурные традиции, ностальгически оплакивая исчезающую традиционную культуру. По словам критика, именно «старухи» – носители традиционной русской религиозной культуры – показывали значимость здорового развития духовной экологии в процессе урбанизации общества в 60–70-е гг.

Кроме того, использование подобных образов помогает писателю выразить свой культурный консерватизм в отношениях между поколениями: яркий контраст между традиционными ценностями старшего поколения и современными требованиями детей и внуков, усиленный диаметрально противоположным противопоставлением деревни и города, объясняет наличие широко используемых антимодернистских нарративов. Критик в очередной раз подчеркивает, что особенно ярко эти особенности проявляются в романе «Прощание с Матёрой».

В то же время китайские ученые выступают против замкнутого и стереотипного образа мышления при анализе явлений русской литературы, ведущего к успешному развитию в своем узком кругу и незнанию других дисциплин. Вред узкородственного развития, считает Цзи Хэхэ, влияет на появление однообразных пособий и даже монографий по изучению русской литературы. Он приводит пример, что профессор Жэнь Гуансюань написал исследование о связи русской литературы с религией, а потому считает и даже советует, что на волне междисциплинарных исследований ее (русскую литературу) можно интерпретировать с точки зрения политологии, антропологии, психологии, юриспруденции и прочих дисциплин. Для исследования русской литературы можно применить и «теорию преимущества гибридизации в живом мире». В качестве примера исследователь называет тематику работ китайских ученых: «Сон в красном тереме и каллиграфия», «Психологическое исследование древней китайской литературы», «Законы и литература на примере традиционной китайской драмы», «Культурная история литературы – от среднего периода Танской династии до династии Северной Сун». Видно, надеясь на нечто подобное в русской критике и литературоведении.

Сунь Юхуа в аннотации отмечает, что «разочарование в реальном мире и приверженность нравственному идеализму заставляют русского писателя Распутина часто прибегать к абсурдной, но богатой по смыслу образности “сна”. Последнее не только выражает традиционное для писателя чувство социальной ответственности, но и свидетельствует о глубоко укоренившемся в авторе чувстве спасения. Критик систематизирует и анализирует бессознательный выбор писателем “сновидческих” образов для того, чтобы оторваться от трагизма реальности, раскрыть неустанную критику писателем общественной морали, указать на последовательный литературный подтекст и дух личности в его творениях» [6, с. 38].

Для придания убедительности своим положениям китайский критик использует высказывания Платона («Сны – это продукт чувств»), Фрейда («Сны не бессмысленны и не абсурдны», «Сны – вполне обоснованные психические явления, они являются исполнением подавленных желаний в замаскированном виде») метафору Рабиндраната Тагора («Мечты и фантазии – это крылья искусства») [7, с. 75]. Сунь Юхуа доказывает, что сны не пусты и не абсурдны, они являются вполне осмысленным духовным феноменом. Для литературных произведений, в которых предметом обсуждения является человек, введение образа «сон» является естественным и обычным. Сны – не только часть жизни каждого человека, но и тесно связаны с литературным творчеством. Поэтому они стали не только предметом, который литературоведы и художники стремятся исследовать, но и средством выражения и художественным носителем, который часто заимствуется в литературном творчестве [8, с. 32]. Услышав, что остров Матёра будет безжалостно затоплен и власти уже послали людей сжечь кладбище, Дарья собирает старшее поколение жителей, чтобы остановить акт вандализма. В. Распутин для усиления нравственного урока использует прием контраста. Из-за тревожных мыслей, которые довлеют в сознании Дарьи, она не может ночью спать, ее душа парализована эсхатологическим страхом: весь привычный мир рушится. Автор показывает, что Дарья подчиняется некой высшей силе, которая заставляет ее выйти во двор и погрузится в глубокий сон. Именно небеса вместе со звездами уносят старуху от земли, очищают ее и в глубоком трансе возвращают на прежнее место, спасая от грозовой мести за отречение от заветов предков. Ей казалось, что небеса собираются разразиться громом и осудить их за то, что они забыли древние учения, трактующие смыслы бытия. Китайский ученый подчеркивает, что процесс очищения и обновления души Дарьи во время сна, как и голос с небес – «Ложись спать, Дарья, и жди, все будут осуждены» – остановить невозможно, ибо этот сон – месть за потерянную связь поколений. Критик акцентирует внимание на главных особенностях поэтики произведения. Сон не только подчеркивает депрессию и отчаяние Дарьи от потери всего, что объединяет духовную мудрость пред-

ков, но и обладает свойством эстетизации, то есть раскрывает изменчивость и загадочность романного повествования с точки зрения художественного замысла и сюжетной конструкции, что усиливает художественную привлекательность произведения.

Вместе с Хозяином Острова – это фантастический персонаж, «маленький, чуть больше кошки, ни на какого зверя не похожий зверек», своего рода дух, который охраняет деревню и пропадает вместе с ней, жителей Матёры защищает и необыкновенное царское дерево, которое присланные санитары не в состоянии ни срубить, ни сжечь. Подобное использование мифологических мотивов и образов, считают исследователи, значительно усиливает публицистический и художественный потенциал произведения. В целом необходимо отметить, что китайские критики дали адекватную картину истории замысла и создания одного из лучших произведений В. Распутина, определили его поэтику и использование изобразительных средств, и в целом нравственную значимость произведения. Их работы, эмоциональные и профессиональные, способствуют более глубокому постижению проблем, волнующих русского писателя и всё человечество.

Литература

1. «В поисках берега». Речь, произнесенная при вручении премии Солженицына [Электронный ресурс] / В. Распутин. – Режим доступа : <https://www.vsp.ru/2000/05/13/v-poiskah-berega/>. – Режим доступа : 05.03.2024.
2. Дун, Лиу. Перевод «Прощание с Матёрой» / Лиу Дун [и др.]. – Пекин : Изд-во иностранной литературы, 1999. – 472 с.
3. Ван, Лисинь. Об образе «старухи» в повестях Распутина / Лисинь Ван. – Пекин : Русская литература и искусство, 2019. – С. 77–83.
4. Цзи, Хэхэ. О расширении границы изучения русской литературы / Хэхэ Цзи // Рэгіянальнае, нацыянальнае, агульнаакадэмічнае ў славянскіх літаратурах ; укл.: І. Ф. Штэйнер (і інш.). – Мінск : ЮНІПАК, 2020. – С. 186–193.
5. Цзинь, Яна. Краткое описание сибирской литературы / Яна Цзинь. – Пекин : Изд-во иностранной литературы, 1983. – 135 с.
6. Сунь, Юйхуа. Образы сновидений в творчестве Распутина / Юйхуа Сунь. – Пекин : Изд-во иностранных языков и преподаваний иностранных языков, 2005. – С. 38–41.
7. Хэ, Чжуншэн. «Автобиография» – Фрейд : цена цивилизации / Чжуншэн Хэ, Фэнгао Юй // Шэньян : Изд-во Ляохай, 1999. – 288 с.
8. Лун, Хуэйпин. Мечты в Сунсой речи и менталитет литераторов династии Сун / Хуэйпин Лун, Чантянь Чжэн // Хунань – Журнал китайской рифмы и литературы. – 2001. – № 2. – С. 32–38.

Содержание дискурсивной деятельности автора англоязычной и франкоязычной учебно-научной лекции

Е.В. ХОМЕНКО, Т.И. ВАСИЛЬЕВА

В статье представлены результаты анализа экстралингвистического, лингвистического и паралингвистического компонентов дискурсивной деятельности автора англоязычной и франкоязычной учебно-научной лекции. Конкретизированы прагматические и языковые характеристики исследуемого жанра научного текста. Выявлен комплекс языковых средств, актуализирующих коммуникативные интенции автора.

Ключевые слова: англоязычная учебно-научная лекция, франкоязычная учебно-научная лекция, экстралингвистический компонент дискурсивной деятельности автора, лингвистический компонент дискурсивной деятельности автора, паралингвистический компонент дискурсивной деятельности автора, коммуникативная интенция, адресант, адресат.

The article presents the results of the analysis of the extralinguistic, linguistic and paralinguistic components of the discursive activity of the author of the English-language and French-language educational and scientific lecture. The pragmatic and linguistic characteristics of the considered genre variety of the scientific text are concretized. A set of linguistic means that actualize the communicative intentions of the author is defined.

Keywords: English-language educational and scientific lecture, French-language educational and scientific lecture, extralinguistic component of the author's discursive activity, linguistic component of the author's discursive activity, paralinguistic component of the author's discursive activity, communicative intention, addresser, addressee.

Введение. В ракурсе рассмотрения данной статьи находится описание закономерностей взаимодействия компонентов дискурсивной деятельности автора учебно-научной лекции (УНЛ).

Один из основных жанров академического дискурса – учебно-научная лекция. В системе жанров академической коммуникации УНЛ занимает особое место. Особенность рассматриваемого жанра проявляется в том, что он содержит в себе как черты академической прозы, так и устного выступления перед аудиторией. При анализе текстов лекций мы исходили из современного подхода к изучению научного дискурса и его жанровых разновидностей, включающего исследование когнитивного и коммуникативного аспектов дискурсивного жанра. Будучи компонентом дискурса, текст УНЛ представляет собой не закрытую систему, которая функционирует вне сознания основных субъектов коммуникации (адресанта и адресата), а текст в ситуации реального общения [1]. Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что существует прямая обусловленность процессов восприятия научного текста и понимания коммуникативных интенций автора умением адресата оперировать экстралингвистическими компонентами коммуникативной ситуации. Соответственно, объектом исследования письменной и устной деятельности автора лекции является дискурс, под которым мы понимаем многокомпонентную систему, включающую экстралингвистический, лингвистический, паралингвистический компоненты.

Цель проведенного исследования заключалась в определении языковых средств англоязычной и франкоязычной УНЛ, иллюстрирующих связь базовых компонентов экстралингвистической ситуации – автора лекции и адресата. Для осуществления указанной цели был сделан прагматический анализ УНЛ и выявлены основные способы материализации коммуникативных целей автора. **Материал** данного исследования включал Интернет-версии англоязычных и франкоязычных УНЛ по проблемам энергетики и окружающей среды. Объем проанализированного материала составил 60 текстов, в рамках которых были выделены контексты, содержащие языковые средства материализации коммуникативных интенций автора.

Актуальность исследования заключается в решении следующих задач: выявление прагматически маркированных языковых средств, необходимых для адекватного восприятия

и понимания УНЛ, и совершенствование иноязычного образования как основного фактора подготовки студентов технических университетов для работы в инновационных условиях. **Новизна** полученных практических результатов заключается в определении комплекса языковых средств, актуализирующих коммуникативные интенции авторов УНЛ.

Основная часть. Проанализируем более детально обозначенные компоненты дискурсивной деятельности автора лекции.

Экстралингвистический компонент дискурсивной деятельности автора лекции. Содержание экстралингвистического аспекта дискурсивной деятельности автора лекции составляют компоненты коммуникативной ситуации. К особенностям коммуникативной ситуации, в рамках которой реализуется жанр УНЛ, относятся: научно-педагогическая сфера общения, в процессе которого формируется ведущая коммуникативная интенция автора – передача нового знания в конкретной научной области, отношение адресата к рассматриваемому фрагменту действительности; локально-темпоральные характеристики коммуникативной ситуации – непосредственное общение или дистантное общение, опосредованное техническими средствами. В данной разновидности институционального взаимодействия лидирующая роль (коммуникативная инициатива) принадлежит лектору. В основе лекции лежит информативное общение, в процессе которого лектор применяет стратегию воздействия на адресата и управления его вниманием. Изложенные в УНЛ идеи, как правило, основываются на очевидных фактах, признанных принципах, ранее принятых знаниях, актуальность и ценность которых должны быть продемонстрированы лектором, показана их корреляция с рассматриваемыми явлениями.

Автор лекции реализует разнообразные коммуникативные интенции, а именно: описание объектов / явлений и их сопоставление с учетом культурно-ориентированных особенностей, обобщение, объяснение понятий, причинно-следственных отношений между изучаемыми объектами / явлениями, иллюстрирование положений, которые могут вызвать трудности в интерпретации с целью достижения необходимого уровня понимания репрезентируемой информации адресатом. Лектором осуществляется структуризация подаваемого материала, выделяются наиболее значимые в смысловом плане фрагменты текста. В зависимости от типа отношений между адресантом и реципиентом осуществляется выбор конкретного варианта из системы языковых средств для достижения поставленной коммуникативной цели: представить фактологическую информацию, показать отношение других исследователей и собственное отношение к рассматриваемым вопросам.

Исходя из уровня профессиональной компетенции, знаний основных принципов общения, тип адресата университетской академической лекции характеризуется как имеющий средний научно-интеллектуальный потенциал. Поскольку адресат является, с одной стороны, объектом воздействия, а, с другой стороны, – самостоятельным субъектом, воспринимающим и интерпретирующим изложенную в тексте лекции информацию [2, с. 23], лектор выбирает языковые средства, которые зависят как от его дидактических установок (сообщить, обобщить, объяснить, обосновать, убедить и др.), так и целеустановок адресата (воспринять, осознать, сформировать собственное мнение и др.). Адекватное понимание и интерпретация текста лекции адресатом предполагает: определение коммуникативных интенций автора, реализующихся как в тексте лекции в целом (основная коммуникативная интенция), так и в его отдельных структурно-семантических компонентах (ССК) (сопутствующие коммуникативные интенции); определение предметного содержания лекции (тема, рассматриваемые проблемы); выявление потенциала используемых языковых средств, их взаимодействия при экспликации коммуникативных интенций автора.

В содержание экстралингвистического аспекта входят также неязыковые знаковые компоненты: рисунки, карты, диаграммы, схемы, графики и др. Поэтому для адресата важно соотносить репрезентируемую в лекции информацию с содержанием этих дополнительных компонентов.

Лингвистический компонент дискурсивной деятельности автора лекции. Проведенный нами анализ позволил определить конвенциональную структурную схему УНЛ, включающую 9 ССК, и реализуемые в них коммуникативные интенции автора. В таблице 1 представлены структурно-семантические компоненты УНЛ.

Таблица 1 – Структурно-семантические компоненты лекции

Структурно-семантический компонент	Коммуникативная интенция автора, реализуемая в данном компоненте
1. Установление контакта	активизация внимания аудитории
2. Обозначение темы и представление плана лекции, выделение главных вопросов	создание активизирующей среды для аудитории путем описания проблемной ситуации
3. Выделение ключевых моментов предыдущей лекции	привлечение внимания аудитории к ключевым моментам предыдущей лекции (преемственность в изучении курса лекций)
4. Обоснование актуальности проблем, рассматриваемых в лекции	обоснование значимости представленных для изучения объектов / явлений
5. Анализ существующих концепций, необходимых для понимания истории вопроса	расширение диапазона фоновых знаний реципиентов посредством использования исторических реалий, представляющих базу для современной интерпретации вопроса
6. Анализ дефиниций, представленных в лекции, и этимологии терминов	облегчение понимания аудиторией представленной информации путем разъяснения значений новых терминов
7. Презентация особенностей предмета изучения. Демонстрация методов анализа изучаемого объекта / явления	разъяснение смысла научной информации формирование знаний, связанных с ключевым научным объектом изучения
7.1 Структура объекта	
7.2 Функциональные особенности объекта	
7.3 Выявление существенных / несущественных признаков объекта / явления	
7.4 Определение сходства / различия с другими объектами / явлениями	
8. Обсуждение контрольных вопросов проблемного характера (дидактический блок)	контроль усвоения представленного материала аудиторией, активизация познавательной деятельности слушателей путем привлечения внимания к базовым положениям лекции
9. Подведение итогов, включающее перечисление основных положений прослушанной лекции	представление оценки теоретической и практической значимости предмета обсуждения, определение перспектив последующей работы над темой, мотивирование адресата к дальнейшему изучению научного объекта

При выделении ССК мы исходили из того, что в структуре УНЛ отражается не процесс познания объекта / явления, а результат этого процесса, знание о существенных признаках объекта изучения. Представленный в каждой лекции учебный материал является логическим продолжением предыдущих лекций, которые в совокупности образуют логически завершенную замкнутую систему – курс лекций по определенной тематике. Как правило, курс лекций состоит из вступительной лекции, в которой основная коммуникативная интенция автора направлена на разъяснение значения учебной дисциплины в общей системе профессиональной подготовки обучающихся, ее актуальности и значимости в их будущей профессиональной деятельности; тематических лекций, в которых коммуникативная интенция автора ориентирована на разъяснение обучающимся смысла основной научной информации читаемого курса; заключительная лекция, коммуникативная интенция автора которой – помочь студентам осмыслить направления развития конкретной области знания, обозначить перспективы её дальнейшего становления.

В организации содержания и построении УНЛ особую роль играют *дискурсивные средства связи* (лексические клише, отдельные слова и словосочетания), которые отражают точку зрения автора на представляемую научную информацию, логические отношения между содержательными фрагментами, весь процесс взаимодействия между адресантом и адресатом [3]. В зависимости от функционального назначения дискурсивные средства связи подразделяют на собственно связующие, которые структурно формируют дискурс, и прагматически ориентированные, выражающие оценочное отношение адресанта. Приведем примеры прагматически ориентированных средств связи: средства, акцентирующие внимание на значимых положениях излагаемого материала (*les exigences importantes sont, je suppose que le problème clé est, les facteurs clés auxquels vous devez penser sont, les choses les plus essentielles sont*); фразы, побуждающие слуша-

телей к общению (*J'apprécierai vos questions; il faut vraiment faire des commentaires ; J'aimerais que vous posiez des questions*); средства, поддерживающие контакт с адресатом (*Would you like to ask any questions? Do you follow me?*). Тип адресата, а также устная форма репрезентации текста лекции обуславливают выбор дискурсивных средств связи адресантом.

Поскольку информация, излагаемая в лекции, представляет собой общепризнанное или устоявшееся знание, проверенное на достоверность и объективность, автор лекции, как правило, использует *разные виды категорической авторизации*: безальтернативную авторизацию, преимущественно реализуемую эксплицитными конструкциями с четко выраженным субъектом (*I have no doubt, my own opinion, my personal belief, we suppose, I am sure, we disagree, I hope etc.*), категорически убеждающую авторизацию, актуализируемую посредством лексических единиц, одним из компонентов значения которых является сема 'убеждение' (*especially, particularly essential, surely, indeed, certainly etc.*), а также синтаксическими средствами выдвижения информации, включая, прежде всего, эмфатические конструкции, инверсию (*it is ... that ..., not only could we support the use of solar energy ..., etc.*). Интерес вызывает использование автором парентетических конструкций, указывающих на положительную либо отрицательную оценку мнений других исследователей об изучаемой проблеме: *Their opinion – I really appreciate their opinion – is that the combination of knowledge and environment <...> 'Их мнение – я очень ценю их мнение – состоит в том, что сочетание знаний и окружающей среды <...>'* Виды категорической авторизации способствуют убеждению адресата в объективности представляемого научного знания.

Для реализации коммуникативных интенций в каждом ССК лекции автор употребляет наборы языковых средств, имеющие определенный прагматический потенциал. Установление таких средств и выявление их прагматического потенциала позволяют определить корреляцию между коммуникативными намерениями автора и спецификой их языковой репрезентации в тексте.

Для жанра лекции характерна высокая употребительность *частнооценочных имен прилагательных*, представляющих различные типы рационалистических оценок (параметрические, темпоральные, телеологические, утилитарные). Наиболее частотными являются прилагательные параметрической оценки, имеющие значение 'размер / степень': *The tremendous damage to the climate and severe exhaustion of natural and energy resources are<...> 'Огромный ущерб климату и серьезное истощение природных и энергетических ресурсов <...>'*

В рассматриваемом примере *Sustainable energy sources and the way towards a more resource-efficient future need no justification* 'Устойчивые источники энергии и путь к более ресурсоэффективному будущему не нуждаются в оправдании' лектор, указывая на устойчивость объекта оценки, использует прилагательное *sustainable* 'устойчивый', выражающее утилитарную оценку. Значительное количество частнооценочной лексики в лекции можно объяснить направленностью интенций автора на описание специфических характеристик предмета сообщения и акцентирование на них внимания реципиента.

В жанре лекции эффективным является использование *метафор*, позволяющих дать яркую оценку анализируемым объектам / явлениям, используя ассоциативные связи, что способствует раскрытию сущностных характеристик объектов изучения и обеспечивает доходчивость изложения. Например, *World's expanding appetite for renewable energies will help to protect health and preserve cultural landscapes* 'Растущий спрос на возобновляемые источники энергии в мире поможет защитить здоровье и сохранить культурные ландшафты'.

В анализируемом корпусе текстов была выявлена тенденция относительно высокой частоты употребления *контекстуально-оценочных лексем*. Например, *The rapid switch to one of the sleepers of the renewable energies – solar energy – is a requirement of fairness because it secures the protection of health* 'Быстрый переход к одному из спящих возобновляемых источников энергии – солнечной энергии – является требованием справедливости, поскольку обеспечивает защиту здоровья'. Полагаем, что это обусловлено стремлением автора воздействовать на эмоциональную сферу адресата.

Широкая представленность характерна для *наречий, имеющих собственное оценочное значение* (*oil and gas prices rise drastically* 'цены на нефть и газ увеличиваются радикально', *to inefficiently reduce the country's dependence on oil imports* 'неэффективно снижать зависимость

страны от импорта нефти'). Для усиления прагматического эффекта автор лекции использует также сочетания наречий с лексемами, имеющими оценочную сему. Выступая интенсификатором этой семы, наречия повышают оценочные значения лексических единиц, например *essentially important* 'существенно важно', а *highly effective source* 'очень эффективный источник'. Наречия оценочной семантики в анализируемом жанре способствуют реализации интенции автора подчеркнуть базовые концептуальные положения лекции, представить излагаемую информацию по проблеме как доминирующее мнение предшествующих исследователей.

К наиболее значимым средствам, выражающим оценочное отношение автора к содержанию лекции, следует отнести синтаксические средства выдвижения информации (ССВ), которые представляют собой определенные формы синтаксической организации речи и позволяют отразить те или иные экспрессивно-эмоциональные оттенки [4, с. 13]. Основным функциональным назначением ССВ является усиление речевого воздействия на адресата [5, с. 128] путем акцентирования внимания на существенных с его точки зрения содержательных фрагментах лекции.

Прагматически выделенными в структуре лекции являются такие ССК, как: *обоснование актуальности проблем, рассматриваемых в лекции; дидактический блок, содержащий контрольные вопросы проблемного характера; подведение итогов, включающее перечисление основных положений прослушанной лекции*. В обозначенных ССК актуализация оценочного отношения автора к репрезентируемой информации имеет ярко выраженную лексическую направленность. На это указывает высокая частотность употребления рационально-оценочных существительных, прилагательных с различными типами частнооценочных значений, наречий-интенсификаторов. В ССК *подведение итогов, включающее перечисление основных положений прослушанной лекции* широко представлены глаголы каузации, высокая употребительность которых связана с коммуникативной интенцией автора, реализуемой в данном ССК. В рассматриваемых ССК, наряду с рационально-оценочными, выявлены также эмоционально-оценочные лексемы, например, *catastrophic damage* 'катастрофический ущерб'.

В ССК *обоснование актуальности проблем, рассматриваемых в лекции, и подведение итогов, включающее перечисление основных положений прослушанной лекции*, среди используемых ССВ доминируют инициальные сочинительные союзы, синтаксический параллелизм, анафора и лексический повтор. Например, в высказывании *But I want to emphasize again that in existing buildings intelligent technologies allow savings of up to 90 % in the energy requirement* 'Но я хочу еще раз подчеркнуть, что в существующих зданиях интеллектуальные технологии позволяют экономить до 90 % потребности в энергии' автор противопоставляет свою точку зрения с помощью союза *but* 'но' позиции оппонентов. Употребление анафорического повтора, где повторяются не отдельные слова, а выраженная в высказывании мысль, значительно повышает его прагматический потенциал: *Une politique environnementale moderne contribue à la création de technologies à long terme respectueuses du climat. Elle contribue à la création d'avantages compétitifs. Et cela contribue à la création de conditions propices à la prévention des dommages écologiques irréversibles* 'Современная экологическая политика способствует созданию долгосрочных, безопасных для климата технологий. Она способствует созданию конкурентных преимуществ. И она способствует созданию условий для предотвращения необратимого экологического ущерба'. Данное ССВ помогает автору расставить логические акценты и таким образом повысить экспрессивность излагаемой фактологической информации. В следующем примере параллельные конструкции, осложненные лексическим повтором, выполняют разные функции: акцентируют внимание на сходстве явлений, выделяют ключевую идею автора, эмоционально воздействуют на адресата: *Le coût de l'électricité solaire a baissé... . Le coût de l'énergie éolienne a diminué... . Le coût des biocarburants a diminué....* 'Стоимость электроэнергии от солнца снизилась... Стоимость энергии ветра снизилась... . Стоимость биотоплива снизилась ...'.

Для того чтобы показать кардинальное различие между понятиями, автор обращается к антитезе: В контексте *Radioactive nuclear waste is a small danger today, but a growing danger to the world tomorrow* 'Радиоактивные ядерные отходы представляют собой небольшую

опасность сегодня, но **растущую опасность** для мира завтра' путем употребления противоположных аксиологических значений лектор подчеркивает значимость каждого из них, что ведет к усилению воздействия на адресата.

Языковая актуализация коммуникативных интенций лектора, ориентированных на обоснование актуальности рассматриваемых проблем, их теоретической и практической значимости, формулирование итоговых выводов и проблемных вопросов, осуществляется ССВ и оценочно-интерпретационными лексическими единицами. Обозначенные языковые средства, реализующие вышеуказанные коммуникативные интенции, необходимы для адекватного декодирования репрезентируемой информации адресатом.

Паралингвистический аспект. Для устной дискурсивной деятельности лектора особую значимость имеют паралингвистические компоненты, которые способствуют восприятию и пониманию концептуального содержания лекции, а в ряде случаев замещающие вербальные компоненты передачи информации. Невербальные средства, участвуя в осуществлении процесса коммуникации, выполняют такие функции, как: конкретизация, иллюстрирование, смысловое выдвигание информации и др. В передаче смыслового содержания существенную роль играют и кинесические средства дискурса (движения тела, рук, головы, изменения выражения лица и взгляда). Однонаправленное взаимодействие языковых, прежде всего, просодических и кинесических средств служит усилению степени речевого воздействия, способствует выделению определенных информационных фрагментов текста и, соответственно, реализации коммуникативных интенций адресанта. Лекционный материал, по-разному интонированный и сопровождаемый различными кинесическими средствами, дифференцированное восприятие содержательных фрагментов лекции адресатом зависит от просодических и кинесических средств, используемых автором [6].

Заключение. В результате проведенного нами исследования представляется возможным сделать вывод о том, что для лингвистического компонента дискурсивной деятельности автора учебно-научной лекции характерен определенный комплекс языковых средств материализации его коммуникативных интенций. Последние имеют дидактическую направленность, которая связана с систематизацией получаемых знаний по учебной дисциплине, образованием оценочного отношения адресата к новому знанию и, что особенно важно, формированием профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции специалистов инженерно-технологического профиля.

Литература

1. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
2. Чернявская, В. Е. Текстуальность как когнитивный феномен / В. Е. Чернявская // Интерпретация. Понимание. Перевод : сб. науч. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов ; отв. ред. В. Е. Чернявская. – СПб., 2005. – С. 14–28.
3. Хоменко, Е. В. Роль дискурсивных средств связи в научно-учебной лекции / Е. В. Хоменко // Профессиональное иноязычное образование : проблемы и перспективы : матер. респ. науч.-практ. конф., Брест, 30 января 2015 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; редкол.: Н. А. Тарасевич [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2015. – Ч. 1. – С. 266–269.
4. Скрипак, И. А. Языковое выражение экспрессивности как способа речевого воздействия в современном научном дискурсе : на материале статей лингвистического профиля на русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. А. Скрипак. – Ставрополь, 2008. – 21 с.
5. Лузина, Л. Г. Проблемы теории выдвигания в современных исследованиях / Л. Г. Лузина // Соц. и гуманитар. науки. Отечеств. и зарубеж. лингвистика. – 1998. – № 3. – С. 125–130.
6. Perez-Llantada, C. Scientific discourse and the rhetoric of globalization : the impact of culture and language / C. Perez-Llantada. – London : Continuum Intern., 2012. – 243 p.

Вобраз цягніка ў мастацкай канцэпцыі гістарычных твораў Івана Шамякіна¹

Ж.С. ШАЛАДОНАВА

У артыкуле раскрываецца сімвалічны змест вобраза цягніка ў апавесці І. Шамякіна «Браняпоезд “Таварыш Ленін”» і рамане «Петраград – Брэст». Прааналізавана роля вобраза ў мастацкай рэстаўрацыі і канкрэтызацыі гістарычных падзей і характарыстыцы герояў твораў. Акцэнтаваны семантычныя магчымасці чыгуначных топасаў не толькі ўзнаўляць каларыт мінулага, садзейнічаць перадачы гістарычнай праўды, але і кадзіраваць сутнасць гістарычнай эпохі.

Ключавыя словы: цягнік, рэвалюцыя, гісторыя, гістарычныя асобы, сімвал, гістарычная праўда.

The symbolic content of the image of the train in I. Shamyakin's story: «Armored Train “Comrade Lenin”» and novel «Petrograd-Brest» is revealed in the article. The role of the images in artistic restoration and specification of the historical events and the characteristics of the heroes is analyzed. The semantic capabilities of topos of railway are emphasized not only to reproduce the flavor of the past and to contribute to the transmission of historical truth, but also to encode the essence of a historical era.

Keywords: train, revolution, history, historical figures, symbol, historical truth.

Уступ. Тэма гісторыі ў творчасці І. Шамякіна займае адно з цэнтральных месцаў. Аўтарскі позірк скіраваны як да з’яў далёкай мінуўшчыны (аповесць «Вялікая князеўна»), так і лёсаносных падзей ХХ ст., Кастрычніцкай рэвалюцыі (аповяданне «Матрос з “Алега”», апавесці «Першы генерал», «Браняпоезд “Таварыш Ленін”», раман «Петраград – Брэст») і Вялікай Айчыннай вайны (раман «Глыбокая плынь», апавесці «Шлюбная ноч», «Гандлярка і паэт», «Агонь і снег», пенталогія «Трывожнае шчасце» і інш.). У кожным з твораў пісьменнік выбудоўвае такую сістэму каардынат вымярэння і асэнсавання гісторыі і гістарычнай праўды, якая дазваляе не толькі ўзнавіць іх у ключавых падзеях і калізіях, раскрыць асноўныя светапоглядныя і палітычныя перакананні чалавека пэўнай эпохі, але і перадаць пазачасовае значэнне, каштоўны вопыт падзей гісторыі, засведчыўшы ва ўсім гэтым сваю пазіцыю.

У сувязі з асаблівай прывержанасцю гістарычнай праўдзе трэба адзначыць надзвычай скрупулёзную працу пісьменніка з архіўна-дакументальнымі матэрыяламі, сведчаннямі сучаснікаў. Гэта забяспечвала канкрэтнасць і дакладнасць матэрыялаў, узятых за аснову сюжэтаў твораў, асаблівую «жывасць» дзеючых у іх легендарных асоб і знакавасць, панарамнасць топасаў, даставернасць з’яў, рэчаў, прадметаў побыту, жыццёвых умоў. Усё гэта ў сукупнасці стварыла насычаную фактуру твораў, дазволіла дакладна і запамінальна акрэсліць «тэрыторыю» гісторыі, аднавіць яе «жыццёвую тканіну», адчуць спецыфіку атмасферы і непаўторны каларыт, сфарміраваўшы ў чытача поўнае, цэласнае і рэльефнае ўяўленне пра падзеі мінулага.

Асноўная частка. Канкрэтыка гістарычнага матэрыялу ўзнаўляецца І. Шамякіным з дапамогай пазнавальных і запамінальных вобразаў, якія ў сваёй канцэптуальнай значнасці карэлююць з вядомымі сімваламі. Менавіта сімвалічная змястоўнасць топікі дадаткова забяспечвае асаблівую пераканальнасць і нагляднасць мастацкіх палотнаў народнага пісьменніка, іх падзейную логіку. Гэта той выпадак, калі мінулае засвойваецца і транслюецца праз панарамна пададзеныя сімвалічныя прасторавыя вобразы і дэталі, змест якіх найбольш поўна і яркава раскрываецца ў сучасным гістарычным кантэксце. У дэталёва распрацаванай сюжэтнай канве апавесці «Браняпоезд “Таварыш Ленін”» і рамана «Петраград – Брэст», прысвечаных падзеям 1917–1918 гг., у якасці спецыфічных маркёраў-маякоў рэвалюцыйнай рэчаіснасці пісьменнік трапна скарыстоўвае вобразы браняпоезда і цягніка, што дакладна характарызуюць час.

¹ Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання праекта БРФФД № Г-23-027 «Гістарычныя асобы і падзеі ў беларускай літаратуры ХІІ – пачатку ХХІ ст.: мастацка-вобразная і жанрава-стылістычная спецыфіка інтэрпрэтацыі» (2023–2025 гг.).

Аповесць І. Шамякіна «Браняпоезд “Таварыш Ленін”» пабудавана на дакументальным матэрыяле з мясцін, адкуль родам сам пісьменнік. У творы задзейнічана дакладная тапаграфія Гомельшчыны, згадваюцца гарады Рэчыца, Добруш, Калінкавічы, Ветка, Буда-Кашалёва, вескі Карма, Ігаўка, Насовічы, Крупец, Закапыцце і інш. Гэта пацвярджае думку пра тое, наколькі важнае значэнне пісьменнік надаваў прасторавым аб’ектам тэрыторыі, якія карэлююць з рэальнай геаграфіяй і знаходзяцца ў эпіцэнтры вядомых, авеяных легендамі гістарычных падзей. Тапонімы фарміруюць падзейны каркас твора, трывала замацоўваючы ў ім эффект сапраўднасці, вернасці праўдзе факта.

У аснову сюжэта аповесці пакладзены рэальны жыццёвы факт, згодна якому чырвонагвардзейцы адбілі захоплены немцамі браняпоезд, які насіў імя Леніна. Падзеі адбываліся падчас напружанага моманту падпісання Брэсцкага міру і таму патрабавалі асаблівай зладжанасці, умення манеўрыраваць у складаных і зменлівых абставінах.

Ключавымі вобразамі ў гістарычным аповедзе з’яўляюцца браняпоезд і звязаная з ім чыгунка. Думаецца, што не толькі рэальныя гістарычныя падзеі садзейнічалі фарміраванню чыгуначнай топікі аповесці і рамана. На асаблівую сімвалічную нагрузку вобразаў цягніка (браняпоезда) і чыгункі ў творах І. Шамякіна скіроўвае змястоўны вопыт іх папярэдніх літаратурна-мастацкай і ўвогуле культурнай інтэрпрэтацыі. У культурным досведзе асэнсавання гэтага цуду тэхнікі праз адчуванне і скіраванасць чыгуначнага руху адбывалася прыпадабненне гістарычнага развіцця тэхнічнаму, больш выразна і ўпэўнена акрэсліваліся наватарскія вектары чалавечага жыцця, культуры і гісторыі.

Я. Лучына першы ў беларускай літаратуры звязаў узнікненне чыгункі з развіццём навукі, няўхільнай мадэрнізацыяй грамадства, поступам прагрэсу, выключным духоўным і фізічным патэнцыялам народа. Змясціўшы паравоз у адзін шэраг з такімі важнымі тэхнічнымі вынаходніцтвамі, як фабрычная вытворчасць, тэлеграф, электрычнасць, аўтар прадбачыў цывілізацыйную сілу чыгункі, нягледзячы на скептычна-насцярожанае да яе стаўленне. Сімвалічна-ідэйную ролю вобраз чыгункі адыгрывае і ў мастацкай задуме паэмы Я. Коласа «Новая зямля». Аўтарскі аповед пра паездку дзядзькі Антося на цягніку ў Вільню пабудаваны такім чынам, што дэклараваны ў паэме прыватны інтарэс асобнай сям’і, думкі, мары герояў аб набыванні зямлі пэўным чынам карэлююць з больш шырокімі надзённымі пытаннямі і праблемамі нацыянальна-культурнага, сацыяльна-гістарычнага зместу, у тым ліку са спадзяваннямі і ўстаноўкамі, з якімі сялянства далучалася да рэвалюцыйных падзей 1905 і 1917 гг.

Тэма чыгункі, цягніка актыўна засвойвалася і развівалася ў беларускай літаратуры 20-х гг., адпавядаючы ідэйным устаноўкам і лозунгам новага грамадства. Семантычнае нападненне вобразаў цягніка і чыгункі ў мастацкай свядомасці фарміравалася ў тым ліку і пад уплывам вядомай метафары К. Маркса: «рэвалюцыі – лакаматывы гісторыі» [1, с. 86]. У паэтычным уяўленні П. Шукайлы «Комуна едзе мяцежным паравозам» [2, с. 114]. Цягнікі і паравозы, шпалы і семафоры, сталёвыя колы ў паэзіі П. Шукайлы абазначаны як асноўныя маркеры пострэвалюцыйнай рэчаіснасці, адпавядаючы «стылю эпохі», ідэйным устаноўкам і лозунгам новага грамадства. У паэме «Акорды дзён» аўтарская дэкларацыя новай рэвалюцыйнай эстэтыкі адбываецца з прыцягненнем менавіта да чыгуначных топасаў: «семафор жыцця», «цягнікі нашых дзён», «шпалы».

У паэме У. Дубоўкі «Штурмуецца будучыні аванпосты» цягнік бачыцца аўтарам як унікальны сродак хуткаснага перамяшчэння, умова і месца глыбокадумнага роздуму «пра лёсы краіны і долю», спасціжэння прасторы і часу, далучэння да маштабнага руху сусветнай гісторыі. Рух цягніка выступае сімвалічным увасабленнем новага грамадства, перадае экспансію рэвалюцыйных змен, якія вітаюцца аўтарам, бачацца прагрэсіўнымі, адпаведнымі запатрабаванням і настройам часу: «Шумеце, грымеце няспынна / ў шляхах, рэвалюцыі колы!» [3, с. 350]. Цягнік у мініяцюры перадае асновы справядлівага соцыума, у якім зняты класавыя адрозненні: «Суседзяць пад дахам адным / сярмяга, жакетка і футра» [3, с. 309].

Цягнік і чыгунка як сімвалы рэвалюцыйнага прагрэсу сталі аднымі з найбольш растыражыраваных вобразаў савецкай літаратуры і мастацтва (прыгадаем рэвалюцыйную песню «Наш паравоз наперад ляці», раман В. Катаева «Час, наперад» і інш.), былі актыўна задзейнічаны ў кіно, плакатным жывапісе. Чыгуначная топіка становілася неад’емнай часткай справы сацыялістычнага будаўніцтва, прапаганды пераўтварэнняў, звязаных з

Савецкай уладай, і пазіцыянавалася як з’ява выключна прагрэсіўная, скіраваная ў светлую будучыню. У кантэксте прыведзеных фактаў робіцца відавочным прадвызначанасць грамадска-палітычным, літаратурна-культурным вопытам мастацкай інтэрпрэтацыі чыгуначных топасаў у названых аповесці і рамане І. Шамякіна, якія вынесены ў загаловкі твораў і вакол якіх арганізаваны сюжэт.

У аповесці «Браняпоезд “Таварыш Ленін”» пісьменнік увасабляе ўжо шырокавядомы сімвалічны статус браняпоезда і іншых чыгуначных вобразаў: «У гэты поезд рабочыя нашых майстэрняў усю душу ўклалі, увесь свой рэвалюцыйны агонь» [4, с. 303]. Машыніст Плавінскі пасля таго, як браняпоезд захапілі немцы, «застаўся на паравозе, як капітан на караблі, які тоне» [4, с. 308]. Машыніст, рызыкуючы жыццём, імкнецца захаваць машыну на хаду, спадзеючыся на тое, што яе хутка адаб’юць у ворагаў бальшавікі: «Верыў: не могуць хлопцы пакінуць такі браняпоезд. Як рабілі яго ў майстэрнях! Дзень і ноч! Якое імя далі!» [4, с. 308].

Дзякуючы зладжаным і адчайна смелым дзеянням машыніста, хлопчыка Валодзькі і чырвонаармейскага атрада, браняпоезд, сімвал рэвалюцыі, удалося вярнуць. Хуткі рух браняпоезда карэлюе з такой жа імклівай экспансіяй рэвалюцыі: «Добруш праляцелі з хуткасцю ветра. Чырвонагвардзейцы Маскоўскага атрада, якія трымалі станцыю, ледзь паспелі адсалютаваць вызваленаму браняпоезду. Лагуноўцы з платформаў адказалі ім салютам ужо за станцыяй, пад лесам» [4, с. 316]. Нават рэльсы на чыгуначнай прасецы аўтар акцэнтна пазначае чырвоным ад сонечнага святла колерам, колерам рэвалюцыі.

Змаганне за браняпоезд у пашыранай светапогляднай праекцыі адлюстроўвае этапнасць змагання за Савецкую ўладу і сімвалізуе імкненні рэвалюцыйнага пралетарыята кіраваць «лакаматывам сусветнай гісторыі». Прыбыццё поезда адбываецца пад гукі «Інтэрнацыянала». Увядзеннем у фінал аповяду эпізоду з выкананнем чыгуначным аркестрам агульнарэвалюцыйнага гімна І. Шамякін падкрэслівае ўрачыстасць падзеі і пашырае кантэкстуальны ракурс топасаў рэвалюцыі: браняпоезда, чыгункі – да сусветных маштабаў: «салдаты рэвалюцыйнага палка сустракалі браняпоезд са сцягамі. Чыгуначны аркестр іграў “Інтэрнацыянал”» [4, с. 318].

Мнематопіка рамана І. Шамякіна «Петраград – Брэст» садзейнічае стварэнню шырокамаштабных палотнаў, якія ахопліваюць драматычныя, але лёсаносныя для краіны, народа і кожнага асобнага чалавека падзеі рэвалюцыі, вайны, заключэння Брэсцкага міру. Т. Шамякіна звярнула ўвагу на незвычайную стылістычную канструкцыю ў назве рамана са знакавых онімаў, аб’яднаных працяжнікам, патлумачыўшы, што яна «актуалізуе значэнне працягласці, прасторы, маршруту, знаходжання ў дарозе, а значыць у няпэўнасці, памежжы, зыбкасці. Менавіта такой і была палітычная сітуацыя. Акрамя таго, яна сведчыць пра пастаяннае перамяшчэнне дзеяння рамана – з Петраграда ў Беларусь і адваротным шляхам» [5, с. 501–502]. На нашу думку, канструкцыю можна інтэрпрэтаваць як знак чыгуначнага палатна, па якім імчаўся поезд рэвалюцыі з дакладным вызначэннем маршруту «Петраград – Брэст». Гэтыя знакі і сімвалы адлюстроўваюць сутнасць аўтарскай канцэпцыі раскрыццё складаных перыпетый гісторыі, якія суправаджалі першыя месяцы станаўлення Савецкай улады, заключэнне Брэсцкага міру. Поезд выступае вектарам у шматфактурным мазаічным палатне твора, сабраным з вялікай колькасці дзеючых асоб і іх псіхалагічна насычаных адносін, падзей, эпізодаў, сітуацый. Дзякуючы гэтаму цэментуючаму вобразу ўсё гэта разнастайнае мноства не губляе сэнсавай маналітнасці, сюжэтна-кампазіцыйнай паслядоўнасці і лагічнай завершанасці.

Імклівая скіраванасць чыгуначнага палатна як увасаблення руху гісторыі, чалавечага лёсу сімвалічна абазначае карэляцыйную сувязь падзей у Саўнаркаме і абстаноўкі на фронце, лінія якога праходзіла на беларускіх землях. На сюжэтны стрыжань, сфарміраваны ключавой тэмай-ідэяй дарогі, чыгункі нанізваецца шэраг праблем маральна-этычнага, грамадска-сацыяльнага, светапогляднага характару. Аўтар малое выразныя і пераканальныя псіхалагічныя партрэты дзеючых асоб твора, змяшчае іх ідэйныя пошукі, унутраную барацьбу, перажыванні, сумненні ў вір маштабных лёсавызначальных падзей 1917–1918 гг. У творы паралельна разглядаюцца і апісваюцца сюжэтныя калізій, у якіх задзейнічаны вядомыя гістарычныя асобы: У. Ленін, Н. Крупская, Л. Троцкі, У. Бонч-Бруевіч, І. Сталін, Я. Свядлоў, М. Бухарын, Р. Робінс, М. Гофман, Р. фон Кюльман і звычайныя людзі: Багуновіч, Міра, Пастушэнка, Рудкоўскі, Бульба-Любецкі, Стася і інш.

Амаль з першых старонак рамана ў яго сюжэтай плыні з'яўляецца і цягнік, на якім ехала дэлегацыя на чале з наркамам Л. Троцкім у Брэст-Літоўск для вядзення мірных перагавораў з немцамі.

«... хоць прыбыццё спецыяльнага поезда “трымалася” ў сакрэце, на станцыі за нейкую гадзіну яго стаянкі – пакуль ішлі тэлеграфныя перагаворы з нямецкімі ўладамі суседняй станцыі – сабраліся сотня салдат, сяляне з маёнтка, з вёскі. Людзі беглі задыханья, узбуджаныя. На каго яны хацелі паглядзець – на поезд ці на Троцкага?

Вечарэла. Марозіла. На захадзе неба гарэла злавеснай чырванню.

Пакуль чакалі поезд на пероне, настылыя дошкі якога трашчалі і звінелі ад кожнага кроку (Баранкас увесь час бегаў), Багуновіч назіраў за Мірай. Яе ліхаманка самым натуральным чынам. Шчокі палалі, як чырвань неба, а вочы праменілі сонечную радасць.

Састаў быў з двух класных і аднаго паштовага вагона. З паравоза спуціліся два матросы ў лёгкіх для снежня бушлатах, з маўзерамі, драўляныя кабуры якіх стукалі ім па каленях» [6, с. 49–50].

Цягнік чакалі на маленькай станцыі, што знаходзілася амаль у эпіцэнтры ваенных падзей. На адным пероне сустрэліся вядомыя гістарычныя асобы, што кіраваліся на перагаворы па заключэнні міру, і звычайныя радавыя і іх камандзіры, агітатары, якія так спадзяваліся на спыненне вайны.

I. Шамякін апісвае рэальныя карціны няроўнага супрацьстаяння амаль разваленай былой царскай арміі і нашмат пераўзыходзячых вароужых сіл кайзераўскай Германіі, выяўляючы пры гэтым безабароннасць і крохкасць жыцця маленькага чалавека. Так, камандзіра Сяргея Багуновіча пасля наведвання нямецкіх пазіцый падчас перамер'я апаноўвае страх, страх не за сябе, а за каханую жанчыну. Для героя такі гістарычны факт, як адсутнасць станоўчых вынікаў у перагаворах з немцамі, абярнуўся вялікай асабістай трагедыяй, якую ён нібы загадзя прадбачыў і адчуў: «... Гэта – нервы. Ніколі не быў баязліўцам, а тут раптам спалохаўся ... калі іх вывелі за лінію пярэдніх акопаў, яго апанавала жудаснае адчуванне, што ў спіны ім нацэлены кулямёты з хітра замаскіраваных гнёздаў і кулямёты гэтыя вось-вось плюнуць гарачым свінцом. Чацвёрты год ваюе, у штыкавыя атакі хадзіў, у разведку – ніколі такога не адчуваў. Ажно захаладала ўсё ўсяродку, быццам вецер гэты працяў наскрозь» [6, с. 3].

У выніку асэнсавання створанага аўтарам падзейна-кантэкстуальнага ракурсу робяцца зразумелымі настроі ў арміі, усеагульнае чаканне міру як паратунку і аб'ектыўная абумоўленасць такой пазіцыі рэальнымі складанымі абставінамі і няроўнай расстаноўкай сіл на фронце. Усё гэта ў сукупнасці і стварыла тое поле гранічнага духоўна-маральнага і фізічнага напружання, якое павінна было паўплываць на рашэнне наркама Троцкага і якое аднак засталася ім неўспрынятым. Адсутнасць рэалізму і безадказныя адносіны да лёсу краіны, авантурны лозунг «Ні міру, ні вайны» абумовілі тое, што Троцкі ўвайшоў у гісторыю як «аўтар Брэст-Літоўскай катастрофы».

I. Шамякін невыпадкова звязвае вобраз Троцкага і вобраз цягніка. У сваім прадстаўленні гэтага палітыка раманист захоўвае вернасць гістарычным фактам, згодна якім Троцкі і браняпоезд рэальна і сімвалічна аказаліся паяднанымі. Акрамя факта праезду на перагаворы ў Брэст-Літоўск, цягнік, чыгунка сталіся важнымі арганізацыйнымі і жыццёвызначальнымі момантамі ў лёсе наркама, што адыгрываў адну з ключавых роляў у палітыцы Савецкай дзяржавы ў першае дзесяцігоддзе яе існавання. Наркам так апісваў свае ўзаемадачыненні з пездам: «Маё асабістае жыццё на працягу самых напружаных гадоў рэвалюцыі было непарыўна звязана з жыццём цягніка. З іншага боку, цягнік быў непарыўна звязаны з жыццём чырвонай Арміі <...> У тыя гады я, здавалася, назаўсёды прызвычаіўся пісаць і раздумваць пад акампанемент пульманаўскіх рэсор і колаў» [7, с. 336, 338].

Вядома, што пасля II з'езда Саветаў Л. Троцкі аддаў загад сфарміраваць для яго асабісты састаў, на якім ён намераваўся наведваць салдат непасрэдна на франтах з мэтай узняць баявы дух. Гэты легендарны браняпоезд з сур'езным ваенным, тыпаграфскім, радыёаснашчэннем праехаў звыш ста тысяч кіламетраў, трапляў пад бамбёжкі і артабстрэлы, аднак місію сваю годна выканаў і атрымаў назву «цытадэль рэвалюцыі». Цягнік Троцкага быў узнагароджаны

Ордэнам Чырвонага Сцяга, успрымаўся як сімвал рэвалюцыі. Троцкі так характарызуе мэты паездак на цягніку: «Чаго шукаў “поезд Предреввоенсовета” на франтах грамадзянскай вайны? Агульны адказ зразумелы: ён шукаў перамогі. Але што ён даваў франтам? Якімі метадамі дзейнічаў? Якой непасрэднай мэце служылі яго бесперапынныя прабегі з канца ў канец краіны? Гэта не проста былі інспекцыйныя паездкі. Не, праца цягніка была цесна звязана з будаўніцтвам арміі, з выхаваннем яе, з кіраваннем ёю і з яе забеспячэннем. Мы будавалі армію нанова, пры тым пад агнём. Так было не толькі пад Свяжскім, дзе поезд запісаў першы месяц сваёй гісторыі. Так было на ўсіх франтах...» [7, с. 339].

З успамінаў наркама адкрываюцца неверагодна напружаныя, складаныя і небяспечныя дэталі паездак, а сам ён паўстае як чалавек фанатычна адданы справе рэвалюцыі, харызматычны. У рамане «Петраград – Брэст» І. Шамякіным вельмі паслядоўна раскрыты адметнасці характару, уласцівыя Л. Троцкаму: змагарны максіmalізм, бескампраміснасць у настроенасці на канчатковы вынік, нягледзячы на аб’ектыўныя абставіны. Гэтыя якасці былі запатрабаваны пры агітацыйных паездках Троцкага на франтах грамадзянскай вайны, аднак зрабілі свой негатыўны ўплыў на працэс і вынік перагавораў у Брэст-Літоўску.

І. Шамякін адразу супрацьпастаўляе чаканні вайскоўцаў і намеры Троцкага, праз прадметна-рэчывы антураж (палацна-шыкоўны салон, абабітыя аксамітам канапы, крэслы, кубкі, ваза з пячэннем і цукеркамі на стале) паказвае аддаленасць, нават несумяшчальнасць жыццёвых і ўнутраных светаў наркама і радавых вайскоўцаў: «Расхацелася дакладваць гэтаму вясёла-самаўпэўненаму чалавеку, сагрэтаму заячым футрам, у хораша напаленым шыкоўным салоне, аб тым, як галадае і замярзае армія» [6, с. 51]. Недарэчны ў дадзенай сітуацыі падарунак, шакалад, што ўручыў наркам агітатарцы Міры на гэтай сустрэчы, стаўся нібы чорнай меткай у яе далейшым лёсе. Дзяўчына з сімвалічным іменем, апантаная верай у ідэалы «левых», магчымасць агітацыйным словам наблізіць сусветную рэвалюцыю, паўплываць на нямецкіх салдат, загінула пры іх наступленні, што распачалося адразу ж пасля правалу перагавораў. Гібель дзяўчыны сталася кульмінацыйным момантам ў кампазіцыі рамана.

«З нямецкага боку сакатнула кулямётная чарга, і жанчына ў шынялі ўпала, як падкошаная, у снег.

Вецер не пагнаў яе касынку ў нямецкі бок, яна плыла ўздоўж лініі фронту – па снежнай роўнядзі каціўся маленькі чырвоны клубочак, і не аднаму рускаму салдату здалася, што гэта паплыў струмень алай крыві агітатаркі» [6, с. 335].

Запамінальная чырвоная касынка Міры, неад’емны аксесуар яе аблічча і атрыбут агітацыйнай працы, што паплыла на заснежаным белым полі, стала сімвалам смерці, крывапраліцця, якімі заўсёды суправаджаюцца пераломна-трагічныя моманты чалавечай гісторыі, такія як вайна, рэвалюцыя.

Для абмалёўкі абставін у рэвалюцыйным Петраградзе аўтар таксама скарыстоўвае выяўленчы патэнцыял чыгуначных вобразаў, малюючы перапоўненыя вакзалы, на якіх перасякаліся плыні спакутаваных вайною людзей-выгнаннікаў: «Трывожна было ў Петраградзе ў тыя дні. Варшаўскі і Балтыйскі вакзалы былі забіты двума сустрэчнымі патокамі: з фронту панічна ўцякалі дэмаралізаваныя салдаты старой арміі. Тых, хто вёз дадому вінтоўку, патроны, гранаты, тут жа абяззбойвалі. З горада да вакзала ішлі арганізаваныя батальёны рабочых, грузіліся ў цяплюшкі і выязджалі на фронт... На Мікалаеўскім вакзале накіпіліся бежанцы – з Беларусі, Эстоніі, Пскоўшчыны і з самога Петраграда. Гэтым людзям дапамагалі выязджаць, хоць з вагонамі было цяжка» [6, с. 338].

Кантужаны Сяргей Багуновіч па чыгунцы вяртаецца ў бацькоўскі дом у Мінску. Пасля кароткатэрміновага аднаўлення ў бацькоўскім доме герой вызначае свой далейшы лёс, які бачыцца яму ва ўвязцы з абаронай падпісанага Леніным міру. Былы камандзір пасля трагедыі, звязанай з гібеллю жонкі і знішчэннем даручанага яму палка падчас наступлення нямецкага войска, адчуў сябе зноў патрэбным у вялікай агульнай справе абароны заваёў рэвалюцыі, народных інтарэсаў. І хоць даследчыкамі лічылася, што белетрыстычная сюжэтная лінія рамана мае другаснае значэнне ў параўнанні з яго вострапалітычным гучаннем, адзначым, што абедзве гэтыя лініі важныя, узаемазвязаныя і ўзаемаабумоўленыя.

Герой дабіраецца да Масквы таксама на цягніках, праз Оршу, Смаленск. Такім чынам, тэма-ідэя пезда рэвалюцыі, лакаматыву гісторыі, лагічна выбудоўвае кампазіцыю твора, уяўляючы яго сюжэтны стрыжань.

У эпілогу Сяргей Багуновіч паказаны навучэнцам курсаў камсаставу Чырвонай Арміі. Ён трапіў у шэраг вайскоўцаў, што ахоўвалі Чацвёрты з'езд Саветаў, што адбыўся ў Маскве 14–16 сакавіка 1918 г. і на якім было прынята рашэнне аб ратыфікацыі Брэсцкай мірнай дамовы. Багуновіч прагна ловіць кожнае слова Леніна на з'ездзе: «Ён удыхаў гэтыя словы, як лясное паветра. І думаў пра тое, што дарога ў Маскву прывяла яго да Леніна. Цяпер ён пойдзе толькі па гэтай дарозе. І гэта назаўсёды. На ўсё жыццё» [6, с. 489].

Грандыёзная падзейная панарама, створаная І. Шамякіным пры дапамозе сюжэтных ліній, дыялогаў і маналогаў герояў, у спалучэнні са знакавымі вобразамі-сімваламі эпохі працавала на дасягненне агульнай ідэйна-сэнсавай мэты рамана: раскрыць складаны сацыяльна-гістарычны і маральна-этычны калізіі ў першыя месяцы існавання Савецкай рэспублікі, вызначыўшы дамінантны вектар арганізацыйнай, палітычнай дзейнасці Савецкага ўрада на чале з Леніным як барацьба за мір.

Сённяшняя цікавасць да твора абумоўлена нават не пераасэнсаваннем роляў і ідэалагічных характарыстык многіх гістарычных асоб у святле сучасных светапоглядных пазіцый. Глобальнасць узнятай аўтарам праблемы і звязанай з ёй адказнасці лідэраў за лёс краіны, народа не страціла сваёй актуальнасці, чым у чарговы раз засведчана каштоўнасць вопыту мінулага, памяць аб якім выступае дзейным інструментам пазнання сучаснасці, выпрацоўцы ў ёй найбольш адэкватных шляхоў і стратэгіі да разумна-мэтазгоднай уладкаванасці чалавека і грамадства.

Заклучэнне. Паколькі памяць выяўлена матэрыяльна, мастацкая рэстаўрацыя і канкрэтызацыя гістарычных падзей і вобразаў вядомых асоб адбываецца ў мастацкіх творах пры дапамозе знакавых аб'ектаў мінулага, якія не толькі ўзнаўляюць яго фонавы антураж, але і праз сваю адмысловую сімваліку «кадзіруюць сутнасць» гістарычнай эпохі. Вобразы браняпезда і цягніка ў творах І. Шамякіна пра Кастрычніцкую рэвалюцыю фігуруюць у якасці сімвалаў дадзенага перыяду, ствараюць мастацкую сістэму каардынат вымярэння і асэнсавання гістарычнай праўды. Пазнавальнасць і знакавасць мнематопікі забяспечыла ідэйна-канцэптuallyную цэласнасць і актуальнасць твораў, стварыла іх падзейны каркас, замацоўваючы эффект сапраўднасці, вернасці праўдзе факта, і сфарміравала найбольш аб'ектыўны і маштабны ракурс перадачы лёсаносных падзей перыяду станаўлення Савецкай улады.

Літаратура

1. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1954–1981. – Т. 7 : Август 1849 г. – июнь 1851 г. / подгот. к печати Е. П. Канделем. – 1956. – 669 с.
2. Шукайла, П. Акрываўленая зямля. Поэзія / П. Шукайла. – Мінск, 1930. – 144 с.
3. Дубоўка, У. Збор твораў : у 2 т. / У. Дубоўка. – Мінск : Лімарыус, 2017. – Том 1 : Вершы. Паэмы. Пераклады. – 484 с.
4. Шамякін, І. П. Збор твораў : у 23 т. / І. Шамякін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2010–2014. – Т. 3 : Аповесці, 1945–1970. – 2011. – 399 с.
5. Шамякіна, Т. Ад Петраграда да Брэста на скрыжальных гісторыі / Т. Шамякіна // Іван Шамякін. Збор твораў : у 23 т. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2010–2014. – Т. 17 : Петраград – Брэст : раман. – 2013. – С. 490–513.
6. Шамякін, І. П. Збор твораў : у 23 т. / І. Шамякін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2010–2014. – Т. 17 : Петраград–Брэст : раман. – 2013. – 567 с.
7. Троицкий, Л. Моя жизнь / Л. Троицкий. – М. : ПРОЗАиК, 2014. – 476 с.

Философия

УДК 12:008.44:316.72

EDN: WVLUFE

Глобальные проблемы, глобализация и культурное разнообразие

В.Н. КАЛМЫКОВ

В статье продемонстрирована сопряженность глобальных проблем и глобализации. Отмечено, что глобальные проблемы касаются не только отношения человека к внешнему миру, но и охватывают внутреннюю жизнь человека и общества. Показана противоречивость глобализации. Проведена идея, что движение общества к целостности не устраняет культурное разнообразие, а глобализация и культурная инаковость сосуществуют.

Ключевые слова: глобализация, локализация, глобальный смысл истории, мультикультуризм, полицентрический мир, культурно-цивилизационное разнообразие, национальная специфика, гражданин мира.

The article demonstrates the interconnectedness of global problems and globalization. It is noted that global problems concern not only a person's attitude to the outside world, but also cover the inner life of a person and a society. The inconsistency of globalization is shown. The idea is carried out that the movement of a society towards integrity does not eliminate cultural diversity, but globalization and cultural otherness coexist.

Keywords: globalization, localization, global meaning of history, multiculturalism, polycentric world, cultural and civilizational diversity, national specificity, citizen of the world.

К глобальным проблемам относятся те, которые затрагивают основы существования человечества и нерешенность которых создает угрозу для его будущего. Уже в первобытную эпоху человек, изобретший метательное оружие для охоты, уничтожил для употребления в пищу за несколько тысячелетий мамонтов и крупных копытных, вследствие чего возник первый экологический кризис. На основе неолитической революции человечество преодолело этот кризис. Чтобы сохранить и улучшить свое существование, люди стимулировали научно-технический прогресс, осуществляемый, однако, за счет потребительского отношения к природе. Это породило энергетическую глобальную проблему, сокращение животного и растительного мира. Подсчитано, что объем ресурсов, воспроизведенных нашей планетой за год, человечество ныне потребляет за семь месяцев.

Современные ученые для решения глобальных проблем делают ставку не только на научно-технические меры, но и выдвигают задачи изменения человека, его сознания, морали, образования, которые рассматриваются как предпосылки и условия общественного развития.

Современные глобальные проблемы связаны с основными социально-экономическими и политическими задачами человечества, касаются взаимоотношений человека, природы и общества. Требуют своего решения проблемы создания благоприятных условий для мирового социального прогресса, преодоления отставания в развитии ряда стран; эффективного использования результатов НТР; достижения соответствия между экономической эффективностью технологий и мерой их подчиненности человеческому контролю; проведения активной демографической политики; смягчения опасных болезней; совершенствования системы образования, обмена в достижениях науки; охраны окружающей среды; решения сырьевой, энергетической, климатической и продовольственной проблем; мирного освоения космоса и богатств мирового океана и др.

Глобальные проблемы касаются не только отношения человека к окружающему миру, природе. Они охватывают и внутреннюю жизнь общества и человека. Одной из них стала проблема «жизненной дезориентации» (Ортега-и-Гассет), выражающаяся в том, что жизнь

индивида приобрела неопределенность, а ценности стали размытыми. А. Камю указывает на разлад между человеком и его жизнью, актером и декорациями, что приводит к бунту, который возможен у информированного человека, знающего свои права.

Глобальные проблемы не являются застывшими – некоторые из них обостряются и ослабевают, возникают новые. К числу последних относятся нарастающие по своей остроте проблемы терроризма, распространения оружия массового поражения, безопасности развития техноструктуры, сохранения биоразнообразия, ослабления иммунного аппарата человека, вызванного воздействием радиации, ксенобиотиков и многочисленных стрессов и т. п.

В процессе глобализации в определенной степени культурное многообразие перерастает в социотехнический монизм, когда различия между странами и социоэтническими общностями людей проявляются в уровне вхождения в информационно-техническое пространство. В этих условиях оправданными становятся сознательные усилия значительной части человечества, где стремление к новизне, к использованию искусственного интеллекта сочетается с существованием людей в естественной среде, повседневности, с поддержанием традиций, с проявлениями не только интеллекта, но и физической силы, эмоциональной энергии, чувств, вкуса к жизни. Напрашивается вывод: необходимо соблюдение разумной меры между существованием в мире привязанностей, страстей, непосредственного живого общения и мире приобщения к информационно-технологическим достижениям. Последнее, кстати, выступает звеном социализации (формирования личности). Важной становится социально-психологическая подготовка человека и общества к разумному взаимодействию с киберпространством, формирование информационной культуры.

Под давлением искусственно сконструированной реальности происходит частичная замена органических форм бытия, в том числе телесности человека, техническими неживыми неодушевленными системами. Длительное нахождение человека в техносфере, в гаджете, в отрыве от естественной среды, стимулирующей функции воспроизводства человеческого рода, привело в определенной степени в индустриально развитых странах к угасанию полового влечения у людей детородного возраста. Острой в ряде случаев стала проблема бесплодия, импотенции.

Еще одной, ограниченно глобальной, характерной для Западной Европы и Северной Америки, стала проблема массовой миграции. Отставшие в инновационно-технологическом развитии страны вытолкнули в поисках лучшей жизни миллионы людей в Западную Европу, США. Некоторые мигранты, ввергнутые в чужую для них культуру, маргинализировались, что вызвало неприязнь со стороны местных жителей. Это грозит перерастанием неприязни в гражданское столкновение, вплоть до гражданской войны.

Следует видеть единство и одновременно различать глобальные проблемы и глобализацию. Пожалуй, предыдею глобализации выразили в древней Греции киники (V–IV вв. до н. э.), которые именовали себя «гражданами мира». Основатель кинизма Антисфен, будучи незаконно рожденным, выразил опыт человека, оторгнутого от патриархальных связей, лишённого опоры. Концепция гражданина мира была возобновлена в условиях формирования капиталистического мирового рынка. Сейчас участники транснациональных корпораций нередко лишаются ментальных корней, они озабочены потребительской неудовлетворенностью. Видимо, в идеале личность должна стремиться к сбалансированному единству в себе общечеловеческих ценностей и патриотизма, привязанности к своим корням. Географические открытия и освоение европейцами иных территорий способствовали вовлечению народов планеты в общий ритм цивилизованного развития.

К попыткам осмыслить нарождающиеся мировые тенденции и вызванные ими общечеловеческие проблемы можно отнести, прежде всего, идеи Т. Мальтуса о необходимости регулирования численности населения, рассуждения И. Канта о вечном мире. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс определили глобальный смысл истории: «чем дальше идет уничтожение первоначальной замкнутости отдельных национальностей благодаря усовершенствованию способа производства, общения и в силу этого стихийно развивающемуся разделению труда между различными нациями, тем во все большей степени история становится всемирной историей» [1, с. 45]. И далее сказано, что этому «служит каждый индивид».

В данном суждении в современной интерпретации предложены предьдеи глобализации, объективности и субъективности исторического процесса. В «Манифесте Коммунистической партии» на материале капиталистических преобразований показаны возникновение мирового рынка, интернационализация производства, развитие экономических и культурных связей между народами, существовавшими при феодализме обособленно [2], т. е. классики марксизма в этом произведении выдвинули идею глобализации. В.И. Вернадский в 1930-е гг. сделал вывод о кардинальном изменении облика Земли вследствие огромных масштабов преобразовательной деятельности человечества и предупредил, что если не согласовывать развитие общества с естественными законами природы, то гибель всего живого на Земле неизбежна. Переход к ноосфере (сфере разума) как к высшему состоянию в эволюции планеты ученый связывал с достижениями науки и развитием демократии.

Глобализация – закономерный процесс системной организации отдельных элементов (экономических, социальных, политических, информационных и т. д.), испытывающих влияние целостности всей системы (стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, сближение и диалог культур и т. п.). Современные электронные средства коммуникации способны сжимать разделяющие людей пространства и время. В данном случае уместен образ «новой глобальной деревни» (термин, введенный в оборот М. Маклюэном для описания ситуации, когда огромный земной шар уменьшается, сжимается до размеров деревни в результате электронных средств связи). Глобализация, в представлениях Р. Робертсона, выступает как феномен, связанный с модернизацией и мировоззрением человека. Развитие человечества богаче и опережает развитие отдельных его субъектов.

Глобализация противоречива. С одной стороны, открываются новые возможности для научно-технического прогресса, развития высоких технологий и новых средств коммуникации, расширения и углубления международного сотрудничества, а с другой – возрастает разрыв между богатыми и бедными странами, создаются условия для манипуляции массовым сознанием с помощью новейших информационных технологий. Бразды правления от правительств в значительной степени неформально, закулисно переходят в ряде стран к глобалистским наднациональным структурам. Демократия превращается в ширму, за которой скрываются согласованные стратегии международных трестов, корпораций, банков. Глобализация – спонтанный процесс. Однако существует и внешнее ее навязывание странами Запада, прежде всего США, другим государствам своей модели развития. Тупиковость такого пути преодолевается в реализации тенденции полицентрического мира.

Глобализация, хотя и ведет к определенной унификации, целостности общественной жизни, не устраняет культурное разнообразие. Конфуций в «Уроках мудрости» отмечал, что по своей природе люди друг другу близки, а по своим привычкам друг от друга далеки. Н.Я. Данилевский в 1870-е гг. выдвинул идею множественности цивилизационных форм. Историческую миссию России автор видел в сохранении славянского культурноисторического типа, выступил за солидарность славянских народов в борьбе с стремлением Запада уничтожить или ассимилировать славян [3]. Идея множественности форм Данилевского явилась предвестником концепции локальных цивилизаций, разработанной в XX ст. О. Шпенглером и А. Тойнби. Современные исследователи отмечают: «Характер сетевого противоречия и вызовы сложных уязвимостей обусловили необходимость сотрудничества всех акторов, производящих междисциплинарное знание с гуманистическим стержнем. Такое интегральное знание позволяет, с одной стороны, максимально учитывать ускоряющуюся динамику глобальных и локальных реалий, всевозможные дисперсии турбулентности общества и природы, с другой – осуществлять поиск новых форм гуманизма, в том числе... научных исследований и технологических инноваций, что становится императивом устойчивого развития человечества» [4, с. 62–63].

Мультикультуризм, устраняя центрический вектор развития, легитимизирует формы культурной инаковости. Наряду с тенденцией тотальной глобализации проявляется линия регионализации (многополярности) мира, развития национальных (локальных) культур и цивилизаций, государственно-национальных интересов, что нашло свое воплощение в термине «глокализа-

ция», состоящим из двух слов – глобализация и локализация. Научно-технический прогресс, средства связи и транспорта, сетевизация, информатизация, огромная подвижность населения и т. п. включены в общий ритм мировой культуры. Вместе с тем, имеют глубокие корни специфика, различие культур, отражающие особенности бытия отдельных социально-исторических, этнических общностей, государств, народов. Культурные различия – один из источников и показателей многообразия исторического процесса, придающий ему многомерность, многокрасочность. Конечно, инаковость культур нельзя рассматривать вне общего потока мировой культуры. Чтобы не оказаться в изоляции, это вызывает необходимость диалога отдельных культур, их взаимообогащения. Каждое сообщество людей имеет собственные традиции и культуру, однако важно, чтобы это наследие сопоставлялось с тем, что происходит извне. Иначе говоря, сосуществуют глобализация и культурная инаковость, культурно-цивилизационное разнообразие.

Отметим современную тенденцию мирового развития: в международной конкуренции принимают участие не отдельные государства, силы и возможности которых недостаточны для нее, а группы стран, поддерживающих и дополняющих друг друга (Европейский союз, Шанхайская организация сотрудничества, СНГ, союзное государство России и Беларуси и т. п.).

Каков же стратегический путь движения к гармонии глобализации и культурного разнообразия?

Российские философы считают, что «сохранение нашей цивилизации, ее будущее связано с созданием гармоничной ноосферы, в которой биосфера, техносфера (развитие конвергентных НБИКС-технологий) и сложнейшая система общественных связей будут не конфликтовать, а дополнять друг друга» [5, с. 11]. Пожалуй, закон сохранения человечества и дальнейшего развития цивилизации выступает интегратором, общим знаменателем всех глобальных проблем рискогенного, турбулентного социума [6], [7, с. 114].

Проект справедливого мироустройства, полагают в современном Китае, это сообщество единой судьбы всего человечества, единения наций, без умаления национальных культур, идеологий, суверенитетов на основе силы мудрости, интеллекта. В этом подходе обозначены тренды движения к целостности и вместе с тем к культурному разнообразию, сохранению национальной специфики.

Литература

1. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. – М., 1955. – Т. 3. – С. 7–544.
2. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные произведения : в 3 т. – М., 1985. – Т. 1. – С. 98–138.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – СПб. : Глаголь, 1995. – 514 с.
4. Кравченко, С. А. Востребованность глобо-локального устойчивого развития : амбивалентность новейших уязвимостей / С. А. Кравченко, Н. В. Ракович // Вопросы философии. – 2022 – № 8. – С. 55–64.
5. Ковальчук, М. В. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития / М. В. Ковальчук [и др.] // Вопросы философии. – 2013. – № 3. – С. 3–11.
6. Калмыков, В. Закон сохранения человечества / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2010. – № 10. – С. 91–99.
7. Калмыков, В. Н. Преимущество и новизна в осмыслении модернизированного неодиалектического материализма / В. Н. Калмыков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2024. – № 1 (142). – С. 110–115.

Ответственный секретарь: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *Е.Н. Федорова, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 06.02.2025. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 13,77. Тираж 20 экз. Заказ № 78.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.